ОГОНЁК

№ 3 ЯНВАРЬ 1948
ИЗДАТЕЛЬСТВО «ПРАВДА»

Памятник В. И. Ленину в Ульяновске.

Фото А. Гаранина

Москва. Красная площадь. Мавзолей В. И. Ленина.

Фото Дм. Бальтерманца

Пролетарии всех стран, соединяйтесь!

ОГОНЁК

№ 3 (1076) 18 ЯНВАРЯ 1948

26-й год издания

ЕЖЕНЕДЕЛЬНЫЙ ОБЩЕСТВЕННО-ПОЛИТИЧЕСКИЙ И ЛИТЕРАТУРНО-ХУДОЖЕСТВЕННЫЙ ЖУРНАЛ

В. И. ЛЕНИН

Рисунок П. Васильева

Имени Ленина

Л. МИХАЙЛОВ, А. ЯКОВЛЕВ

Фото О. Кнорринга.

Двадцать четыре года прошло с того дня, как умер создатель первого в мире социалистического государства, основатель героической партии большевиков, величайший мыслитель, вождь, учитель и любимый друг трудящихся — Владимир Ильич Ленин.

«Ленин
и теперь
живее всех живых.

Наше знанье,
сила
и оружие».

Все эти годы великие идеи Ленина озаряли наш путь. Могучая партия большевиков — ум, честь и совесть нашей эпохи,— обязанная Ленину этими замечательными качествами, была той силой, которая вела и ведет советский народ к предначертанной Лениным светлой цели — к коммунизму.

После смерти Ленина знамя Ленина, знамя большевистской партии, высоко поднял и понес вперед товарищ Сталин, выдающийся ученик Ленина, лучший сын партии большевиков, достойный преемник и продолжатель дела Ленина.

Под мудрым руководством великого Сталина многонациональный советский народ в труде и борьбе идет по пути, указанному Лениным, выполняя его великие заветы: индустриализация нашей страны, коллективизация сельского хозяйства, просвещение широких масс.

Имя и дела Ленина будут жить в веках. В нашем государстве имя Ленина и имя лучшего ученика, великого продолжателя его дела Сталина являются символом всего передового.

Именем Ленина названы в нашей стране города, области, районы, заводы, фабрики, учебные заведения, научные институты, музеи, библиотеки, театры, клубы.

Это великая гордость — жить и трудиться в городах, которые носят имя Ленина. Это честь — работать в коллективах заводов, институтов, библиотек, театров, которым правительство присвоило высокое и почетное имя Ленина...

1. Ленинский район Москвы

На Красной площади, у древней кремлевской стены, в гранитном мавзолее спит вечным сном великий человек, идеи которого живут в мыслях, сердцах и делах многомиллионного советского народа.

Глубочайший смысл заложен в том, что в дни всенародных праздников именно с трибуны Ленинского мавзолея Сталин, окруженный своими ближайшими соратниками, приветствует народ. И именно отсюда несутся призывы к борьбе за будущее человечества.

В Ленинском районе Кремль — сердце нашей Родины, гордость нашей Москвы и всего советского народа. Здесь живет и работает мудрый Сталин.

Ленинский район Москвы — один из самых больших районов столицы.

Здесь много промышленных предприятий во главе с заводами общесоюзного значения: «Красным пролетарием» и Станкозаводом имени С. Орджоникидзе, Академия наук СССР с огромной сетью научно-исследовательских институтов, множество высших учебных заведений, Центральный парк культуры и отдыха имени М. Горького.

В годы сталинских пятилеток в Ленинском районе выросли многие десятки новых многоэтажных домов и 29 домов было надстроено. Общая жилая площадь их — 232,5 тысячи квадратных метров. Широкие и благоустроенные магистрали пролегли на месте узких улиц купеческого Замоскворечья.

И в том, что Ленинский район превратился в один из крупнейших индустриальных районов столицы, и в том, что величайшая сокровищница русской национальной живописи — Третьяковская галлерея — стала сейчас доступной каждому гражданину Советской страны, и в том, что в этом районе неиссякаемым родником бьет научная мысль,— во всем этом видно идейное и материальное выражение великих ленинских заветов.

2. Завод имени Владимира Ильича

Почти 30 лет назад, 30 августа 1918 года, на этом заводе выступал Ленин. В своей речи он говорил:

«У нас же один только лозунг, один девиз: всякий, кто трудится, тот имеет право пользоваться благами жизни. Тунеядцы, паразиты, высасывающие кровь из трудящегося народа, должны быть лишены этих благ. И мы провозглашаем: все — рабочим, все — трудящимся!

Мы знаем, как все это трудно провести, знаем бешеное сопротивление со стороны буржуазии, но верим в конечную победу пролетариата, ибо, раз он мог выйти из чудовищных бедствий военной империалистической грозы и водрузить на развалинах разрушенного им здания — здание социалистической революции, он не может не победить».

За годы советской власти завод, отмечающий в этом году столетие своего существования, вырос и изменился гораздо больше, чем за все то время, когда он принадлежал иностранцам Гопперу и Михельсону.

В годы сталинских пятилеток, когда по ленинским указаниям преобразовались промышленность и сельское хозяйство, на заводе имени Владимира Ильича были построены новые цехи, оснащенные передовой техникой.

В активе завода имени Владимира Ильича — тюбинги для метро и самоходные комбайны, электромоторы, деревообрабатывающие и металлорежущие станки для лесопильной промышленности, льнотеребильные машины и полуавтоматы самых различных систем.

Число станков по сравнению с дореволюционным временем возросло в двенадцать раз.

За годы советской власти произошли коренные изменения в бытовых и культурных условиях жизни рабочих и их семей. Раньше рабочие ютились в каморках, которые они снимали у хозяев, и платили за них чуть не половину заработка, по двое спали на одной койке. Сейчас завод имеет два больших жилых дома — на Житной улице и в Рощинском переулке. Вместо лечебного пункта, на котором «врачевал» один фельдшер, на заводе оборудована по последнему слову науки огромная поликлиника. При заводе имени Владимира Ильича появились библиотека, ясли, детские сады, санатории, клуб, средняя школа, ремесленное училище, школы мастеров.

Москва социалистическая. Калужская улица в Ленинском районе Москвы.

Завод гордится знаменитым токарем Александром Смирновым, который в первом году новой сталинской пятилетки выполнил пять годовых норм, во втором году — еще пять, а в ответ на обращение ленинградцев решил выполнить шестнадцать годовых норм за три года.

В письме москвичей товарищу И. В. Сталину о досрочном выполнении плана 1947 года была упомянута фамилия мастера Андрея Непочатых. Весь участок Андрея Петровича Непочатых всегда был стахановским. Он еще в ноябре перешагнул порог второго года сталинской пятилетки и вступил в третий.

Так осуществляют ильичевцы заветы Ленина.

3. Музей В. И. Ленина

Миллионы людей приходят в Музей В. И. Ленина. Это рабочие, колхозники, солдаты, офицеры, студенты, ученые, педагоги, школьники.

С трепетным волнением вглядываются люди в документы, письма, фотографии, портреты, картины, вещи, принадлежавшие лично Владимиру Ильичу.

Посетители музея, созданного по инициативе И. В. Сталина, видят весь великий жизненный путь Владимира Ильича Ульянова (Ленина) от детских лет до эпохи победы Великой Октябрьской социалистической революции и периода, когда Ленин стал во главе первого в мире социалистического государства.

В музее собраны Сочинения Ленина, переведенные более чем на 100 языков мира, и великолепная коллекция различных произведений народного творчества, отражающих родной и близкий сердцу каждого человека образ любимого Ленина.

Великий образ Ленина останется навеки в сердцах миллионов людей всего мира.

4. Военно-политическая академия имени В. И. Ленина

26 января 1924 года на траурном заседании II Всесоюзного съезда Советов, выступая от имени партии с великой клятвой, Сталин сказал:

«Ленин не раз указывал нам, что укрепление Красной армии и улучшение ее состояния является одной из важнейших задач нашей партии... Поклянемся же, товарищи, что мы не пощадим сил для того, чтобы укрепить нашу Красную армию, наш Красный флот...»

Это была клятва большевистской партии своему ушедшему учителю и вождю. Эту клятву партия под руководством Сталина выполняла и выполняет с честью. В годы Великой Отечественной войны советский народ, осененный

В Музее Владимира Ильича Ленина.

Библиотека имени Ленина в Москве.

В Военно-политической академии имени В. И. Ленина. Слева направо: слушатель академии Герой Советского Союза подполковник П. Ф. Клята, воевавший в годы войны в авиации дальнего действия, бомбардировавшей Берлин, начальник общевойскового факультета академии полковник Н. М. Овчинников, в прошлом слушатель академии, работавший в годы войны начальником политотдела армии, слушатель академии майор К. А. Кошман, получивший высокое звание Героя Советского Союза за участие в боях по освобождению Белорусской ССР.

великим знаменем Ленина, победил злейшего врага всего передового человечества. В дни мира Советские Вооруженные Силы совершенствуют свою боевую и политическую подготовку.

Военно-политическая академия, носящая имя великого Ленина, существует 28 лет. Она воспитала не одно поколение славных политработников нашей Советской Армии. Героически погибший на Западном фронте дивизионный комиссар Лестев, Герой Советского Союза генерал-лейтенант Бойко, генерал-лейтенанты Веров и Лукашин, генерал-майор Маслов и многие тысячи политработников несли большевистское слово правды, великие идеи Ленина и Сталина в ряды бойцов Советской Армии, поднимая их на борьбу против фашизма.

С именем Ленина, с возгласом «За Родину, за Сталина!» бойцы Советских Вооруженных Сил шли в бой против врага и побеждали.

5. Государственная библиотека СССР имени В. И. Ленина

Целый квартал занимает сокровищница мировой культуры — Государственная библиотека СССР имени В. И. Ленина. Здесь огромные книгохранилища, светлые и просторные читальные залы, кабинеты для научных работ.

Библиотека имени Ленина — гордость Москвы, гордость всего Советского Союза. В 1913 году здесь насчитывался миллион книг, было два читальных зала на 400 мест. За год Румянцевский музей обслуживал 13 600 читателей. В 1947 году в Государственной библиотеке имени В. И. Ленина было 11 миллионов томов, он обслужил свыше 70 тысяч читателей, 10 залов вмещают 1200 человек.

6. Университеты марксизма-ленинизма

Ленинские идеи, марксизм-ленинизм изучают у нас широкие массы советской интеллигенции, рабочих и колхозников.

В 1925 году, в связи с годовщиной со дня смерти В. И. Ленина, товарищ Сталин писал:

«Помните, любите, изучайте Ильича, нашего учителя, нашего вождя... Стройте новую жизнь, новый быт, новую культуру — по Ильичу».

Трехгорная мануфактура. Дом культуры имени Ленина. Хор старых ткачих. На переднем плане: ткачихи Матрена Николаевна Яковлева (60 лет) и Дарья Ивановна Плеханова (71 год).

В самых различных кругах советского общества — и у членов большевистской партии и у беспартийных — велико стремление изучать жизнь и учение основателей партии. За последние годы широкое распространение получили у нас университеты марксизма-ленинизма.

Пристально изучая историю большевистской партии и историю революционной жизни и деятельности Ленина и Сталина, каждый большевик и каждый беспартийный трудящийся чувствует, что еще родней, еще ближе становится ему настоящее, бодрее и радостнее он смотрит в будущее.

7. Дворец культуры имени Ленина

На крупнейшем предприятии столицы — Трехгорной мануфактуре имени Ф. Э. Дзержинского — двадцать лет существует Дворец культуры, носящий имя Владимира Ильича Ленина.

В свободное от работы время трудящиеся «Трехгорки» занимаются в театральной студии, изо- и фотокружках, в хореографическом коллективе, в оркестрах — народных инструментов и духовом. Старые ткачихи «Трехгорки» организовали здесь свой хор.

В парткабинете завода имени Владимира Ильича. Заточница депутат городского Совета П. А. Сухинина, мастер А. П. Непочатых, токарь депутат райсовета А. С. Смирнов, старейший рабочий завода, проработавший 55 лет литейщиком, Я. М. Веселов и бывший красногвардеец, старый рабочий завода, участник коммунистического субботника 1919 года М. А. Подкопаев.

8. Ленинские горы

С Ленинских гор видна вся Москва. Перед нами открывается все то, чем горда Москва социалистическая: и крупнейшие новые заводы, и великолепные мосты, и кварталы новых величественных зданий.

На Ленинских горах, на высоком берегу Москвы-реки, в центре ее живописной излучины, вырастет один из восьми многоэтажных домов, которые будут сооружены в Москве по решению Совета министров Союза ССР.

Мы поднимемся на крышу этого дома — и с высоты тридцать второго этажа перед нами откроется великолепная Москва, преобразованная волей партии большевиков, по заветам Ленина, под руководством Сталина.

«ЕСТЬ ТАКАЯ ПАРТИЯ!»

Рисунок Е. Кибрика.
Всесоюзная художественная выставка 1947 года.

ПУТЬ К КОММУНИЗМУ

А. АГРАНОВСКИЙ

Специальный корреспондент «Огонька»

Рисунки П. Голубь

По понедельникам в Талдыках партийный день, все двенадцать коммунистов села изучают теорию марксизма-ленинизма. Но на этот раз на занятии присутствовали и Грицко Иванович, и Федор Романович, и Иван Яковлевич, и еще человек пятнадцать беспартийных колхозников. Подсказал эту мысль — пригласить беспартийных — секретарь районного комитета партии Петро Гаврилович Моргушко. Он накануне приезжал сюда в связи с подготовкой к выборам и начавшейся интересной беседой так увлекся, что просидел до темной ночи. О коммунизме размечтался он...

Секретарь райкома сказал, что каждый раз, когда он бывает в Талдыках, он чувствует себя как бы в городе, до того стерлась грань между этой деревней и городом.

— Стирается грань,— тихо заметил кто-то из собеседников.

— Разумеется... я и не говорю, что она окончательно стерлась. Но посмотрите сами, товарищи, чем Талдыки — не город? Электричество есть, радио есть, свое кино, свой театр, свой оркестр, есть и клуб, лучший на Украине... Когда видишь ваше село и ваших людей, еще лучше понимаешь слова товарища Молотова, что все дороги ведут к коммунизму. Клянусь, вы подходите к коммунизму!

А когда секретарь колхозной партийной организации, учитель Иван Васильевич Кононенко, сказал, что завтра в партшколе будет изучаться третий раздел доклада В. М. Молотова на торжественном заседании Московского Совета 6 ноября 1947 года, «Советский Союз и коммунизм», Петро Гаврилович даже привстал.

— Вот именно! И пригласите на занятие не только коммунистов,— пусть другие тоже послушают и помечтают. Советские люди должны уметь мечтать. Ленин сказал, что без фантазии нельзя обойтись даже в математике. Когда воздвигаешь что-либо великое, ты должен прежде всего представить себе это великое силой своей мечты. Непременно позовите актив, пусть послушает о грядущем торжестве коммунизма.

Петро Гаврилович уехал, и вот занятия в клубе в самом разгаре. Изрядная стопка книг Ленина и Сталина с закладками на многих страницах — верный свидетель упорного труда, а может быть, и бессонной ночи Ивана Васильевича. Человек с высшим образованием, он, несмотря на свою эрудицию, потрудился, как это видно, довольно крепко. Но зато план занятий он избрал правильный. Село Талдыки лежит на той же большой дороге или на одной из тех больших дорог, которые ведут к коммунизму. Следовательно, сегодняшнее занятие со слушателями надо проводить, как он выразился, «практически»: вот ленинские и сталинские положения о будущем коммунизме, а вот конкретная практика, сегодняшние дела колхоза. Проверим, товарищи, как мы следовали все годы за учением великих вождей, не отступали ли мы, не уклонились ли в чем-либо от столбовой дороги к коммунизму, и если мы верно и твердо будем дальше идти по начертанному пути, а я в этом не сомневаюсь, так давайте помечтаем, как скоро мы сможем сами, своими собственными глазами, увидеть это величественное и светлое будущее!

Так он вступил в лекцию.

Было это вчера. А сейчас уже часов десять вечера, и я пишу отчет о занятиях. Меня нарочно закрыли в колхозной конторе, в кабинете председателя колхоза, чтобы спокойнее было работать, чтобы никто не мешал. Но увы, я дописал статью до этого места и вынужден отложить перо... В соседней конторской комнате, за тонкой перегородкой, идет настоящий митинг. Гул голосов неимоверный.

— Как же это? — слышу голос. — Бери каждый, что твоей душе угодно, а работай исключительно по силе твоей возможности? Другой, может, хотел бы работать два часа, а ты — шесть. Тебе не обидно будет?

Густой бас разъясняет:

— Во-первых, человек тогда будет совсем другой ситуации сознания. Сам человек не сможет без работы жить, если он в полном здравии.

Новый голос:

— И сейчас никто не гонит на работу.

Бас:

— Правильно. А вспомни, как було! Тебе не загадывали на работу? Или тебе бригадир пид викном не стучал, а ты лежишь на печи — ай, не пиду, спина болить... А дальше сознательность выше поднималась.

— От чего именно?

— От культуры всей страны, она же росла! Страна — это не один наш колхоз. Более сознательные воспитывали менее сознательных. Люди глядели, видели и убеждались. У тех в колхозе радио, клубы, научное земледелие, библиотека, электричество, а у нас, допустим, нет... Один у другого учился.

Он умолк на время и продолжал:

— Экономика — тоже серьезный пример, она тоже меняет сознание. Смотри сам. Моя Мария получила 8 поросят одной дополнительной оплаты за труд, твоя Домаха одержала 30 пудов проса — тож сключительно премия, так почему им цей год не работать ще лучше? Когда человек веселей, ему работа лучше идет. А кто их гнал, кто их будил пид викном? Сами ночью убирали просо, поки соньце не взишло, сами за кажную зернину тряслись... Вчера Иван Васильевич разъяснял: это, каже, почти считается коммунизм — такая сознательность труда.

Долгая пауза.

— Чудно! — опять тот же вопрошающий голос. — Вот, к примеру, я хочу: дай мне одразу пуд сала или дай мне одразу десять фуфаек.

Отказать нельзя. А где ж на всих розжиться такой силы придметов? Где их взять?

Опять бас:

— Во-первых, высшая техника. На что теперь росходуешь 12 часов, тогда, может, за два часа зробишь. Наивысша производительность труда. Этим ты выработаешь продукции на заводе, чи в поле — высшим сбором. Обилие всего-навсего. И бери! И одень десять фуфаек и покушай пуд сала, если интересно. А потом тебе докторица Роза Абрамовна таку клизму закатит, что той свет побачишь...

Долгий дружный хохот. Бас продолжает:

— Пойми: это же так рассуждает человек от несознательности. Ах, дожить до обилия продукции! Ах, я ив бы сало с салом тай на сале спав бы! А когда любая продукция есть, сколько твоей душе угодно, так она не так кушается, як думается... А только то поскушаешь, что действительно требуется для существования жизни.

— Справедлыво говорит!

— Правильно!

Кто проводит эту беседу? Пойти туда или здесь оставаться? Любопытство просто одолевает... Ведь вчера в это самое время в партшколе буквально о том же говорилось, только иными словами. Иван Васильевич приводил высказывание Ленина о «Сухаревке», которая живет в душе и действиях людей и которую надо «закрыть», ибо она основа капитализма. «Ив бы сало с салом, тай на сале спав бы» — это и есть остатки «Сухаревки» в сознании. Но как здорово колхозник с басом раскрыл и разъяснил эту «Сухаревку», как осмеял ее!

— Да... — слышен совсем новый голос. — Дожить бы только до того времени...

— Может, и доживем. Должны дожить.

Не могу больше усидеть взаперти. Выхожу — дым коромыслом. Час уже поздний, электричество не горит, и вокруг малюсенькой коптилки сгрудилось человек десять. Едва различаю лица. Узнаю только одного Ивана Яковлевича, колхозного завхоза. А остальных я не видал ни разу, их не было вчера в клубе.

Вот они, плоды большевистского просвещения! Вчерашний урок повторяют сегодня десять беспартийных крестьян, сам «руководитель» Иван Яковлевич — беспартийный. Вчерашний урок разнесся по всему колхозу! И старые люди, бородачи, готовы сидеть всю ночь, любовно обсуждая дошедшую до них лекцию о коммунизме... Именно любовно, я не слышал ни одного возражения, даже тени возражения. Так ведь это тоже есть дорога к коммунизму! Это и есть самый настоящий путь к тому светлому будущему, за которое вот уже полвека борется наша великая партия!

Пришел ко мне на квартиру Семен Яковлевич Власенко, хочет познакомиться. Это местный главный механик, его руками еще до войны электрифицировано и радиофицировано село, установлено кино. У него всего трехклассная грамота, но он достал два «исключительных», как он говорит, учебника — «Рабочую книгу по математике» и «Электротехнику для всех» — и стал сразу и механиком, и электротехником, и кинооператором.

Я о нем слышал уже. Рассказывали, как он и другие селяне прятали от немцев дорогое оборудование. Петро Петрович Грам «ховал» киноаппаратуру, Василь Федорович Качно «ховал» радиоузел, Гнат Иванович Брик — генератор. Закапывали, откапывали, чтоб высушить, перетереть, и опять закапывали.

Но Семен Яковлевич пришел не о том рассказывать. Он просит за дочь Марию: помочь ей выписать московский журнал с приложениями: «Она большая интересантка». И заодно он принес список прочитанных ею книг за этот год. Вот он лежит передо мной, написанный ее рукой: 103 книги.

Марии 13 лет.

Жалуется Семен Яковлевич: «Отверженные» она прочитала за два дня,— такая толстая книга! Ему бы этот роман Виктора Гюго как раз на месяц, а Марийка — хоп!— и нет его. И рвет книгу из рук: скорей, папа, менять надо...

Я долго слушаю Семена Яковлевича, гляжу на него и об одном думаю: коммунистическое общество — это общество, где, по выражению Сталина, исчезла противоположность между городом и деревней. А где здесь грань, по каким признакам можно считать этого человека человеком вчерашнего, а не завтрашнего дня? «Сухаревка» в сознаньи, «Сухаревка» в быту? Но талдыкские колхозники перестали даже садить на своих усадьбах огородину. Скоро они и от коров и коз откажутся. Конечно, при коммунизме с ростом культуры возрастут и потребности людей, но и богатство страны будет тогда более высокое.

Делюсь этой мыслью с Семеном Яковлевичем, хочу узнать, как он сам смотрит на себя, чувствует ли он сам, как он вырос. Семен Яковлевич воспринимает мои слова, как абсолютно ясное и должное. Да, он вырос, он это тоже видит и понимает. Только образования нехватает. Построил самоучкой электростанцию, а видите ли: накала нет, киловатт нехватает. Если б не пожилые годы, сегодня, сейчас пошел бы «на инженера».

— Вообще,— говорит он,— я мыслю, что при коммунизме не будет неграмотных. Только как понимать эту грамоту? Когда Ленин говорил: надо учиться, учиться и учиться,— он имел в виду достижения каждым человеком полного изучения своей профессии, а не просто уметь расписаться. Если ты тракторист или комбайнер, будь непременно техником. Если директор МТС, будь инженером. Если бригадир в поле, будь агрономом! Как сказал товарищ Сталин — кадры, овладевшие техникой, решают все. Без кадров не может быть высокой производительности. Кто ценит кадры, тот выиграет темпы. А моя Марийка мечтает быть инженером... — закончил он неожиданно. Новое пополнение будет иметь орлиные крылья. Вы бы зашли к нам познакомиться...

...Днем я встретил Гната Ивановича Брика, того самого Брика, который «ховал» при немцах генератор. Я как раз возвращался из клуба. В библиотеке на столе я видел ящик с личными карточками абонентов. Вернее, с большими листами, потому что вся деревня читает не менее охотно, чем Марийка.

Но я расстроен: библиотекарша Мария Петровна Матюха — одновременно уборщица клуба, а здание двухэтажное, десять огромных залов. Кроме того она первая певица в хоре и играет главную женскую роль в «Платоне Кречете»... Обидно! Клуб на сельском бюджете, колхоз добавляет своих 17 тысяч рублей, а нехватает на штаты... Но что поделать, если приходится пока что жить более экономно: мы только идем к коммунизму. И в городе сотни и тысячи людей работают за двоих, за троих...

В таких вот настроениях встречаю Гната Ивановича,— он идет в клуб. Сегодня две репетиции, а он руководитель хора и режиссер драмы. Тоже три нагрузки: его основная работа — кузнец.

О чем говорим? О коммунизме, конечно. В эти дни здесь у всех одна тема. И я опять говорю о «грани».

— Грань еще есть! — говорит Гнат Иванович.

— Грань в том, что я хотел бы сесть на троллейбус и поехать из Талдыков в Киев — в оперу. Понимаете? А ночью хочу вернуться домой. Наш колхозник уже давно не желает смотреть только спектакли самодеятельности.

Возражаю ему. Грань, говорю я,— это когда человек не дорос еще до сознания, что ему нужна опера, когда человека не тянет еще к классической музыке Чайковского или Бородина. А когда он понял все это, — главное сделано. Теперь надо только засучить рукава и строить асфальтовые дороги в Киев...

Нет, Гнат Иванович, несогласен, хотя за разъяснение он благодарен. Но вопрос в другом: он все-таки хочет, чтобы троллейбус появился как можно скорее, тут же, завтра. «Умственно я давно перешел межу, мне надо на факте ее перейти». Он убежден, что уборщица клуба Матюха — вторая Литвиненко-Вольгемут, и таких талантов в народе очень много. Надо скорее всех их открыть и прославить. Грань, значит, во времени, в потере дорогого времени. Это для Трумэна или Бевина коммунизм — самое страшное, а для нас ничего нет дороже этого слова.

— Слушайте, товарищ! — останавливается он вдруг. — Я уже думал о том, что если б не война с Гитлером, ой, как близко были бы мы к коммунизму!..

Он постоял, задумавшись, и тихо, чуть нагнувшись ко мне, как бы по секрету, добавил:

— А, может, и сам коммунизм был бы, если б не эта война?..

...Захожу в хату к Андрею Трофимовичу Качко, талдыкскому шоферу, вернее, одному из трех шоферов. (В этом колхозе три собственные машины.) Андрей Трофимович присутствовал на занятиях в партшколе, но ни разу не выступил. Интересуюсь, почему он молчал.

— Боюсь выступать, малограмотный я... — откровенно признается он. — Ляпнешь такое, что тебя за дурака посчитают.

Но «малограмотный» шофер через пять минут начинает развертывать передо мной целую программу переустройства жизни. Два часа сижу у него, не могу наслушаться.

На Московском заводе выпускают сейчас «ЗИС-5» — он читал об этом в газетах. Иной, может быть, рассуждает так: кто будет возить при коммунизме навоз в поле? Я буду! Ты сиди в белом халате у микроскопа, а я тоже в белом халате буду сидеть на «ЗИС-5». И будет еще у меня приспособление: нажал кнопку — экскаватор сам нагружает, другую кнопку нажал — кузов опрокинулся и разгрузился.

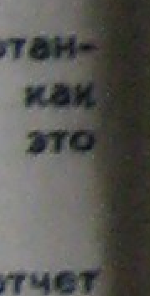
— У нас в колхозе десятки тысяч тонн перегною накопилось, а я — обыкновенный шофер — буду давать для общества высший урожай хлеба. Я буду один на «ЗИС-5» работать за 50 человек и 50 лошадей, а остальные 49 пусть строят дома, палисадники — что хочешь.

Он перечислил мне все автомобильные заводы СССР, выпускающие машины различных марок, и разъяснил, что за пять, максимум, десять лет город забросает деревню машинами. Даже для заграницы хватит машин — вот как поднимется техника за ближайшие 5—10 лет!

И я снова глядел на это взволнованное лицо и думал одно: где прежний крестьянин? Где идиотизм прежней деревенской жизни, и где те люди, которые не только в коммуну — в ТОЗ не решались идти? Какая революция проделана, какая школа пройдена! Конечно, я не хочу и не имею права заблуждаться, не все одинаково выросли, но разве мало и того, что уже достигнуто!

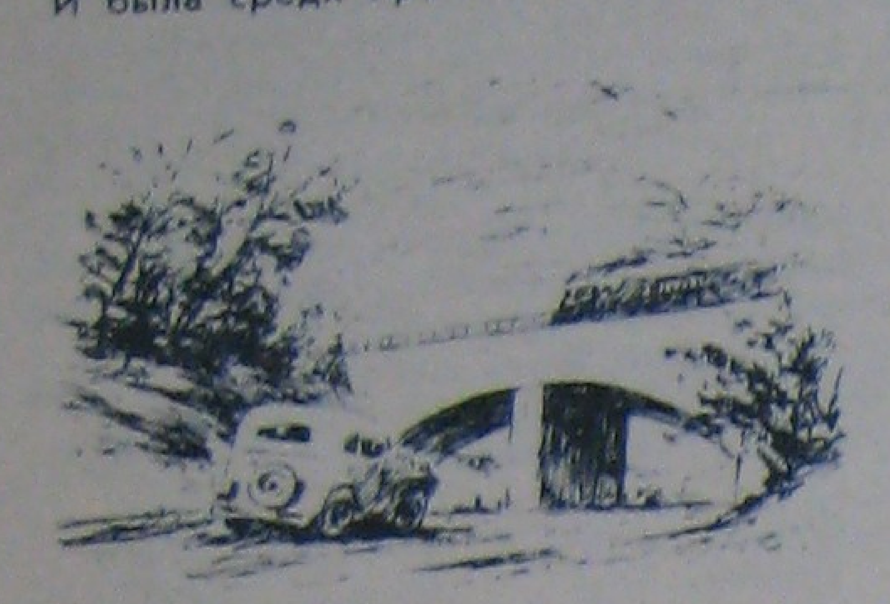
— Приятно беседовать с вами, Андрей Трофимович, моложе становишься, а ведь так не хочется стареть...

— И я молодею, — отвечает он.— Думаете, не радость и мне помечтать? Смотрите сами: если б лет двадцать назад заговорить с нами о коммунизме... Коммуна? Одним одеялом всем укрываться?! — вот как понимали мы. А теперь убедились: раз партия говорит, так все к лучшему. Могу пример из своей практики сказать. В 1930 году я первый здесь сел на трактор. Так я был гордый, не подходи ко мне близко! Народ боялся дыхнуть. А теперь со мной подравнялись девахи, и Домаха, и Сима; они даже более первые люди, чем я. Герои! Я не в обиде за это, а говорю к тому, что наука и техника вошли в привычку. Пусть завтра придет трактор, который перескакивает через глубокие балки, или пусть появится пшеница, которая созревает в один месяц, — удивления не будет. Только скажут: вот хорошо, давно пора!..

А затем пошла чистая лирика.
— Смешно было мне, когда в партшколе председатель Осип Сер-
геевич о самолетах заговорил: вся молодежь, говорит, будет изучать
самолет, как спорт. Захотел кто в Киеве или в Москве погулять, сел
в самолет и пошел. Свой ангар, говорит, в колхозе будет — спе-
циально для прогулок. Это Осипу Сергеевичу так кажется, потому что
он летчик, девять лет летным офицером был. А я полагаю, что са-
молет нужен для спешки иль по болезни, а не для удовольствия.
Сверху разве природу видать? Мне дай хорошую легковую, я бы
взял жинку, дочку Гальку — и айда. Пусть посмотрят они мосты,
речки, леса...

И была среди прочих встреч еще одна. На квартире председателя
колхоза Осипа Сергеевича
за чашкой чая и с каранда-
шом. Говорили, что назы-
вается, конкретно. Пришли
бригадиры, пришел плотник
колхоза, секретарь партий-
ной организации и еще не-
сколько руководящих това-
рищей. Возраст в среднем
от 35 до 50 лет, то есть как
раз то поколение, которое,
по мнению всех присут-
ствующих здесь, само еще
должно увидеть над своей
Родиной звезду коммуниз-
ма. Это невольно придавало особенную теплоту встрече: как-никак
собрались «непосредственно заинтересованные» лица, как, смеясь,
сказал Осип Сергеевич.

Да, говорили по-деловому, планировали коммунизм по существу,
если можно только представить себе планирование коммунизма
в одном, отдельно взятом колхозе... Но дорог был самый факт, что люди
подошли к вопросу о построении коммунизма со всей душой и с кон-
кретными фактами в руках.

Первое слово — о Вильямсе. Вильямс должен сниться каждому кол-
хознику еженощно, потому что учение Вильямса — это вечно юная,
вечно обновляющаяся земля, то есть одна из основ богатства страны.
Здесь, в Талдыках, травопольный севооборот давно освоен.

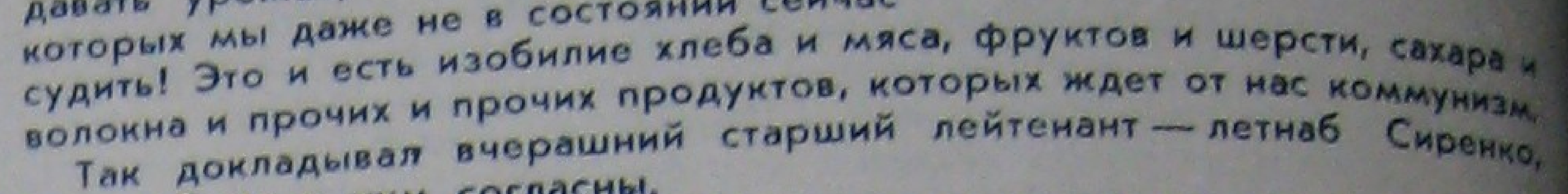
Таково первое условие изобилия продуктов.

Второе — дальнейшее движение нашей науки. Наука скажет, что
дальше делать, она подскажет. Может быть, в самом деле селек-
ционеры откроют «семя», которое дает два урожая пшеницы! Пока
есть у нас свои Лысенки и свои Цицины, нет предела урожаям, кото-
рые может дать советская, коммунистическая земля.

Вот Талдыки взяли в этом году по 102 пуда хлеба с гектара.
Это хорошо. Верстах в 15 есть колхоз Змогайловка: там средний
урожай — 130 пудов. Это совсем хорошо. В самых Талдыках звено
Марии Зигар собрало по 440 пудов кукурузы с гектара. Такого урожая
кукурузы еще никогда здесь не видели. Так кто же может определить
«межу» урожайности и кто может усомниться в том, что мы действи-
тельно идем к изобилию?!

Грицко Иванович Колашник, полевод колхоза, вырастил в этом году
гибрид кукурузы, дающий по пять початков на стебле. Он собрал уро-
жай картофеля и на одном участке посадил на очищенный кусок
земли картофельную ботву — вырос новый картофель... Это он при-
думал «из собственной головы, без всякой науки», потому что он едва
умеет писать. А что, если наука придет на помощь, высокая, комму-
нистическая наука?

— Все дело в людях, — говорил
Осип Сергеевич Сиренко. — Если
взяться по-настоящему за подготовку
кадров, не ожидая их из Киева или
Москвы, а создавая свои, — не более
чем через 10 лет все руководящие
должности будут размещены между
квалифицированными специалистами.
Старший конюх — и тот должен быть
зоотехником. Своя десятилетка есть,
средства в колхозе есть, техникумов и
вузов в стране сотни и тысячи, — почему
не добиться за 10 лет? А если «страхо-
вочно» добавить еще одну или две пя-
тилетки, так неужели недостаточно два-
дцати лет, чтобы колхозные поля стали
давать урожаи, об истинных размерах
которых мы даже не в состоянии сейчас
судить! Это и есть изобилие хлеба и мяса, фруктов и шерсти, сахара и
волокна и прочих и прочих продуктов, которых ждет от нас коммунизм.

Так докладывал вчерашний старший лейтенант — летнаб Сиренко,
и все были с ним согласны.

Но у тов. Сиренко было и одно серьезное замечание, как у «непо-
средственно заинтересованного лица», и вот какое:

— Только высочайшая производительность труда, всенародная куль-
тура, обилие продуктов и предметов потребления во всех уголках
страны — только это обеспечит торжество коммунизма. Но как же
быть, — спрашивал Осип Сергеевич, — если рядом с Талдыками есть
деревни, где нет ни электричества, ни радио, ни библиотеки?

Выходит, — продолжал Сиренко, — что мы построим асфальтовое
шоссе, пустим троллейбус, а возле Слободы наш троллейбус в луже
сядет?

Это звучало, как каламбур, но никто и не улыбнулся.

— Коммунизм будет исходить от нас, — заметил серьезно плотник
Колашник.

— Согласен, понимаю, — ответил ему председатель колхоза. — Но
они тоже могли бы три раза построить электростанцию! Они в три раза
богаче, миллионеры! В Змогайловке вдвое менее посева, чем у нас,
а она обогнала Талдыки за один год. Все выстроила! Едешь в город,
не поймешь, где зарево — над Змогайловкой или над городом?

— А Худяки и Слобода, — вставил парторг, — смотрят на нас в би-
нокль. По расстоянию — рядом, а по понятиям — далеко...

— На буксир их! — заключил плотник.

Вот что говорили вчерашние простые крестьяне. И хочется верить,
что слова их не послужат к обиде. Когда люди говорят от чистого
сердца и говорят правду, — нельзя обижаться. А надо скорее дей-
ствовать, скорее разворачивать и свои плечи. А плечи у слободских
и худяковских колхозников могучие. Они это не раз доказали и в
мирном труде и на войне.

И всё, что описано здесь, происходило совсем недавно, в канун
нового, 1948 года в Киевской области, в Черкасском районе, в селе
Талдыки, в колхозе, который носит имя Кирова.

Верный соратник великого Сталина Сергей Миронович Киров
27 лет назад сказал: «Наступает новая эра, когда царство небесное
строится здесь, на земле...» Пламенному трибуну революции не суж-
дено было дожить до таких радостных дней.

Мы идем к коммунизму! Мы живем в такое время, когда все дороги
во всем мире ведут к коммунизму!

Издалека

Марк СОБОЛЬ

ЗАГРАНИЦА

Из застиранной лазури
солнце
пялит сонный глаз.
Город — холм.
На верхотуре
шахта черная — «Алмаз».

И оттуда
вагонетки
свозят под гору,
сюда
всю породу,
все объедки
человечьего труда, —
бесполезный камень черный,
хлам, что выдала земля,
перенявший цвет и форму
благородного угля...

Ах, Европа, —
в блестком глянце,
в разутюженной красе!
Мне казалось:
иностранцы
одинаковые все.

А на деле
два народа:
жизнь и плесень,
свет и муть.
Я же уголь от породы
отличаю как-нибудь!

И не там, где лгут и копят,
суть народа наяву...
Старый угольщик
в Европе
просит песню
про Москву.

ПОЭТ

Стихи приходят ниоткуда.
Еще без рифм,
еще без строк,
они бесформенная груда
событий, мыслей и дорог.

Они приходят молодыми,
и, первобытностью сильны,
гремят, угаданные в дыме
сирени,
времени,
войны.

И вот уже строкою начат
твой трудный долг,
твой долгий труд.
Они вокруг свистят и скачут,
толкают, за душу берут.

И длится ночь переполоха,
идет упрямая борьба:
ты — человек, они — эпоха,
землетрясение,
судьба.

Истерзан грохотом и свистом,
к рассвету — бог,
к рассвету — прав,
нащупав грани точных истин,
ладони до-крови содрав.

Тогда рабочими руками,
и торжествуя, и с трудом,
отесывая каждый камень,
ты строишь стих, как строят дом:
надежно,
здорово,
по-русски,
чтоб в двери — жизнь,
а в окна — свет!..

Его партийная нагрузка —
пишите коротко:
поэт.

1947.

ЛЕНИНСКИЕ МЕСТА

Фото А. Гаранина

Горки. Дом, в котором жил и умер Владимир Ильич Ленин.

Флигель, в котором В. И. Ленин жил в один из приездов в Горки.

Вид на деревню Горки из окна комнаты, в которой умер Владимир Ильич (левый снимок).

Скамья в парке, на которой часто отдыхал В. И. Ленин (правый снимок).

Фото А. Гаранина

Беседка — любимое место отдыха Владимира Ильича (левый снимок).

В этом кресле часто сидел Владимир Ильич (правый снимок).

Патриотический подъем

Выборы в местные Советы Белоруссии, Казахстана, Грузии, Азербайджана и Киргизии

В обстановке огромного патриотического подъема в воскресенье, 11 января, прошли выборы в местные Советы депутатов трудящихся Белоруссии, Казахстана, Грузии, Азербайджана и Киргизии.

Народы братских республик, спаянные кровными узами единства, безгранично любящие своего вождя и учителя товарища Сталина, встретили выборы, как большой всенародный праздник. Выборы прошли при огромной активности и организованности трудящихся.

Радостно было узнать, что к 6 часам вечера в городе Тбилиси проголосовало 98 процентов избирателей и что к этому же часу в Абхазии явились на избирательные участки 99,85 процента, а в Аджарии — 99,95 процента избирателей.

Приятно было узнать, что к 6 часам вечера в далекой Киргизии, в горном Тянь-Шане, где перевалы покрыты глубокими, непроходимыми снегами, в 6 часов вечера голосование было повсеместно закончено, а на необъятных просторах Казахстана, где раскинуто 450 гидрометеорологических станций, все работники этих станций приняли участие в выборах. Участковая комиссия направила к зимовщикам своих представителей — мастеров лыжного спорта, которые доставили на высокогорные станции урну для голосования и благополучно возвратились обратно.

Высокая активность в выборах — новая яркая демонстрация морально-политического единства народов, населяющих нашу великую страну.

В выборах 11 января участвовали народы республик, которые в царской России были на положении угнетенных и бесправных париев. При советской власти, под мудрым руководством партии Ленина — Сталина, при братской помощи великого русского народа они достигли исключительного расцвета во всех областях жизни.

С невиданным подъемом во всех пяти союзных республиках прошло голосование там, где баллотировались в местные Советы товарищ И. В. Сталин и его соратники: товарищи В. М. Молотов, А. А. Жданов, К. Е Ворошилов, А. А. Андреев, Л. П. Берия, Г. М. Маленков, А. И. Микоян, Н. М. Шверник, Н. А. Булганин, А. А. Кузнецов.

Отрадно отметить, что ко дню выборов взятые трудящимися социалистические обязательства оказались выполненными. Горняки Караганды выдали сверх плана тысячи тонн угля. Рабочие нефтяных промыслов Баку повысили добычу нефти. Новыми победами в промышленности и сельском хозяйстве встретили день выборов трудящиеся Грузии, Киргизии и Белоруссии.

Выборы 11 января, как и недавние выборы в местные Советы в декабре 1947 года, в Российской Федерации, на Украине, в Армении, Молдавии и Карело-Финской ССР, являются ярчайшим свидетельством несокрушимости братской семьи народов, составляющих могучее советское государство — СССР.

Минск выбирает

(По телефону от нашего специального корреспондента)

В субботу был легкий сухой морозец, а в ночь на воскресенье густо повалил снег. Началась метель. Сквозь летящие снежные хлопья ярко выступали огни избирательных участков. Несмотря на пургу, уже с раннего утра к участкам торопливо шли минчане.

В 6 часов утра в большом сером здании Государственной библиотеки женщина-врач заслуженный деятель медицины профессор Билич первая получила бюллетень с именем Сталина.

Сплошной поток избирателей двигался за нею. Люди вслух выражали свои чувства:

— За лучшего друга белорусского народа!

— За отца, за учителя!

К 10 часам утра на избирательном участке № 1 Сталинского района проголосовали все 100 процентов избирателей.

Мы едем на окраину Минска — Малую Слепянку. Здесь строится первый в республике тракторный завод.

Народ идет на выборы дружно, весело. Вот знатный молодой каменщик Константин Аксинович. Он пришел со своей бригадой.

— Вместе работаем, вместе голосуем, — говорит Аксинович.

Накануне в честь выборов Аксинович и Леонид Банный поставили новый производственный рекорд: за смену они выложили 23 тысячи кирпичей.

К 6 часам вечера во всех трех районах города — Сталинском, Ворошиловском и Кагановичском — проголосовали все избиратели.

...В полночь мы вновь были на избирательном участке № 1 Сталинского района. Председатель участковой избирательной комиссии тов. Аграновский в торжественной тишине читает бюллетени:

— За Сталина!
— За Сталина!
— За Сталина!

На многих бюллетенях сделаны надписи. Вот некоторые из них:

«От всей души желаю Вам, родной наш отец, доброго здоровья на радость трудящимся всего мира, на страх врагам. Работница швейной фабрики В. М. Раскова».

«Товарищи! Голосуем за Сталина — это значит за коммунизм! П. Скидар».

«За Беларусь родную, славную республику свою, за Сталина родного я голос отдаю. С. И.»

Эти короткие горячие строки передают чувства всего белорусского народа.

Мих. Златогоров

ПЕРЕДОВИКИ СЕЛЬСКОГО ХОЗЯЙСТВА КРАСНОЯРСКОГО КРАЯ

Герой Социалистического Труда Григорий Васильевич Гагин, бригадир колхоза «Красный маяк», Минусинского района.

Герой Социалистического Труда Никита Николаевич Горбач, председатель колхоза «Заветы Ильича», Канского района.

Герой Социалистического Труда Семен Семенович Евпак, председатель колхоза «Верный путь», Казачинского района.

Герой Социалистического Труда Мария Константиновна Кизеева, звеньевая колхоза «Заветы Ильича», Канского района.

Герой Социалистического Труда Петр Павлович Семенов, директор Абаканской МТС, Краснотуранского района.

Герой Социалистического Труда Павел Трифонович Титенко, председатель колхоза имени Кирова, Казачинского района.

Герой Социалистического Труда Федор Иванович Чигрин, бригадир колхоза «Новый быт», Минусинского района.

Герой Социалистического Труда Анна Гавриловна Чмакало, звеньевая колхоза «Новый быт», Минусинского района.

СЛАВА ГЕРОЯМ КОЛХОЗНЫХ ПОЛЕЙ!

А. ДАВЫДОВ

Фото специального корреспондента «Огонька» О. Кнорринга

Секретарь Курского обкома ВКП(б) П. И. Доронин беседует с Героем Социалистического Труда П. В. Мартыновой и награжденным орденом Ленина председателем правления колхоза «Новый мир» Т. И. Рощупкиным.

Чувство истинной радости охватывает каждого советского человека, когда, раскрыв газетный лист, он видит все новые и новые Указы Президиума Верховного Совета СССР о присвоении звания Героя Социалистического Труда передовикам сельского хозяйства. Нельзя без волнения читать имена награжденных!

Мы все реально ощущаем плоды героического труда колхозной деревни. СССР — единственная страна в мире, которая сумела в кратчайший срок после войны поднять народное хозяйство на огромную высоту, сумела провести два важнейших мероприятия: резко снизить цены на продовольственные и промышленные товары и отменить карточную систему.

Так вот они, те люди, те лучшие люди деревни, которым в первую очередь страна обязана великой победой в борьбе за хлеб. Это они, партийные и непартийные большевики колхозной деревни, первые показали пример самоотверженного труда, это они повели за собой десятки, сотни тысяч тружеников деревни, это они обеспечили получение такого урожая и такого валового сбора хлеба, что в 1947 году страна достигла почти довоенного уровня. Огромная заслуга этих людей перед страной и перед всем советским народом именно в том, что они оказались не героями-одиночками, не рекордсменами одногектарниками, а сумели передать свое мастерство получения высоких урожаев тысячам и тысячам других колхозников.

...Великая битва на Орловско-Курской дуге. Разве можно забыть эту героическую страницу в летописи побед Советской Армии?

Враг бесславно отступал все дальше и дальше на запад, и в его логове, в Берлине, взвилось красное знамя, на весь мир прозвучало прекрасное слово «Победа!».

Но безрадостное зрелище являла земля, по которой прошли битвы военных лет. Израненная, исковерканная артиллерийскими снарядами и авиационными бомбами, поросшая сорняком и бурьяном, она, казалось, не скоро сможет родить хлеб. Старые, опытные хлеборобы, вернувшиеся домой, угрюмо смотрели на землю-матушку, на знаменитый чернозем центральных областей России.

...И вот еще раз со всей силой доказано могущество колхозного строя. То, что пахарю-одиночке было бы не под силу преодолеть и за десять лет, сделано колхозным крестьянством в неслыханно короткий срок — в один—два года.

Богатейший урожай родила земля-матушка в прошлом году, и великая радость пришла в большой, советский дом.

Десятки и сотни награжденных колхозников-победителей чествует в эти дни

Дотла разрушили немецкие оккупанты колхоз «Красный Октябрь». Сегодня колхозники не только заново возвели все постройки, но и вернулись к былому изобилию: амбары заполнены зерном, молочно-товарная и свинофермы восстановили поголовье, пасека дала богатый сбор меда, на мельнице идет помол зерна нового урожая. На снимке: колхозный амбар.

Колхозный счетовод М. Н. Протасенко подсчитывает, сколько заработало звено Анны Лободенко в 1947 году. Лободенко внимательно следит, как счетовод подбрасывает на счетах все новые и новые костяшки.

Много поздравлений со всех концов Родины получила звеньевая колхоза «Красный Октябрь» Анна Лободенко в связи с присвоением ей звания Героя Социалистического Труда.

советский народ. Это тоже была битва, Курская битва за хлеб! И одержанная победа превзошла все ожидания.

Вслед за первым Указом появился второй — о награждении красноярцев. Нет никакого сомнения, что будет прославлено немало героев труда и других областей, краев и республик.

Посмотрите Указ о награждении красноярцев. Вы увидите, что в одном Минусинском районе звание Героя Социалистического Труда присвоено 19 человекам. **Девятнадцать Героев в одном районе!** Читайте далее Указ, и вы увидите, что в одном колхозе «Заветы Ильича», Каинского района, звание Героя Социалистического Труда присвоено 8 колхозникам. **Восемь Героев в одном колхозе!**

В этом колхозе, расположенном в деревне Бражное, всего три бригады, и все три бригадира удостоены высшей правительственной награды. Значит, за хлеб дрался весь колхоз, все колхозники до единого! Вот в чем истинное величие победы.

Я знаю людей деревни Бражное, знаю их много лет. И радостное известие о присвоении высокого звания Героя Социалистического Труда председателю колхоза Никите Николаевичу Горбачу, или звеньевой Ксении Васильевне Винокуровой, или бригадиру Сте-

Колхоз «Путь Ленина», Глушковского района, Курской области. Группа колхозников, награжденных орденами Ленина и Трудового красного знамени. Слева направо: А. С. Бойко, М. В. Апанасенко, А. М. Коваленко, Е. М. Короткая, Н. С. Гальченко, А. П. Апанасенко, С. Ф. Богачев (председатель правления), Н. Г. Костюченко, П. И. Лапенко, Н. А. Бойко, Е. И. Загрядская.

Герой Социалистического Труда А. П. Крылова.

пану Марковичу Винокурову дорого еще вот почему. Будучи в Красноярском крае, я видел, как боролись за хлеб эти люди и весь колхоз еще в 1943, в 1944, в 1945, в 1946 и в 1947 годах. Колхоз «Заветы Ильича» был всегда ведущим в Красноярском крае. Уже в 1944 году урожай пшеницы доходил в некоторых звеньях до 120—130 пудов с гектара, а колхоз в целом собрал по 105 пудов. Свыше 4 тысяч пудов одной только премии-надбавки за превышение плана урожайности получила в том году бригада Степана Марковича Винокурова. А это было в дни войны, когда шестидесятидвухлетний Степан Маркович был чуть ли не единственным мужчиной в бригаде. Орден Трудового красного знамени уже много лет украшает грудь этого почтенного человека, а жена его Ксения Васильевна еще 12 лет тому назад получила в Кремле из рук Михаила Ивановича Калинина орден Ленина.

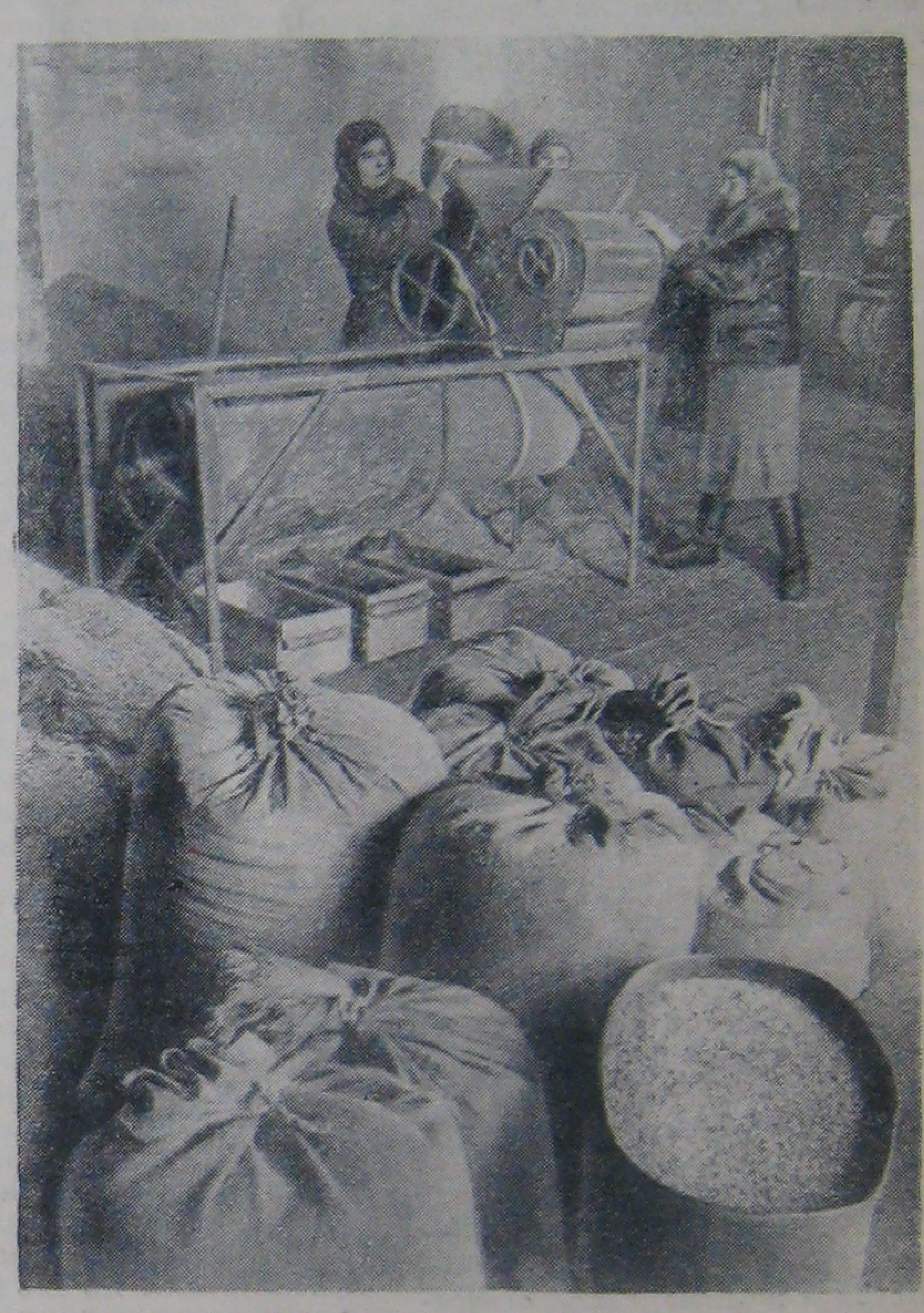

Герой Социалистического Труда Н. Т. Славгородская.

В прошлом году Канский район единогласно избрал депутатом Верховного Совета РСФСР председателя колхоза «Заветы Ильича» Никиту Николаевича Горбача. Это прежде всего было выражением исключительного уважения, которое питает к нему народ за преданную работу во славу Родины.

Я хочу сказать, что люди деревни Бражное упорно и настойчиво, долгими годами шли к той величайшей чести и славе, которую они получили сейчас. В их руках огромный опыт, огромное мастерство. Нет никакого сомнения, что такими мастерами урожая являются и все остальные Герои Социалистического Труда: и минусинские, и канские, и курские. И это вторая огромная наша победа: за годы коллективизации колхозная деревня выковала замечательные кадры вожаков, командиров, подлинных знатоков сельского хозяйства.

С этими лучшими в стране командирами сельскохозяйственного производства, ведущими за собой всю колхозную массу, под руководством великой партии Ленина—Сталина мы пойдем дальше, вперед, к светлым зорям коммунизма!

В колхозе «Красный Октябрь» идет деятельная подготовка к весеннему севу 1948 года. Круглый день работают колхозники на очистке семенного зерна.

Члены колхоза «Красный Октябрь», Глушковского района, Курской области, Александр и Лидия Рябко привезли домой богатый аванс в счет оплаты трудодней

Радостно встретили куряне весть о награждении хлеборобов Красноярского края. Председатель колхоза «Красный Октябрь» С. Р. Усаченко, награжденный орденом Ленина, читает колхозникам Указ Президиума Верховного Совета СССР о награждении красноярцев

Из дневника обозревателя

У ФОНТАНА ТРЕВИ,

или

как американские колонизаторы «помогают» Европе

А. КУСТОВ

17 декабря радиостанция «Голос Америки» передала из Нью-Йорка, что первое судно с продовольствием для Франции вышло в море. Вечером того же дня диктор Британской радиовещательной корпорации со слезой умиления сообщил из Лондона: «Продовольственные грузы уже идут из США в Западную Европу, хотя план Маршалла официально еще не вступил в силу!»

Волнение лондонского диктора вполне понятно: надо поддержать в странах Европы весьма поколебавшуюся веру в американскую помощь! Но дело-то в том, что продовольствие, отправленное во Францию, не имело никакого отношения к «плану Маршалла». Оно было собрано «поездом дружбы», совершившим рейс по стране и собравшим добровольные взносы американского народа в пользу голодающих детей Западной Европы!

...Полгода назад министры иностранных дел Великобритании и Франции, не жалея радужных красок, рисовали перед собравшимися в Париже представителями 16 стран перспективы американской «помощи». Они заверяли, что иным путем восстановить разрушенное хозяйство Европы невозможно и что «эта помощь даст себя почувствовать уже нынешней зимой». Зима наступила. И народы Европы действительно почувствовали на себе, что означает американская «помощь»!

В Западной Германии, Франции и Италии американцы стали полновластными хозяевами.

Три недели назад, после того как Соединенные Штаты взяли на себя основную часть оккупационных расходов по объединенной зоне, Англия официально вручила ключи от Западной Германии новому владельцу. Английская поговорка гласит: «Кто платит музыкантам, тот и заказывает музыку». Впрочем, «музыку» американские экспансионисты заказывали и раньше. Это они, подготовляя давно задуманное расчленение Германии, исподволь создавали в объединенной зоне подлинный нацистский заповедник. Принадлежность к нацистской партии стала паспортом политической благонадежности в западных зонах Германии.

Даже тех немногих фашистских деятелей, эсэсовцев и военных преступников, которые до последнего времени находились под стражей в объединенной зоне, одного за другим выпускают на свободу. 25 декабря суд в городе Билефельдэ (бывшая английская зона, входящая теперь в «Бизонию») приговорил эсэсовца, видного деятеля фашистской партии герцога Фридриха-Франца Мекленбургского к... штрафу в 5 тысяч марок и освободил его из-под стражи. Матерого фашистского бандита, палача и убийцу эсэсовца Бохлинга, сознавшегося в убийстве 40 мирных граждан в оккупированных немцами странах, тот же суд приговорил к 18 месяцам заключения, зачтя Бохлингу 12 месяцев пребывания в лагере для интернированных нацистов. Есть еще судьи в «Бизонии»!

Трижды на протяжении 70 лет свободолюбивый французский народ был вынужден испытывать гнет немецких империалистов. Теперь, спустя два с половиной года после капитуляции гитлеровской Германии, дельцы с Уолл-стрита создают на Рейне такого типа государство, откуда, по выражению газеты «Юманите», будет «дуть ветер из-за океана, смешанный с дурным запахом эсэсовцев и концентрационных лагерей».

«Создание на нашей границе такого государства, где не устранены нацисты, при наличии арсенала в Руре, — пишет «Юманите», — представляет постоянную угрозу для нашего будущего, для будущего нашего свободного демократического народа». Но нынешние правители Франции меньше всего заботятся об интересах народа. Правительство Франции возглавляет Робер Шума́н, бывший министр и сподвижник Петэна.

Шума́н и его подручные откровенно предают и продают честь и независимость Франции. Недавно Париж посетил «знатный американец» Джон-Фостер Даллес. Это ему — доверенному лицу и специальному уполномоченному американских промышленников и банкиров — Шума́н и Бидо вручили судьбы Франции. Это он, Джон Даллес, заявил, что «не считает французских коммунистов французами». Но кто же в таком случае является французом? Генерал де Голль — политический авантюрист, потребовавший во время секретных переговоров с Даллесом, чтобы США вооружили 40 дивизий для борьбы с французским народом? Или военный министр Тетжен, запретивший распространение в армии левых газет? Или провокаторы из лагеря правых социалистов, которые по заказу своих заокеанских покровителей стремятся расколоть профсоюзное движение во Франции?

Политическое бесправие, угрозу национальной безопасности, репрессии, нищету, рост цен, новые налоги — вот что получил французский народ в счет прославленной американской «помощи».

...Второй транспорт с грузами «поезда дружбы» предназначается для Италии. В Париже первую автоколонну с американскими подарками торжественно встретил новый мэр столицы — Пьер де Голль, брат генерала де Голля. В Италии нет надобности в подобных торжественных церемониях: «ветер из-за океана» свободно гуляет по всему Апеннинскому полуострову. Правда, недавно американские войска эвакуированы оттуда. «Но, — как пишет итальянская газета «Унита», — остались миссии, инструкторы и агенты США. Продолжаются проникновение, захваты и вмешательство Америки во все области нашей политической, экономической и общественной жизни».

Италия превратилась в протекторат Соединенных Штатов. Там полноправный хозяин — посол США Данн. Премьер-министр де Гаспери — лишь верный лакей американских империалистов. Американский посол разъезжает по Италии, сколачивая единый фронт предпринимателей против трудящихся. Это в порядке вещей: ведь план «помощи» Европе, изложенный Трумэном в послании конгрессу, предписывает американским «администраторам» вмешательство во внутренние дела любой из 16 стран.

Рассказывают, что когда итальянский премьер-министр появляется на трибуне Учредительного собрания, со многих депутатских скамей раздаются возгласы: «Слушайте, слушайте «Голос Америки»!» Так встретили де Гаспери и три недели назад, когда он выступил с последней правительственной декларацией. По обыкновению премьер говорил по американской шпаргалке. Речь шла о новой реорганизации кабинета. Это был очередной дипломатический трюк Уолл-стрита: создать видимость «демократического» правительства, якобы опирающегося на широкие массы. Вице-премьером стал бывший генеральный секретарь так называемой «Социалистической партии итальянских трудящихся» Джузеппе Сарагат, недавно возвратившийся из Соединенных Штатов. Враг демократии, раскольник и ренегат, «партия» которого собрала менее 2 процентов голосов на последних профсоюзных выборах, представляет интересы народных масс!

Трудящиеся Италии правильно расценили этот нехитрый маневр. «Лакейская пополнилась еще одним прислужником в американской ливрее», — говорят в народе.

...Месяц тому назад государственный секретарь США Маршалл заявил в Чикаго: «Карта Европы сегодня служит доказательством наших истинных намерений». Ценное признание! Стоит взглянуть на карту Италии, чтобы понять подлинный смысл и значение этих слов. Так же, как Греция и Турция, Италия располагает крупными, хорошо оборудованными портами на Средиземном море. Их в короткий срок можно превратить в военно-морские базы. Не случайно американские военные корабли в течение последних месяцев в буквальном смысле слова обшарили все итальянское побережье. «Добрые дяди» по ту сторону Атлантического океана напрасно прикидываются спасителями итальянцев. Спекулируя на послевоенной разрухе, на голоде и нужде итальянского народа, они попросту хотят захватить новые военно-морские базы.

...На одной из центральных площадей Рима есть старинный фонтан Треви, знаменитый своими лепными украшениями. По древнему поверью, человек, попавший в беду, должен бросить в бассейн Треви несколько мелких монет — и дела его обязательно поправятся. Одна из провинциальных итальянских газет поместила недавно рисунок, изображающий де Гаспери у фонтана Треви с горстью монет в руке. На лице его написаны страх и отчаяние. Позади де Гаспери стоит человек в рабочей блузе с занесенной для удара рукой. Под рисунком подпись: «Что же дальше?»

Ответ на этот вопрос уже дал итальянский народ, создавший единый фронт для защиты демократии, свободы и независимости Италии.

* *
*

...Зима наступила. Она не принесла обещанной помощи и облегчения обманутым народам Западной Европы. С циничной откровенностью это признают сейчас и сами авторы пресловутого «плана восстановления Европы». 19 декабря государственный департамент США опубликовал сообщение, в котором говорится, что «план Маршалла не удовлетворяет даже крайне умеренных целей в отношении жизненного уровня населения западноевропейских стран». Господа с Уолл-стрита перестали стесняться: они полагают, что позиции закреплены за ними достаточно прочно.

Теперь их заботы о другом: как бы поскорее сбыть залежавшиеся на складах товары и заставить европейские страны энергичнее работать на американских хозяев.

Посол США в Осло Бай в беседе с журналистами заявил, что, согласно «плану Маршалла», мелкая промышленность Норвегии обязана переключиться на производство полуфабрикатов для крупных предприятий США. Его спросили: а чем все-таки будут помогать американцы? Посол рекомендовал норвежцам бережливость в расходовании продовольственных товаров, ссылаясь на пример... президента Трумэна. «Я был недавно на приеме у президента в Белом Доме, где присутствовало 1600 человек, — назидательно заявил мистер Бай. — Гостям не подавалось никаких напитков, кроме фруктовых соков и воды...» Прогрессивная печать привела это издевательское заявление Бая без всяких комментариев: оно говорит само за себя!

Такова цена американского «сотрудничества» в восстановлении экономики западноевропейских государств. Видный политический деятель США заявил в одном из своих выступлений: «Голод и нищета вводят сильных в соблазн поживиться за счет слабых».

Но организация народного фронта в Италии, сплочение демократических сил во Франции и других странах Западной Европы свидетельствуют о том, что американским колонизаторам едва ли удастся удовлетворить свои непомерные планы поживы за счет «слабых».

ДЕЛО ЧЕСТИ, СЛАВЫ, ДОБЛЕСТИ И ГЕРОЙСТВА

Стахановский участок мастера Российского

Текст Б. Зубавина

Фото О. Кнорринга

Первые коммунистические субботники Владимир Ильич Ленин назвал великим почином. В них он увидел новое, социалистическое отношение человека к труду. Он писал по этому поводу: «Чтобы победить, чтобы создать и упрочить социализм, пролетариат должен... повести за собой всю массу трудящихся и эксплуатируемых, а также все мелкобуржуазные слои, на путь нового хозяйственного строительства, на путь создания новой общественной связи, новой трудовой дисциплины, новой организации труда, соединяющей последнее слово науки и капиталистической техники с массовым объединением сознательных работников, творящих крупное социалистическое производство».

Прошли годы, и то, о чем так страстно и вдохновенно мечтал великий Ленин, стало подлинно массовым, характерным качеством советских людей, вылившись во всенародное стахановское движение.

Прошедший 1947 год, второй год послевоенной сталинской пятилетки, принес замечательные победы стахановского движения, вступившего с мощным, свободным, творческим размахом в новую, высшую фазу своего развития.

В годы первой пятилетки у нас в стране был лозунг «Техника решает все». Тогда в молодой Советской республике только начала создаваться своя индустрия. Строились машиностроительные, металлургические комбинаты, шахты, электростанции. Несколько лет спустя, когда техническая база в стране уже была создана, встал вопрос о людях, которым предстояло овладеть этой техникой, привести ее в движение, использовать ее на всю мощь. Товарищ Сталин, выступая в мае 1935 года на выпуске академиков Красной Армии, говорил о том, что «...упор должен быть сделан теперь на людях, на кадрах, на работниках, овладевших техникой. Вот почему старый лозунг — «техника решает все», являющийся отражением уже пройденного периода, когда у нас был голод в области техники, — должен быть теперь заменен новым лозунгом, лозунгом о том, что «кадры решают все». В этом теперь главное».

Этими людьми, этими кадрами стали стахановцы. И полгода спустя, в ноябре 1935 года, выступая на Первом всесоюзном совещании стахановцев, развивая ленинское учение о социалистическом отношении к труду, товарищ Сталин говорил, «...что стахановское движение представляет будущность нашей индустрии, что оно содержит в себе зерно будущего культурно-технического подъема рабочего класса, что оно открывает нам тот путь, на котором только и можно добиться тех высших показателей производительности труда, которые необходимы для перехода от социализма к коммунизму...»

Это будущее нашей индустрии наступило. Теперь мы говорим не только о замечательных рекордах отдельных новаторов производства, а о рекордах коллективов, объединяющих собою десятки, сотни людей, о рекордах стахановских смен, участков, цехов и — совершенно реально — скоро будем говорить о рекордах стахановских заводов. То, что раньше, десять—двенадцать лет назад, было под силу только отдельным новаторам производства, теперь стало неотъемлемым, характерным качеством многих и многих советских рабочих.

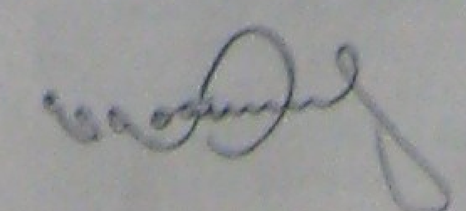
Москва, завод «Калибр».

Старшему мастеру Н. А. РОССИЙСКОМУ.

Горячо поздравляю Вас, уважаемый Николай Алексеевич, с замечательными производственными успехами в истекшем 1947 году, достигнутыми Вами благодаря организации коллективной стахановской работы. Опыт Вашей высокопроизводительной работы стал достоянием многих мастеров социалистической промышленности.

Желаю Вам и в дальнейшем увеличивать выпуск продукции и повышать проектную мощность поточной линии, на которой Вы работаете, с тем чтобы обеспечить полное выполнение пятилетнего плана в четыре года.

Министр станкостроения Союза ССР

А. ЕФРЕМОВ

* * *

Мастер участка цеха микрометров завода «Калибр» Николай Алексеевич Российский (фото № 1), сделавший в прошедшем 1947 году весь свой участок стахановским, получает много писем. Пишут отовсюду: из Владивостока и Тбилиси, из Архангельска и Мариуполя. Пишут мастера, начальники цехов, парторги, директора заводов. Спрашивают: как он добился этого, где лежит то заветное «зерно», которое нужно заложить в основу при создании на других заводах таких же участков, как у Российского?

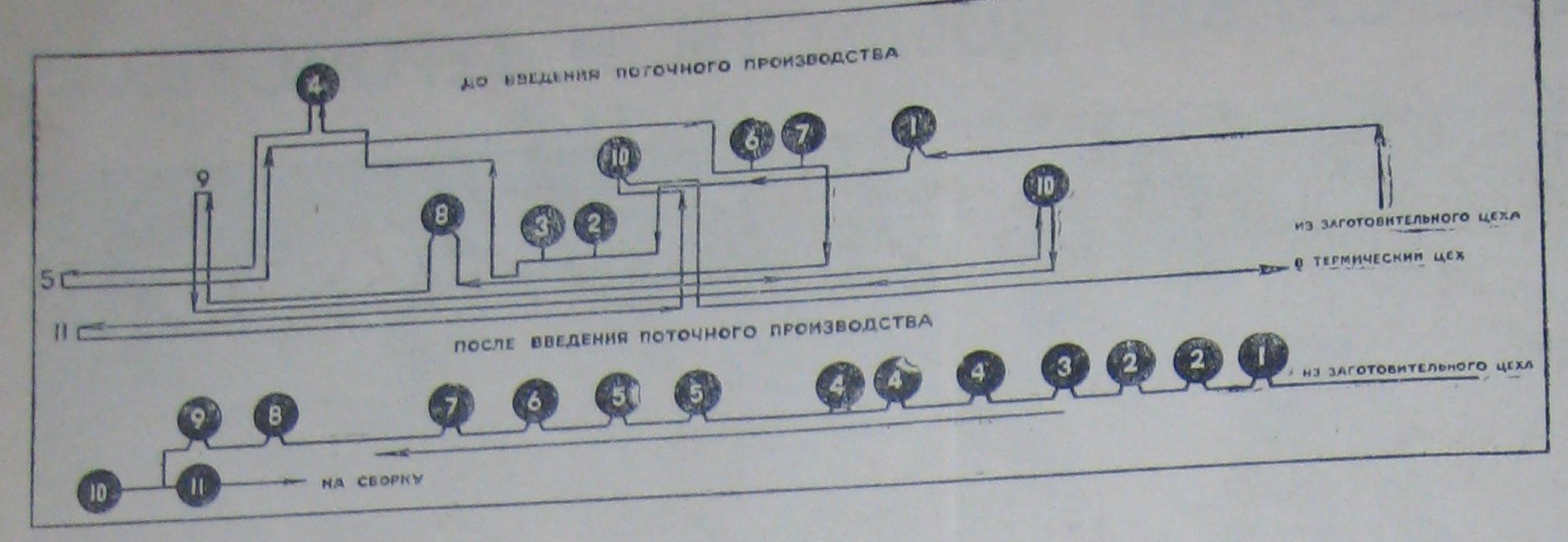
Прежде всего дело в людях, в кадрах.

Российский пришел в цех микрометров в мае 1946 года. Участок, на который его назначили старшим мастером, отставал, как говорят, «по всем статьям»: план не выполнялся, трудовая дисциплина была слабой. Работа всего участка держалась на стахановцах Точилине, Антоновой и нескольких других товарищах, положение которых в цехе было очень трудным и ответственным.

Что же случилось потом? Российскому создали «особенные условия»? Заменили отстающих рабочих? Нет, рабочие остались те же.

Российский начал с того, что, используя свои права, укрепил трудовую и производственную дисциплину, ввел денежное поощрение лучших стахановцев, стал жестко наказывать нарушителей дисциплины.

Вот Клавдия Латунова (фото № 2). В прошлом ее считали слабой работницей. Теперь Латунова — одна из лучших стахановок участка. Что помогло такому ее превращению? Прежде всего пример лучших, а потом условия, созданные мастером, при которых каждый рабочий поверил в свои знания и способности, увидел по-

На схеме вверху показан путь одной детали микрометра при старом расположении станков на участке. Деталь совершала длинный, путаный путь. Трижды уходя в смежные цехи для промежуточной обработки, она вновь возвращалась на участок.

Теперь, после перестановки станков и внедрения поточного производства, все процессы по обработке детали сосредоточены на одном участке. И деталь, поступив из заготовительного цеха, проходит кратчайшим путем линию станков, полностью обрабатывается и направляется непосредственно на сборку. Кружками обозначены станки. Одинаковые номера означают одинаковые станки.

Номера 5, 9 и 11 внизу означают другие цехи.

ред собой большие задачи, нашел свое место в цехе.

На участке была организована техническая учеба. Здесь на помощь Российскому пришли инженеры, техники, мастера. Рабочие учились в стахановских школах, в кружках техминимума.

Создали комиссию, которая под председательством начальника цеха Якова Владимировича Оснаса устраивала экзамен учащимся и тому, кто хорошо осваивал специальность, присваивала высший разряд.

По вечерам рабочие стали изучать вторую профессию. Токарь Никифорова стала фрезеровщицей и делильщицей, фрезеровщик Кулиш освоил работу на шлифовальном станке, токарь Чистяков стал сборщиком. В цехе, на участке Российского, не стало незаменимых.

Токарь И. В. Прокопов (фото № 3), бригадир комсомольско-молодежной бригады, после работы осваивал профессию фрезеровщика.

Раньше станки на участке стояли так путано, что нельзя было проследить за движением обрабатываемой детали. Деталь не только «бродила» по участку из угла в угол: она несколько раз выходила на обработку за пределы участка.

Российский перепланировал станки, создав четыре самостоятельных, беспрерывных потока, вытянув станки в четыре линии. На рисунке № 4 изображено прохождение детали до и после перепланировки станков.

Но и тогда деталь еще продолжала уходить из-под взгляда мастера. Считали, что некоторые операции по обработке микрометра могут производиться только в лабораторных условиях. Российский доказал, что эти станки могут быть с успехом использованы в цеху. На фото № 5 изображен один из таких станков. Перенесенный в цех, он успешно работает в потоке.

Новая, более точная и удобная распланировка станков дала возможность широко применить многостаночное движение. Сейчас на участке Российского около 20 многостаночников. Работница Е. М. Измайлова (фото № 6) работает на двух фрезерных станках.

Мастер наладил тесную связь с технологами, конструкторами, рационализаторами и изобретателями. В результате этого на участке Российского применено более двадцати рационализаторских предложений, которые увеличили производительность станков в отдельных случаях в 80 раз. Технологи помогли мастеру передать обработку некоторых деталей с универсальных станков на более современные револьверные станки и токарные полуавтоматы.

На фото № 7: приспособление для автоматической прорезки зуба трещотки, сделанное заводскими изобретателями и успешно примененное на участке Российского.

Постоянную помощь мастеру во всей его работе оказывают начальник цеха тов. Оснас и начальник цехового технического бюро тов. Каринцева. Как правило, прежде чем применить у себя на участке то или иное мероприятие, мастер совещается с ними. На фото № 8: М. И. Каринцева, Н. А. Российский и Я. В. Оснас рассматривают чертеж штампа, изобретенного слесарем Ждановым. Этот штамп изобретатель предлагает применить вместо резца по гравировке конусного барабана.

Стахановский участок мастера Российского работает строго по графику. У Российского такой порядок: каждому рабочему дается задание на следующий день — сегодня вечером все знают, что будут делать завтра. Ежедневно подводятся итоги работы.

На фото № 9: во время обеденного перерыва Н. А. Российский знакомит рабочих участка с новым производственным графиком на декаду.

Многие из тех, кто окружает на этом снимке Российского, выполнили по 3—4 годовых нормы.

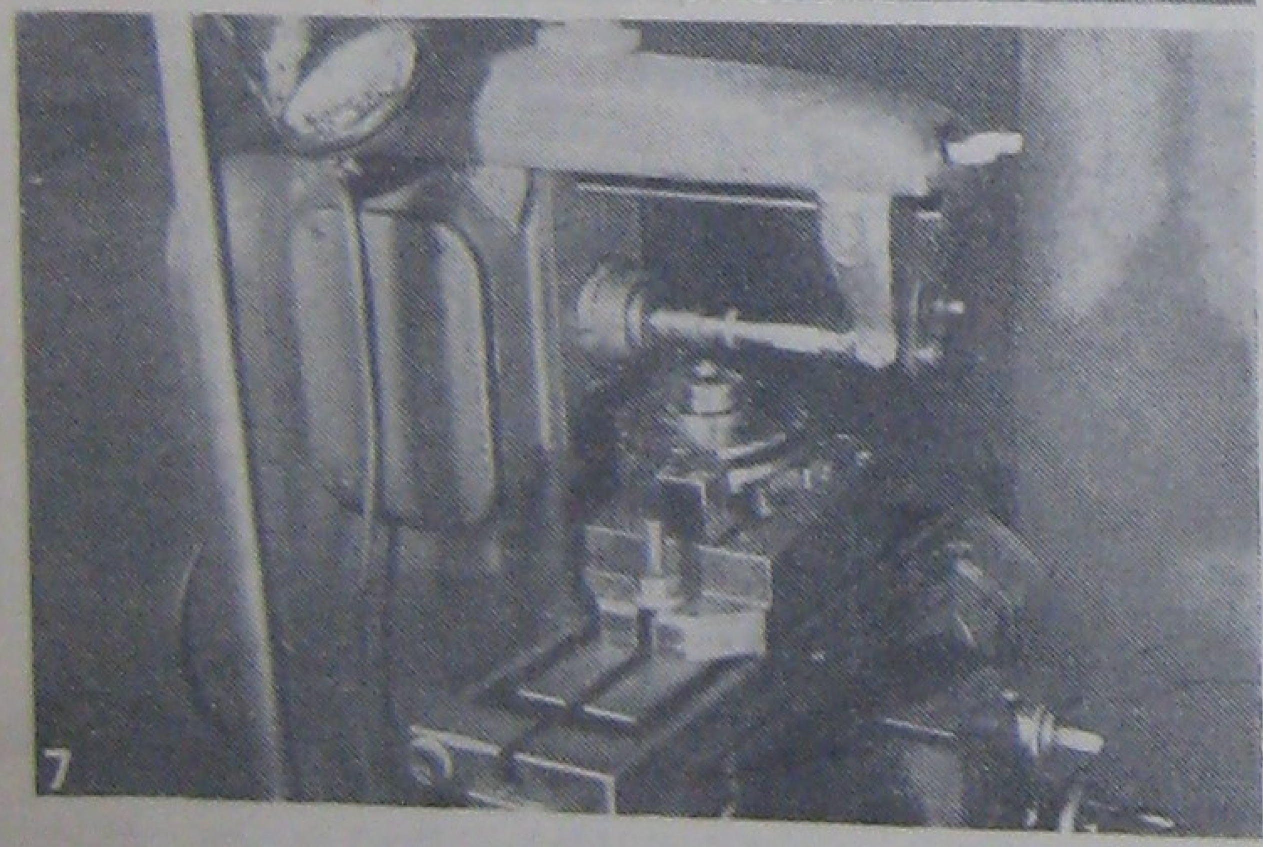
Трудоемкость в обработке деталей микрометра на стахановском участке мастера Российского снизилась на 53 процента, достигнув уровня 1950 года.

Зарплата рабочих в среднем увеличилась с 400 до 850 рублей.

...Теперь не только участок мастера Российского, — весь цех микрометров завода «Калибр» стахановский. Движение за создание стахановских участков и цехов на заводе ширится с каждым днем.

5

6

7

8

9

Первый ряд

И. ВАСИЛЕНКО

ИЗ РАССКАЗОВ О ДЕТЯХ

Рисунки К. Елисеева

На узкой деревянной скамье, что тянулась чуть ли не во всю длину перрона, сидели два мальчика с пионерскими галстуками и ждали поезда. Один был светлорусый, голубоглазый и весь какой-то круглый, точно надутый, другой — маленький, худощавый и черный, как галчонок. Первого звали Митя, второго — Володя. Ждали они поезда уже давно и с опаской поглядывали на солнце: оно все ниже и ниже склонялось к зубчатой стене леса, который таинственно темнел вдали, за желтым скошенным полем.

— Застрял! — сказал Володя и вздохнул.

— Придет,— уверенно ответил Митя.— Билеты на поезд не потерял?

— Нет, вот они,— разжал Володя кулак.

— А тот?

Володя быстро сунул руку в кармашек брюк, испуганно пошарил там и вытащил маленький розовый листок бумаги.

— Здесь. Никуда не делся,— облегченно сказал он.— Ряд одиннадцатый, место седьмое.

— Точно. А на моем — ряд одиннадцатый, место восьмое.

Володя что-то вспомнил и улыбнулся:

— Как это он говорил: нос у нее в саже, башмаки худые.

— Ага,— кивнул Митя.— А игрушки-то, игрушки какие у нее были! Метла, кочерга, утюг. И вдруг — нате вам: золоченая карета!

— А сестры-то, сестры! Вот дурехи!

Ребята дружно прыснули, но тут же сделались серьезными и нетерпеливо, с досадой глянули в сторону, откуда должен был появиться поезд.

— Застрял! — на этот раз сказал и Митя.

И хоть стрелка на круглых станционных часах показывала ясно, что до прихода поезда остается еще целых пятнадцать минут, ребятам от нетерпения стало и впрямь казаться, будто с поездом случилась беда и он надолго задержится где-то там, далеко, за темным лесом.

Куда же собрались ребята и о чем они с таким интересом говорили?

Летом на околице села стоял пионерский лагерь. Когда началась уборка пшеницы, пионеры решили помочь колхозникам. Они ходили по жнивью и подбирали колосья, оставшиеся после уборки. Ребята были городские и настоящей сноровки в этом деле не имели. Вот тут-то они и познакомились с Митей и Володей. Бывало, пройдет по полю целый отряд и сдаст старому Егору Фомичу, полевому сторожу-инвалиду, килограммов пять усатых, шершавых колосьев. А следом, по тем же местам, уже идут Митя и Володя. Перемигиваются, похохатывают да все что-то кидают в свои холщевые мешочки. А потом притащат эти мешочки Егору Фомичу и с усмешечкой в глазах скажут:

— Нате, Егор Фомич, получайте и от нас.

Да еще килограмма два, а то и больше и высыплют перед ним.

Городские удивлялись:

— Это же разве колосья? Это огрызки какие-то!

А Егор Фомич сладко жмурился и языком прищелкивал:

— Эге-ге! «Огрызки»! Из этих «огрызков» бабы такую буханку испекут, что всем отрядом не одолеете.

Тут и городские стали замечать между стерней «огрызки» и подбирать их. А с Митей и щупленьким галчонком Володей такую дружбу завели, что даже ставили их с собой на линейку.

Особенно подружился с сельскими ребятами Игорь Чернов, красивый мальчик, с постоянно мечтательным выражением больших темных глаз. Митя и Володя водили его по колхозу и знакомили с разными диковинками: на ферме показали огромного быка, такого свирепого, что к нему даже пастух опасался близко подходить; в балке гонялись за круглыми черепахами, которые от них удирали с неожиданным проворством; на околице стояли под старым тополем и до тех пор прислушивались к лопотанью его листьев, пока не услышали волшебную фразу: «Шагай шире, держи счастье».

Игорь в свою очередь рассказывал своим новым друзьям о городе: как на чугунном заводе выливают из ковшей расплавленное железо, будто то — не железо, а розовая, светящаяся вода; как местная «Динамо» встретилась с сулинской «Торпедо» и набила гостям «всухую» со счетом 9 : 0; как ушел однажды из зоопарка слон, разбил в магазине оконное стекло и стащил с витрины большую булку, а булка оказалась «бутафорской», из обыкновенного картона, и рассерженный слон разгромил всю витрину.

Но интереснее всего было, когда Игорь рассказывал о театре. Он любил театр, на многих спектаклях бывал по нескольку раз, и, когда показывал в лицах то, что видел на сцене, Митя и Володя или хохотали или вот-вот готовы были слезу пустить. Особенно им нравился рассказ о спектакле «Хрустальный башмачок». Чуть не каждый день слушали они эту красивую сказку о скромной, умной, прекрасной Золушке: как смеялись над ней сварливые сестры и злая мачеха; как при помощи доброй феи Мелюзины она попала в королевский дворец на смотрины; как потеряла там свой хрустальный башмачок; как долго искал и, наконец, нашел ее по этому башмачку влюбленный принц.

— Да-а,— мечтательно говорили ребята,— нам бы посмотреть, а?

В середине августа, после завтрака, весь лагерь — со знаменем, с парусиновыми палатками, с черным котлом и алюминиевыми ложками — погрузился на трехтонки и уехал, оставив только дыры от вынутых из земли кольев, ржавые консервные коробки да обрывки газетной бумаги.

Митя и Володя попрежнему собирали колосья и сдавали их Егору Фомичу.

— Уехал, значит, приятель-то ваш городской? — спрашивал дед.

— Уехал,— нехотя отвечали ребята.

— Небось, скучно без него теперь?

— Чего ж скучать! — притворно равнодушно говорил Митя.

— Нам за работой скучать не приходится,— солидно подтверждал Володя.

Но, не выдержав, мальчики принимались вспоминать, как интересно проводили они время втроем.

И у Мити и у Володи где-то в глубине души осталась обида — то ли на жизнь, что разлучает людей, то ли на своего недавнего приятеля: вот дружили они с Игорем, ходили всюду вместе, выкладывали друг другу все, что было на уме и в сердце, а теперь Игорь уехал в свой город и, может, позабыл даже, как зовут его сельских приятелей.

Угадывая чувства мальчиков, Егор Фомич говорил:

— Да, жизнь — дело строгое: у каждого своя служба. Сегодня из одного котла кашу кушаем, а завтра, гляди, на курьерских в разные стороны катим.

Что жизнь людей разлучает, мальчики, конечно, знали, но от этого им не меньше хотелось повстречаться со своим приятелем, побегать с ним за черепахами да еще разок, от начала до самого конца, послушать, как принц искал Золушку. Только где уж там! Если и придется встретиться, то разве только через год, когда городские пионеры опять раскинут свой лагерь на околице села. А год — это столько времени, что его и мыслями не сразу весь охватишь...

И вдруг, нежданно-негаданно, желанная встреча с Игорем придвинулась так близко, что ее отделяла только ночь. Да сверх того только через ночь Митя и Володя уже не от Игоря услышат, а сами, собственными глазами, увидят этот замечательный спектакль о Золушке.

Короче говоря, Мите и Володе пришло из города от пионерской дружины письмо. Совет дружины приглашал ребят приехать в субботу в город, где на вокзале их встретит сам Игорь Чернов и поведет в театр смотреть «Хрустальный башмачок». А на случай, если в вокзальной сутолоке они с Игорем разминутся, в конверт были вложены два театральных билета с указанием, в каком ряду и на каком месте им следует сидеть. На этих местах их Игорь и найдет.

Прочитав письмо, ребята сначала молча смотрели друг на друга, потом охнули, захохотали и пустились в присядку. Они плясали, хлопали в ладоши и выкрикивали:

«Вот так Игорь, вот так Игорь,
Вот так Игорь — молодец!»

— Стой! — первым опомнился Володя. — Сколько мы собрали за лето?

— Сорок шесть с половиной килограммов, — без запинки ответил Митя, который до грамма записывал все собранные колосья.

— Правильно. Нажмем!
— До пятидесяти? — живо подхватил Митя.
— Ага! И приедем в дружину с рапортом.
— Знай наших! — крикнул Митя и опять хлопнул в ладоши. — Айда!

Вскоре ребята были уже в поле. Августовское солнце жгло им затылки, по загорелым щекам струился соленый пот, но они ничего этого не замечали и почти не разгибались, обшаривая каждую пядь жнивья. Их холщевые мешочки пухли и тяжелели.

На этот раз у Егора Фомича даже подозрение возникло.

— Да вы не из копны ли набрали? — спросил он, цепляя мешочки на крючок безмена и косясь на ребят.

Ребята обиделись.

— Рекорд! Право слово, рекорд! — в удивлении шевелил дед серыми бровями. — Смотри ты, собрали за один день...

— Четыре с половиной килограмма! — торжествующе закончил Митя, раньше старика разглядевший, где остановилась стрелочка на шкале безмена.

На другой день ребята подстриглись, чисто вымылись, приоделись и отправились на станцию. Тут вот они и сидели, волнуясь, не застрял ли где-нибудь их поезд.

Нет, поезд не застрял. Сначала за лесом показался рвущийся к небу курчавый столб дыма, затем вынырнул черный, потный, будто чем-то напуганный паровоз, и поезд, громыхая, скрипя и дребезжа, подкатил к перрону.

— Вот он! — крикнул Митя.

Поезд был местный, наполовину состоял из товарных, а наполовину из пассажирских вагонов. Одним духом вскочили они в красный товарный вагон и сели, свесив ноги к рельсам. Поезд дернулся, заскрипел, и все, что стояло неподвижно: кирпичная водонапорная башня, столб с фонарем, круглые часы, — медленно поплыло в сторону.

— Едем, — подмигнул Володе Митя.

— Едем, — подтвердил Володя, озаряясь счастливой улыбкой. — Как думаешь, Игорь уже на вокзале?

— Ну, ясно. Уже выглядывает, не видать ли поезда.
— Да мы ж только через сорок минут приедем.
— Ну и что ж! А он все равно уже на вокзале. Как приедем, сейчас же в театр нас поведет.

— В театр, — кивнул Володя.

Митя округлил глаза и, будто не веря, что так все и случится, изумленно проговорил:

— Володя, да неужели мы все это сегодня увидим!

— Увидим, — мечтательно улыбнулся Володя. — А потом, когда вернемся, все расскажем в нашем отряде. И Егору Фомичу тоже расскажем.

— Уж это обязательно. Вон его вышка, видишь!

Деревня уже скрылась, и перед ребятами раскинулось поле с копнами сжатой пшеницы. Между копнами торчала, как скелет гигантской птицы, дедова вышка.

— Егор Фоми-ич!.. — закричали ребята и замахали руками. — До свидания!..

Вдруг рука Володи остановилась в воздухе, глаза его неподвижно уставились в одну точку и весь он на мгновенье оцепенел.

— Чего ты? — испугался Митя.

Володя охнул и сразу, будто его снесло взрывной волной воздуха, свалился в песок, кучами лежавший вдоль железной дороги. Митя еще и рта не успел закрыть, как Володя вскочил на ноги, что-то отчаянно крикнул и побежал в степь. Тогда, не размышляя, Митя нацелился и, как в набежавшую волну, прыгнул в другую кучу песка. Перекатившись через ее гребень, он вскочил и, что было духу, помчался догонять товарища.

— Володя! Воло-одя-я! — не своим голосом кричал он, до сухости во рту перепуганный непонятным поведением приятеля.

На мгновенье Володя обернулся и рукой ткнул в направлении большой копны.

И Митя увидел то, что бросило Володю из вагона и помчало в степь: копна, в которую вчера дед высыпал их колосья, горела красным пламенем.

— Ох! — вырвалось у Мити; он сжал кулаки, напрягся из последних сил и в несколько скачков поровнялся с Володей.

И так, со сжатыми кулаками, с отчаянно колотящимися у самого горла сердцем, они бежали к копне, полные решимости затоптать огонь, не дать ему перекинуться на другие копны.

Но чем ближе они подбегали, тем удивительней казалось им пламя: оно не полыхало, а горело ровно, недвижно. А еще удивительней было то, как вел себя Егор Фомич: дед не суетился, не топтал огонь, а повернулся к нему спиной и, приложив ладонь ко лбу, чтоб низкое солнце не мешало видеть, пристально всматривался в подбегавших ребят.

— Володя, — замедляя бег, проговорил Митя, — а ведь это не пожар.
Володя смущенно заморгал:
— А что ж оно такое?
— Не знаю. И дыма нет. Это другое что-то.

Ребята сделали еще несколько шагов, и вдруг пламя исчезло, как и не бывало его тут. Вместо пламени они увидели несколько больших листов стекла, прислоненных к копне.

— Вот те раз! — удивился старик. — А хвалились, что в город едете. Чи вас из вагона вытурили?

— Что это? — ошеломленно спросил Володя. — Чего оно тут?
— Стекло! А это Пахом из Малиновки вез. Бригадир увидал и послал его пшеницу скирдовать. А стекло Пахом на время тут оставил.

Володя судорожно повернулся и глянул туда, где только что прошел их поезд. Но там лишь горело огромное красное солнце, склонившееся до самой земли.

Тогда Володя опустился на землю, уткнулся лицом в солому и так горестно сжался, что еще больше стал похож на черного обиженного галчонка. Заморгал глазами и Митя.

Разузнав, в чем дело, дед огорченно поскреб в затылке:
— Событие! Смотри, как не повезло хлопцам...

Он свернул цигарку, затянулся и задумался. Наступила томительная тишина. Только слышно было, как где-то за лесом торопливо стучит поезд, убегая все дальше и дальше.

Дед кашлянул и решительно сказал:
— Езжайте завтра.

— Да-а, завтра. Билеты-то в театр, небось, были на сегодня, — плаксиво протянул Митя.

— Ну и что ж, что на сегодня! Взамен этих завтра другие выдадут.
— Не выдадут, — горестно качнул головой Володя.

— А я говорю, выдадут! — начиная сердиться, строго прикрикнул дед. — Расскажите председателю театра или кто там у них, как было дело, и получите новые билеты. Что он, председатель этот, несознательный, что ли! Выдаст да еще и в первый ряд посадит. Право слово, посадит. А как же! А приятелю своему депешу отстукайте, пусть встречает завтра. Вот оно и станет все на свое место.

Володя поднял голову и пытливо, с надеждой посмотрел в заросшее серой щетиной лицо деда. Не моргая, смотрел на деда и Митя. Им так хотелось верить всему, что говорил старик.

Как же можно этому не верить!

Картина И. И. Бродского.

ВЛАДИМИР ИЛЬИЧ ЛЕНИН В СМОЛЬНОМ.

(Продолжение. См. «Огонек» №№ 1 и 2)

Илья ЭРЕНБУРГ

Рисунки Л. Бродаты

ДЕЙСТВИЕ ЧЕТВЕРТОЕ

(Гостиная в доме мэра. Окно-дверь. Жалюзи опущены. Комната загромождена мебелью, вазами, статуэтками. На стенах фотографии в рамах. Лоу пьет кофе, положив ноги на столик, и беседует с мэром.)

ЛОУ. Какого века это кресло?

МЭР. Вы надо мной смеетесь, господин Лоу. Конечно, у нас во Франции много пережитков, но лично я новатор, между нами говоря, я обожаю все новое. Хоть я старый социалист, мне нравятся дерзания, взлет ввысь — небоскребы, генерал де Голль... А это кресло жена купила перед самой войной, оно почти модное.

(Лоу встает, берет статуэтку.)

ЛОУ. Это случайно не древнегреческая?

МЭР. Что вы! Это из магазина «Дам дю миди» — я продал девяносто таких девчонок. Посмотрите: довольно пикантная! Здесь есть одна девчонка в таком стиле (шопотом): Бубуль, настоящий чертенок...

ЛОУ. Глупо и безнравственно. Почему у вас нет старинных картин, например Рафаэля?..

МЭР. Я вас уверяю, господин Лоу, я стараюсь идти в ногу с веком. У меня на стенах фотографии великих современников.

ЛОУ (показывает на одну из фотографий). Племянник?

МЭР. Нет, семейные у меня в спальне. Здесь только столпы республики. (Снимает одну из фотографий, под ней видна другая.) Это Поль Рейно.

ЛОУ. Угу. А под ним у вас кто-то другой...

МЭР (снимает второй портрет, под ним третий). Так удобнее: все под рукой. Рейно уже висел. А до него висел Шотан, потом Лаваль, потом Петэн, теперь снова Рейно. Вон там Рамадье, а под Рамадье — Даладье. Раньше был Даладье, а под ним Рамадье. Шотан, наверно, снова выскочит. А вот Лаваля, я думаю, можно выкинуть: раз его повесили, он уж не составит кабинет. Петэн — дело другое: Петэн еще может стать премьером. Не знаю, кого теперь повесить под зеркалом, это, так сказать, центральное место: президента или генерала?

ЛОУ. Президента, но настоящего — Соединенных Штатов. Угу.

МЭР. Я хочу попросить ваш портрет, мы его повесим в мэрии. Сегодня вечером у нас торжество. Мы вручим вам грамоту: Джемс Лоу — почетный гражданин нашего города.

ЛОУ (поднимает жалюзи. Видна площадь, памятник — старый геральдический лев, который поддерживает щит). Скажите лучше: зачем здесь этот пудель? Не понимаете? Ну, лев, если вы называете это львом...

МЭР. Мы хотели отдать его в музей, а вместо него поставить настоящий памятник. Один скульптор из Гренобля представил проект: республика, то есть молодая женщина с красивым бюстом, держит фонарь. Но у города нехватило средств.

ЛОУ. А что написано на гербе?

МЭР. «Нон лицет» — «Не подобает». Это я еще учил в школе... Когда враги осаждали наш город, начались голод, чума, они предложили капитулировать, а горожане собрались на этой площади и ответили: «Нон лицет» — «Не подобает».

ЛОУ. Глупо и безнравственно. Когда человек в пиковом положении, он не должен ломаться «подобает» или «не подобает»: он должен лезть из кожи вон. А вы убеждены, по крайней мере, что этот пудель действительно пятнадцатого века? Может быть, он тоже из вашего магазина?

МЭР. Что вы, господин Лоу! Это достопримечательность города. К нам приезжал из Парижа специалист, он написал про этого льва в «Ревю де дэй монд». Если вы хотите, я вас познакомлю с нашим архивистом...

ЛОУ. У меня нет времени для таких дурацких разговоров. Если бы у меня был герб, как у этого пуделя, я написал бы на нем: «Тайм из монэй» — «Время — деньги». Я у вас уже три часа, и мы еще ни о чем не договорились...

МЭР. Но ведь мы обедали. Моя жена, моя дочка были так восхищены вашим обществом... Теперь мы можем поговорить. Франция когда-то послала Лафайета. У Вердена мы сражались за идеалы демократии. Да и недавно вокруг этого города отважные партизаны...

ЛОУ. Слушайте, за кого вы меня принимаете? Я не писатель. Меня не интересуют ни собачий хвост, ни Лафайет. Сто тонн пшеницы — это вас устроит? Двенадцать тонн сахару? Двести тысяч банок с тушонкой? Идет? Ну? Почему вы молчите?

МЭР. Я не знаю, что сказать... Я подавлен вашей щедростью. Я потрясен вашим благородством. Вы...

ЛОУ. Я не при чем. Благодарите граждан Джексона.

МЭР. Я думаю, что мы переименуем авеню Эмиля Золя в авеню Джексона. Это лучшая улица города, на ней мой магазин «Дам дю миди», и она выходит прямо на площадь Джемса Лоу.

ЛОУ. Оставьте ваши улицы. Не так уж их много. А вам, наверно, придется еще много переименовывать. Вы думаете, что жителям Джексона интересно, как называется улица, на которой вы торгуете дамским бельем? Мы, американцы, не честолюбивы. Мы любим дарить анонимно. У нас даже была в Джексоне «неделя сюрпризов»: все подносили друг другу электрические бритвы, кофейники, галстуки — и нельзя было догадаться, от кого подарок. Угу.

МЭР. Может быть, послать муниципалитету Джексона красивую художественную чернильницу?

ЛОУ. Бросьте! Джексон — это не ваша дыра, и это не Нью-Йорк. Джексон — действительно культурный город. У нас люди вообще не пишут, а чеки они подписывают вечной ручкой с твердыми чернилами. Угу.

МЭР. Мы можем подыскать серебряную вазу.

ЛОУ. При чем тут серебро? Америка — это не тетушка, и такое событие — не именины.

МЭР. Что же нам подарить? Может быть, вы мне подскажете?

ЛОУ. Угу. Мы, американцы, помним, что наши предки когда-то прозябали в Европе. У каждого американца где-то глубоко в сердце скрыта нежность к паршивой европейской рухляди. Пошлите им этого льва. Вы сразу убьете двух зайцев: освободитесь от уродства и растрогаете граждан Джексона.

МЭР. Но я не знаю... Это ведь памятник старины...

ЛОУ. Что из того? Львы от возраста не дорожают — это не наполеоновский коньяк. В общем, мне наплевать на этого пуделя. Но теперь я вижу, что я напрасно с вами разговариваю. Вы старый социалист и мямля. Тот господин с ликерами производит куда более выгодное впечатление...

МЭР. Что вы, господин Лоу! Дело — только заместитель, он ничего не может решить. А я мэр, на мне лежит вся ответственность... Вы сказали: сто тонн пшеницы?

ЛОУ. Угу. Двенадцать сахару. Двести тысяч банок. Ни на одну больше, ни на одну меньше. Можете упаковать этого пуделя: я еду сегодня ночью, и я возьму его с собой. Я это сделаю только ради вас.

МЭР (жмет руку Лоу). Спасибо, дорогой друг! Вы не подозреваете, как трудно быть мэром! Да еще в такое страшное время... Все говорят, что сегодня начнется забастовка. Будто бы в городе Мари-Лу. Я сейчас попытаюсь успокоить людей. Сто тонн пшеницы — это веский довод. Беда, что они больше никому не верят. Мы стоим над бездной. Кружится голова...

ЛОУ. Угу. Это от шампанского. (Зевает.) Сколько до вашей проклятой церемонии?

МЭР. У вас еще три часа, можете отдохнуть. (Опускает жалюзи. Лоу спит, положив ноги на стол. Мэр на цыпочках уходит. Входят жена мэра, почтенная дама в черном шелковом платье, и дочь мэра Марго, хорошенькая хохотушка. Увидев спящего Лоу, Марго прыскает, мать пытается ее унять.)

ЖЕНА МЭРА (шопотом Марго). Тише, он кажется задремал. Все зависит от тебя: он может составить твое счастье. Он мне сказал, что он не женат. Холостой американец — вот это находка! Второй раз у тебя не будет такой оказии. Выйти замуж за человека из Джексона! Ты понимаешь, что это значит?

МАРГО. Я не маленькая, можешь мне не объяснять, что значит выйти замуж, — я понимаю.

ЖЕНА МЭРА. Дура, как будто я тебе говорю о муже. Все мужья похожи друг на друга. Дело не в муже, муж — это вещь второстепенная. Но ты понимаешь, что значит Америка? Масло без карточек, огни Бродвея, манто из бобров, полудлинные платья... Сразу видно, что это человек с положением: посмотри, как он ставит ноги...

МАРГО. Посади свинью за стол, а она, бедняжка, и ноги на стол.

ЖЕНА МЭРА. Что ты мелешь? Почему «бедняжка»?

МАРГО. Понятно: свинья не сидит за столом, и если посадить, она, бедненькая, и кладет ноги не туда.

ЖЕНА МЭРА. Ты такое несешь, что тошно... Слушай, Марго, мне нужно переодеться, а папа готовится к торжественной церемонии. Посиди здесь. Когда он проснется, займи его разговорами. Помни: от этого часа зависит твоя судьба. Постарайся его расшевелить и не глупи: теперь добродетель ни к чему, теперь нужны доллары...

(Уходит. Входит писатель.)

ПИСАТЕЛЬ (Марго шопотом). Спит?

МАРГО. Можете говорить громко — напился и дрыхнет. Что нового в городе?

ПИСАТЕЛЬ. Отвратительно. Ходят по улицам, кричат. Я стараюсь не слушать. С тех пор как Сартр установил, что пути народа и пути свободы разошлись, я избегаю всех проявлений общественной жизни. Вчера я попал в потасовку, полиция разгоняла рабочих, кто-то кого-то бил, случайно и меня оскорбили действием, но я не обратил внимания, я даже не спросил, почему они беснуются. Я твердо решил уйти от злободневности. Марго, ночью я написал замечательные страницы, я показываю все превосходство душевной гнили...

МАРГО. Кстати, вы снова мне продали гнилые чулки. Третья пара сразу расползается...

ПИСАТЕЛЬ. Я вас прошу, когда с вами говорит писатель, забыть о чулках. У меня, как у Януса, два лица. Я сам знаю, что чулки гнилые: мои американцы — страшные жулики. А ноги у вас, как у лесной нимфы Маллармэ. Знаете что, Марго: я не могу жить без вас. (Целует ее. Она спокойно отвешивает пощечину.) Почему вы упрямитесь? Лучше согрешить со мной, чем с этим примитивом: у меня и американские чулки и французская сложность. Я могу вас воспитать — эстетически и эротически. Я сделаю из вас опытную сюрреалистку. Я вам это говорю, как тончайший фрейдианец нашего времени. Знаете что, Марго: вы не можете жить без меня. (Целует. Она снова отвешивает пощечину.)

МАРГО. Это по второму лицу Януса.

ЛОУ (просыпается). Уже началось?

МАРГО. Что?

ЛОУ. Мне показалось, что кто-то выстрелил.

ПИСАТЕЛЬ. В сновидениях всегда проступает подлинная реальность. Вам снилась война? Значит, вас сегодня поцелует красивая женщина.

ЛОУ. Угу. Дайте мне еще пять пачек на дорогу. (Берет сигареты.) Что у вас там? Чулки? Пенициллин? Шоколад? Нет, больше ничего не нужно. Как собачий хвост? Не понимаете? Как поживают ваши греки?

ПИСАТЕЛЬ. О греках лучше спросить вас. А мне нужно перед церемонией побриться. (Уходит.)

ЛОУ. Ну?

МАРГО. Что «ну»?

ЛОУ. Этот поэт мне сказал, что сегодня меня поцелует красивая женщина. Ясно, что это не относится к вашей мамаше. Я жду. Можете проявить инициативу. Ну? Вы что, стесняетесь? Я вас понимаю: с одной стороны, личный представитель Джексона, с другой — молоденькая французская провинциалка. Но мы, американцы, простые люди, мы не стоим за церемонии. Валяйте... Я даже согласен вам помочь... (Хочет ее обнять, она убегает в сторону.)

МАРГО. Я сейчас уже отпустила две пощечины, у меня болит рука. Потом вы американец, «личный представитель Джексона», — простой пощечиной вас не проймешь, а боксировать я не умею. Сядьте в это кресло. Предположим, что между нами Атлантический океан, хорошо? Мама просила вас занять до вечера, но я не знаю, чем можно занять господина из Джексона? У меня ведь нет ни биржевых бюллетеней, ни виски, ни жевательной резинки. Вы всегда жуете эту жвачку?

ЛОУ. Угу. Но вы действительно бесцеремонны. Мне это даже нравится. Вообще вы того... Что вы скажете, если я вам сейчас предложу руку?

МАРГО. Я скажу, чтобы вы убрали ногу, — у вас удивительно противная нога.

ЛОУ. Вы знаете, кто вы? Дочка мелкого галантерейщика в разоренной стране. Вы должны ликовать при одной мысли о Джексоне. Здесь вы ходите на базар и стираете сами свои рубашки. А там у вас будет собственный дом, пылесос, холодильник, стиральная машина. Вы увидите страну чудес. Вы увидите, как из свиньи в несколько минут делают изящно упакованные консервы.

МАРГО. Вот это мне нравится. Уберите ноги, бедняжка!

ЛОУ. Жалеть меня нечего, у меня блестящие перспективы. Представляю, что станет с Джимом, когда он увидит пуделя!.. Впрочем, зачем говорить о пустяках? Время — деньги. Вы принимаете мое предложение?

МАРГО. Какой вы смешной! Я думала, что такие бывают только на экране. Бедняжка...

ЛОУ. Я вам повторяю: я богат. Вы еще пожалеете, что не стали госпожей Лоу.

МАРГО. Вот уж нет! Сейчас мне смешно, но больше десяти минут вас нельзя вынести. Скажите: в Америке много таких?

ЛОУ. Не понимаю. Каких?

МАРГО. Ну таких... Одним словом, бедняжек.

ЛОУ. Вы слишком много себе позволяете. Каждый американский бедняк богаче ваших попрошаек. У нас в Джексоне...

МАРГО. Слушайте, перестаньте жевать вашу резину! Или вы многокопытное или жвачное.

ЛОУ. Нахалка, я тебя потащу в комиссию по антиамериканской деятельности!

МАРГО. Хам!

(Входит жена мэра.)

ЖЕНА МЭРА. Молодые воркуют?.. Молодость, утро любви, пора счастья... Я, кажется, пришла не вовремя — вспугнула голубков. Разговаривайте, разговаривайте, я не буду вам мешать. (Уходит.)

МАРГО. Поздравляю вас с новым званием: вспугнутый голубок, он же жвачная свинья.

(Входит писатель.)

ЛОУ (писателю). Нечего сказать — Франция, культура, Бальзак, Лафайет, Фоли-Бержер! А дочка мэра ведет себя, как трактирная служанка.

ПИСАТЕЛЬ. Они все такие. Мещане. Здесь негде развернуться ни поэту, ни коммерсанту. Господин Лоу...

ЛОУ. Я взял у вас сигареты. А чулок мне ненужно. Хотел подарить этой барышне, теперь дудки.

ПИСАТЕЛЬ. Я к вам обращаюсь не как к коммерсанту...

ЛОУ. Как поэт? Ни в коем случае, у меня и так болит голова.

ПИСАТЕЛЬ. Как человек. Я вас умоляю, возьмите меня с собой в Америку. Во-первых, здесь толпа врывается в мою кумирню. Во-вторых, мне надоело нищенствовать. В-третьих, я боюсь — не сегодня-завтра здесь начнется резня. Мне сказали, что вы увозите с собой льва, его сейчас заколачивают. Чем я хуже? Я поэт, — значит, я тоже памятник старины. Если нужно, я буду писать в стиле пятнадцатого века, я согласен абсолютно на все. Я вас умоляю, запакуйте меня в ящик — не нужно ни виз, ни паспорта. Я буду писать рекламы, я буду вашим оруженосцем, вашим грумом, вашим негром...

МАРГО (подымает жалюзи). Что ж это такое?.. Льва нет... Это правда, что вы его забираете?

ЛОУ. Угу.

МАРГО. Какая низость! Вы не смеете!.. Зачем вам наш лев? Ему нечего делать в Америке. Послушайте, оставьте льва. Я вас прошу, я вас очень прошу. Возьмите лучше его. (Показывает на писателя.) Он мне только что доказывал, что мы не можем обойтись друг без друга. Но если бы вы знали, до чего он мне осточертел! Почти как вы... Он продает гнилые чулки, пишет пакостные книжки и, ко всему, не дает мне проходу. Заберите его! Вы увидите, такой у вас не пропадет. Он еще станет личным представителем великого Джексона. Правда, он не жует резинку и не кладет ноги на стол, но я вам даю слово — он научится. Он тоже бедняжка, только он не жил в Америке и еще не показал себя. Положите его в ящик...

ЛОУ. Это невозможно. Есть квота. Процент баварцев, порториканцев, французов. Америка — не гостиница, как ваша Франция, — это рай, а в рай пускают только по квоте. (Входит мэр, он во фраке, на животе трехцветная лента.)

МЭР. Вот я и в полной форме. И левушка готов. И в мэрии все приготовили. Исторический вечер! Как вы отдыхали, дорогой господин Лоу?

ЛОУ. Отвратительно! Мне все у вас отвратительно: социалисты, клопы, эта развязная девчонка, пудель, шампанское, шалопаи, вы. Скажите: почему мы должны каждые четверть века сначала вас освобождать, а потом вас кормить? Я сказал утром, что нужно открыть Европу. Теперь я думаю, что, может быть, лучше ее закрыть. Навсегда.

МЭР. Знаете, от чего это? От гусиного паштета. У меня это всегда бывает: когда я съем гусиный паштет, — тяжелое пищеварение и мысли... Вы можете еще отдохнуть до церемонии. Марго, а где мамочка?

(Вбегает редактор. Он чрезвычайно возбужден.)

МЭР. (редактору). Что случилось?

РЕДАКТОР. Ужас!.. Я хотел успокоить, но где тут!.. Еле выбрался... Говоря откровенно, я даже не понимаю, как я остался жив...

МЭР (шопотом редактору). Неужели госпожа Пике узнала про Бубуль?

РЕДАКТОР. Вы с ума сошли! Как вы можете сейчас думать о таких глупостях? Я вам говорю, что они чуть меня не убили. Они хотели разгромить газету. Желино подбили второй глаз. Хорошо, что подоспела полиция... Зачем вы придумали эту историю с переименованием площади?.. Они и без того разъярены, а это последняя капля... Вы знаете, где они сейчас? На авеню Эмиля Золя!

МЭР. Возле «Дам дю миди»?

РЕДАКТОР. Нет, на углу Гранд-рю, дальше их не пускает полиция. Вы думаете только о вашем магазине. А нам всем конец!.. У меня еще стоит в ушах рев. Они кричат, что нет

хлеба, к чорту наблюдателей», про Сталинград... Теперь расхлебывайте! Ведь это ваша идиотская идея... Я считаю, что глупо умереть из-за такой ерунды, как название площади. Говорят, что через час начнется всеобщая забастовка...

ЛОУ. Никаких забастовок! Есть закон Тафта. Вы, кажется, забываете, что я должен сегодня ехать? Нужно вызвать солдат. Где пожарные с насосами? Я вас спрашиваю: где газы? У вас ничего не подготовлено. Это — не государство: это кабак. Я пришлю вам из Джексона такие газы, что все коммунисты забудут про свой коммунизм. Угу. Нельзя трусить, господин редактор! Умеете писать, умейте и отчитываться. (М э р у.) Когда отходит мой поезд?

МЭР. В час сорок. Вы сможете немного отдохнуть после церемонии.

ЛОУ. Может быть, отменить ваш балаган?

МЭР. Слишком поздно, все предупреждены. Приехал журналист из Марселя. Если мы отменим, это будет капитуляцией перед разбойниками. А я, как старый социалист, всегда готов принять бой. (В х о д и т ж е н а м э р а.)

ЖЕНА МЭРА. Папочка, что ты говоришь? Какой бой? Неужели они уже сбросили?..

МЭР. Что сбросили?

ЖЕНА МЭРА. Я не знаю... Ну, эту... атомную...

МЭР. Мамочка, не путай. (Л о у.) Не сердитесь: женщины ничего не понимают в политике.

РЕДАКТОР (у о к н а). Мне кажется, что я от всего спятил... Где лев?

МЭР. В ящике.

РЕДАКТОР. В каком ящике?

МЭР. В обыкновенном. Я сказал, чтобы его хорошо упаковали... Не сердитесь, дорогой друг, я не успел вас предупредить: муниципальный совет решил поднести льва городу Джексону. В знак признательности. Ведь это не шутка — сто тонн пшеницы! И еще тушонка... Я согласовал по телефону с Дело́, он горячо поддерживает. (Л о у.) Он, кстати, спрашивал: не забыли ли вы про апельсиновые корки?

РЕДАКТОР. Ну знаете!.. Здесь не до корок!.. Они и без этого озверели, а если они увидят, что сняли льва... Вы ведь знаете, что́ для них это реликвия... Я не отвечаю за исход... Конечно, полицейских достаточно... Но если здесь Мари-Лу...

МЭР. Зачем вы меня морочите? Утром вы мне прямо сказали, что Мари-Лу расстреляли немцы и что вы придумали всю эту историю для давления на Америку. Но господин Лоу дает продовольствие без всякого давления. Зачем же вы нас пугаете? Когда вы меня обманывали: утром или теперь? Я не Ришар, я сторонник разума, Декарта. Я не хочу впадать в мистицизм.

РЕДАКТОР. Я вас не обманывал и не обманываю. Мари-Лу действительно расстреляли. Есть немецкий акт, есть свидетели. Я придумал, что она жива, это правда. Но самое ужасное, что она, кажется, действительно жива. Все только и говорят, что об этом. Я слышал, как на авеню Эмиля Золя эти сумасшедшие кричали: «Идет Мари-Лу!»

ЛОУ. Теперь я вижу, до чего вы выродились. Вы не народ, вы метафизики. Угу. Сначала вы даже меня заразили своими страхами. А теперь я вижу, что вы трусите, потому что вы трусы. Разве можно бояться мертвой женщины? Это — жалкое суеверие. Я вам покажу отвагу Америки. Мы не остановились перед Дарланом. Мы не остановились перед Хиросимой. Мы не остановились перед Бикини. Мы умеем рисковать всем. Мы не признали Албании. Мы разоблачили всех красных: Чарли Чаплина, Уоллеса. Штурмом мы выбили советских дипломатов из Чили. Мы показали миру, на что́ мы способны. А вы неврастеники, маркизы, мулаты! Я пришлю вам из Джексона целую бочку валерьянки. Перестаньте хныкать! Мы, американцы, еще не изобрели бессмертия,— значит, никакой Мари-Лу нет. Есть я, Джемс Лоу, сын великой Америки. Есть вы, благодарные по гроб должники. И есть дурацкий пудель в ящике. Всё. Теперь, так называемая «мамочка», дайте мне руку — и мы можем проследовать на вашу поганую церемонию.

(Окончание следует).

Огни победы

Александр ГУТОРОВИЧ

Рисунки В. Богаткина

Журавли тянулись на юг.

На вечерней заре налетел с Черного моря ураган, и к утру винницкие сады стояли с голыми деревьями. Пришла осень. Дожди не стихали неделями, в шесть часов вечера становилось темнее, чем в полночь на севере России.

Мы выехали из города. В глухую ночь приятно мчаться на автомобиле по безлюдным просторам. Лучи фар выхватят из темноты перебегающего дорогу зайца и долго гонят его по шоссе, обезумевшего от страха и боящегося снова свернуть в темноту. Дождь хлещет в стекла, свистит ветер, а в кабине тепло, уютно горят лампочки, освещая приборы и напряженное лицо шофера, склонившегося над рулем.

Объезд. Шоссе загорожено полосатым шлагбаумом. Мы сворачиваем в лес, где мертвые деревья стоят, прислонившись к живым сухими, голыми вершинами. Машина сильно буксует и, наконец, застревает в грязи.

Я вылез из машины. По мне хлестнул косой дождь. Ветер жалобно скулил у крыльев автомобиля.

— Тут валежник не поможет, волов надо,— услышал я чей-то голос.— Танки дорогу разбили — на телеге, и то не проедешь.

— Выпороть вас некому за такие дороги,— огрызнулся шофер, кидая наземь охапку валежника.— На фронте не были, так хоть бы тут вас совесть помучила. К вам бы командира хорошего, он бы вас за сутки просветил.

— А ты, видать, парень боевой,— усмехнулся всадник на тощей лошаденке.— Случайно, не в моем ли батальоне прошагал от Сталинграда до Берлина?

Я зашагал вслед за всадником. Длинный и худощавый, он, как Дон-Кихот, болтался на низкорослой лошаденке. Наконец слез, выругался и потянул коня за собой. Дождь усилился, и мы подняли воротники.

Мы вошли в село Ровец. Грязь стала глубже, а тьма — от деревьев — еще темнее. Был вечер, но в селе — ни огонька, лаяли собаки, и только в одном оконце тускло светилась коптилка.

— Идите в эту хату, там председатель колхоза,— сказал мой спутник.

Войдя в сени, я услышал громкий разговор за дверью: «Колеса ты хоть до конюшни длиной наставь, все равно крутить не будет». «А как же на Днепрогэсе?» «Что ты мне про Днепрогэс? Там Днепр шириной в километр, а у нас поганая речушка — куры в брод переходят». «Бросьте, друзья, свою затею. Лучше купим на эти деньги тонну керосина, так лет пять в колхозе лампы палить будем».

Я зашел в хату. На столе лежал проект сельской электростанции. В табачном дыму, размахивая руками, шумели человек восемь. Мужчина в гимнастерке с орденами вспыльчиво говорил:

— Ленин не думал о керосинке, когда сказал: мы Россию всю, и промышленную и земледельческую, сделаем электрической. У советской власти в те годы хватило бы денег на керосин, но как бы мы теперь выиграли войну, не будь у нас заводов, которые делают танки, самолеты, пушки, тракторы и комбайны? А ведь станки на заводах приводятся в движение электричеством!

— Вы просто не знаете, товарищ дорогой, истории. Знаменитая фраза Ленина «Коммунизм — это есть Советская власть плюс электрификация всей страны» была произнесена им 22 декабря 1920 года на VIII съезде Советов. Советская республика, по выражению товарища Сталина, тогда находилась в когтях кризисов, была лишена основных баз продовольствия и топлива. Враги надеялись, что холод и голод задушат республику, и вот тогда-то Ильич и говорил о плане ГОЭЛРО. Ленин видел единственный путь преобразования отсталой техники и экономики России через электрификацию.

Сухопарый крестьянин в рыжем пиджаке, которого звали Ефим Худа, разводил руками над чертежом и говорил, как бы извиняясь:

— Я, граждане, не инженер. Мы с Вальчуком немало смекалки извели, пока этот проект ночами придумали. Может, в чем и ошибаемся, тогда пусть специалисты подправят. Но свет, нам кажется, будет. Верно, Вальчук?

Вальчуку на вид было лет шестьдесят. Говорил он медленно, но горячо:

— Товарищ из обкома партии правильно сказал: Ленин не в такую разруху, как у нас, а и то Россию осветил. А мы, коммунисты, неужели в маленьком селе не сможем построить электростанцию? Так куда ж мы тогда годимся?! Стекла нет — дует, хлеб не уродил — голодно, что ж, сложим руки, заберемся на печку да поплачем хором. Это не выход, товарищи. Ленин говорил, что надо жить так, чтобы каждый день от твоего труда стране и народу польза была. Эта турбина все нервы нам испортила,— вздохнул Вальчук.— Она же рассчитана на водопад: подай ей столб воды в триста метров высотой, тогда она закрутится, а у нас на речонке столб воды

всего полтора метра. Ну, как ты заставишь ее работать?

Вышли из хаты, чтобы поглядеть турбину у мельницы. Председатель колхоза распорядился притащить мой автомобиль, а я прислушивался к оживленному разговору у реки. Когда люди возвращались обратно, я спросил у Вальчука:

— Как же решили?

— Будем переделывать турбину.

— А динамомашина, электролампочки, провода у вас есть?

— Ничего нет, и ждать неоткуда. Заводшеф нам, правда, должен немного помочь, но больше всего на себя надеемся. А вы что, не верите, что получится? А я верю, что в нашем селе вспыхнет «лампочка Ильича»!

Уезжая из села, я думал о патриотизме горсточки людей, затеявших на мелкой речушке, где бабы полоскали белье и вброд ходили гуси, повторить в миниатюре план ГОЭЛРО.

...Спустя год я снова приехал в Винницу. Мы ехали через заснеженные поля, дивясь красоте искрящихся сосен в голубом сиянии луны. Шоссе побежало в глубокий овраг, и, когда автомобиль стал подниматься в гору, мы увидели заброшенное немецкое кладбище, а за ним — праздничное, полное жизни мерцание огней по всему горизонту. Было похоже на мираж в снежной пустыне.

— Ну, что, нынче, поди, не узнать в сумерках наши места?—спросил Стахурский, едва я переступил порог его кабинета.

Мы были знакомы еще со времен Сталинградской битвы. Генерал Стахурский был тогда членом Военного Совета фронта, а теперь уже второй год работал секретарем Винницкого обкома партии. На заводах и в колхозах области нынче немало трудилось солдат из Сталинграда. Я вспомнил, как год назад Стахурский, собрав у себя в обкоме демобилизованных сталинградцев, излагал им свой план электрификации.

— Гребешком по голове проведешь — и то электричество,— убеждал он.— У нас на речках в Винничине около 250 колхозных мельниц, и на каждой турбина от 20 до 100 лошадиных сил. У каждой мощности достаточно, чтобы привести в действие динамомашину. Товарищи, мы решили из Южного Буга, Гнилопяти, Десемки, Мурафы — из заросших кувшинками и камышами речек, из этого дремотного царства лягушек — добыть энергию, залить светом села и деревни области.

Нас, большевиков, кое-кто может сейчас назвать фантазерами, потому что мы хотим построить сотни электростанций, а сами даже не имеем гвоздя, чтобы прибить доски в разбитой хате, не говоря уже о динамомашинах и турбинах. Заводы разрушены немцами, и мы должны все это создать собственными руками.

Я бы не обращался к вам за помощью, если бы не знал, что вы уже однажды удивили весь мир. Это было в Сталинграде, когда немцы, пройдя всю Европу, не смогли победить на клочке земли в 200 метров. Тысячи самолетов бомбили вас, сотни пушек и пулеметов пытались сбросить вас в Волгу, танки день и ночь лезли на окопы, а вы все-таки разгромили тогда 330-тысячную армию Паулюса.

И вот кончилась война. Но разве изменился характер у сталинградцев? Мы привыкли бесстрашно глядеть в глаза смерти, а теперь разве мы другими глазами смотрим на трудности, на последствия войны и засухи? Мы не отступим ни на шаг, как бы тяжело нам ни было! Мы с упорством солдат возьмемся за дело и на винницкой земле будем драться за вторую программу партии, как в свое время назвал план электрификации Ленин.

Теперь, год спустя, сидя в кабинете Стахурского, я спросил:

— Что же вам помогло в победе?

— Нам помогли железная воля и сила рабочего класса,— ответил он коротко. — Мы подняли заводы на помощь деревне — и это решило все. 18 тысяч железнодорожников обратились к трудящимся Винницкой области с призывом помочь крестьянам победить тьму и разруху. Сами железнодорожники обязались построить 22 электростанции в селах, прилегающих к железной дороге. 127 заводов и мастерских откликнулись на их призыв и взяли шефство над электрификацией сел.

Четыре года назад я писал о рабочих электростанции Винницы, которые перед отступлением немцев из города взорвали единственный мост через реку. Тысячи автомобилей и сотни танков достались тогда нам в качестве трофеев. Сотни рабочих по воскресеньям отправлялись на бывшее поле битвы: забирались в мертвые танки, лазили под автомобили, копались в брошенных походных радиостанциях, что-то откручивали, вывинчивали, снимали моторы и части для будущих электростанций, наматывали на катушки немецкий телефонный провод. Инженеры пока производили разведку, где строить электростанции. Еще в колхозе собирали деньги на приобретение генератора, а плотники и каменщики уже строили помещения станций, комсомольцы ставили столбы. И вот колхозники вышли на первые субботники — запружать реки камнями и цементом. Первый электрический свет вспыхнул на маленькой гидроэлектростанции в селе Березне. Станция была мощностью всего в шесть киловатт, но она освещала хаты, молотила хлеб, резала солому, подавала воду. Это был самый активный агитатор, заменивший сотни агитаторов за электрификацию.

Я ездил нынче по землям Винничины. Нет ничего привлекательнее и красивее, чем электрические огни в глухой степи средь ночи. Они манят к жизни, зовут в будущее. Всего год назад эти огромные пространства лежали во мраке. Да что год! Разве ночь не стояла тут веками у душных и мрачных хат крестьянства?!

Сколько честных, дерзких и смелых революционеров шло на каторгу, дралось на баррикадах, ходило на штурм Зимнего дворца и Перекопа, чтобы и на этой земле вспыхнули огни победы!

Я был в селе Антоновке, где крестьяне, как и в других селах, построили гидроэлектростанцию.

— Как вы применили у себя электричество? — спросил я братьев Зозули, инициаторов строительства станции.

Мы ходили по колхозу, и братья Зозули рассказывали:

— Это наш электроток. Он не только помог в срок сдать хлеб государству, но и сберег колхозу 45 трудодней и 30 конедней. Трактор, который раньше работал 15 дней на току, сжигая немало горючего, тоже был заменен электричеством.

— Здесь раньше стояла соломорезка. Ее приводили в движение четыре пары коней. Их теперь заменил электромотор. Он очень быстро нарезал нам 500 тонн соломы.

— Здесь мы пилим лес. Раньше пильщики брали с колхоза 600 рублей за кубометр. Когда поставили электропилу, мы лишь с 25 кубометров леса сэкономили 15 тысяч рублей.

В колхозных мастерских электричество приводило в движение станки и меха горна. В хатах Антоновки горело 520 «лампочек Ильича». Были освещены улицы и учреждения. Работали звуковое кино, радиоузел, 25 радиоприемников, кварцевые лампы в амбулатории.

Я снова встретился с Вальчуком в обкоме партии. В кабинете Стахурского стену закрывала огромная карта электрификации области. Шло совещание, на котором подводились первые итоги.

Стахурский подошел к карте и стал водить указкой:

— Как видите, более 200 электростанций вступило в строй. «Лампочки Ильича» нынче ярко горят в 30 тысячах хат колхозников. Мы электрифицировали 225 колхозов и 27 МТС.

Работать, товарищи, стало веселее и легче. Электромоторы на молотьбе сберегли нам 45 500 человекодней и 29 250 конедней.

После совещания Вальчук пригласил меня заглянуть к нему в село Ровец. Мы ехали ночью, и давно не водивший автомобиля бывший шофер Вальчук сел за руль. Выехав из Винницы, он поддал газу, и машина понеслась на бешеной скорости по заснеженным лугам. Дорога бросалась под колеса из тьмы пространства и пропадала позади. Заяц перебежал дорогу и, петляя по снегу, скрылся в зеленых сосенках.

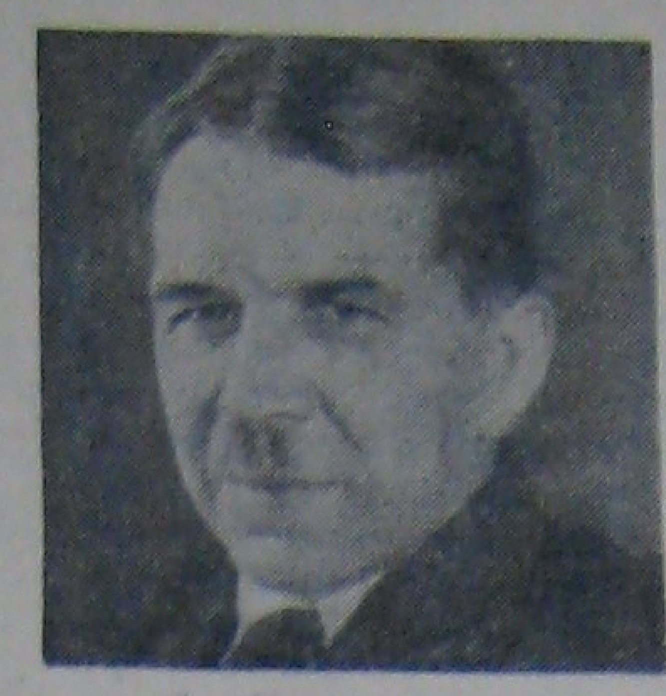
Вальчук остановил автомобиль, мы вышли и поднялись на вершину кургана. Кругом, куда только хватало глаз, над морозными порозовевшими снегами сияли огни. Зима не погружала нынче в сон деревни с ранних сумерек. В каждой освещенной избе шла жизнь. Сгрудившись у радиоприемника, люди слушали оперу «Евгений Онегин» из Москвы; в клубе у радиолы танцовали под джаз Утесова; старенький учитель водил указкой по экрану, рассказывая о жизни на других планетах; в жарко натопленной читальне сидели над свежими журналами и газетами; у кассы кинотеатра толпились колхозники в кожухах в ожидании второго сеанса. Ветер доносил через реку смех катающейся на санках детворы, звон ведер у прорубей, обрывки разговоров, скрип саней и неземные звуки тальянки.

МЫ ВСТУПИЛИ В 1948 ГОД

Беседа с президентом Академии наук СССР академиком С. И. ВАВИЛОВЫМ

Программу деятельности Академии наук СССР и деятельности всех ученых нашей страны определяет историческая речь товарища И. В. Сталина, в которой он говорил о задачах советской науки. Слова вождя советского народа вдохновляют наших ученых на новые открытия, на овладение новыми достижениями.

Президент Академии наук СССР академик Сергей Иванович ВАВИЛОВ.

В беседе с корреспондентом «Огонька» президент Академии наук СССР академик С. И. Вавилов ответил на некоторые вопросы, касающиеся деятельности штаба советской науки — Академии наук СССР — в новом, 1948 году.

Вице-президент Академии наук СССР академик И. П. БАРДИН.

Академик Б. А. ВВЕДЕНСКИЙ.

— С какими научными силами вступила Академия наук СССР в новый, 1948 год?

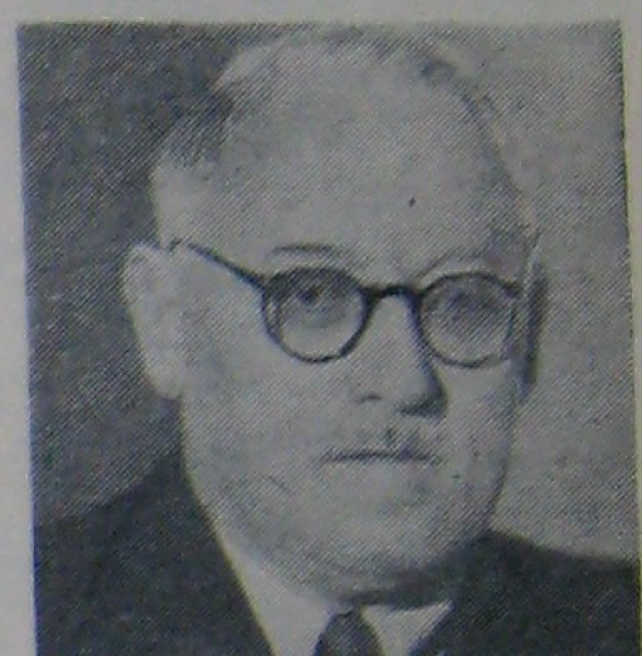
— К выполнению плана 1948 года советские ученые приступили, отдавая себе ясный отчет в огромном значении науки для нашей Родины в ближайшее время. Нас вдохновляют незабываемые слова И. В. Сталина о задачах, стоящих перед советскими учеными, горячая поддержка и доверие партии и правительства, повседневно оказываемые ученым нашей страны.

В настоящее время, — говорит С. И. Вавилов, — в составе Академии наук СССР функционируют пятьдесят восемь институтов, три астрономические обсерватории, тринадцать отдельных лабораторий, тридцать шесть научно-исследовательских станций и очень большое число секций, комитетов и комиссий. В общем, по числу научных учреждений и научных работников Академия при советской власти выросла более чем в пятьдесят раз. Вспомним, что в 1917 году Академия состояла всего-навсего из пяти небольших лабораторий, Пулковской астрономической обсерватории и Главной геофизической обсерватории. Вспомним также, что Академия тогда была почти единственным чисто научно-исследовательским учреждением в России.

В 1916 году в Академии было всего сорок семь действительных членов. Ныне, как известно, в Академии состоят сто пятьдесят восемь академиков и двести шестьдесят четыре члена-корреспондента.

Вице-президент Академии наук СССР академик В. П. ВОЛГИН.

Академик А. Я. ВЫШИНСКИЙ.

— Каковы научные достижения истекшего, 1947 года?

— На этот вопрос сейчас трудно дать исчерпывающий ответ, — говорит С. И. Вавилов. — В настоящее время наши отделения заняты составлением отчетов о научно-исследовательской деятельности в 1947 году. В ближайшие дни эти отчеты будут представлены президиуму Академии.

Некоторые итоговые данные, как 1947 года, так и ряда предыдущих лет, были сообщены на заседаниях юбилейной сессии Академии. Большой интерес участников сессии вызвал доклад академика И. М. Виноградова о новых, разработанных советскими учеными методах решения сложных задач по теории простых чисел. Этот доклад, равно как и ряд других работ, выполненных в 1947 году и частично доложенных на сессии, показал, что советская математика продолжает занимать ведущее положение в мировой науке. Важное теоретическое и практическое значение имеют советские исследования в новом разделе механики — подземной гидрогазодинамике, первые фундаментальные исследования в которой были сделаны еще Н. Е. Жуковским. Сейчас советскую школу в этой области возглавляет академик Л. С. Лейбензон, уже несколько лет прикованный к постели вследствие тяжкого заболевания, но продолжающий интенсивно работать. Недавно им опубликованы результаты работ, которых достигли советские ученые в области подземной гидрогазодинамики.

Итоги исследований последних лет, в том числе 1947 года, были сообщены лауреатом Сталинской премии академиком Н. Н. Семеновым — создателем теории горения и взрывов. Советская школа, изучающая эти явления, занимает ведущее положение на протяжении двадцати лет.

В 1947 году исполнилось двадцать лет работы советских теплотехников над развитием теории подобия и приложения ее к задачам моделирования. Возглавляющий эти работы академик М. В. Кирпичев опубликовал в 1947 году сводные данные о достижениях советских ученых в этой области.

Большую монографию по разрабатываемой им теории автомобиля выпустил в свет академик Е. А. Чудаков. Серьезное научное и практическое значение имеют работы по электросварке, выполняемые академиком В. П. Никитиным и его учениками. В частности можно отметить, что в последнее время в лаборатории В. П. Никитина сконструирован новый тип трансформатора для дуговой электросварки, находящей широкое применение в ряде отраслей промышленности.

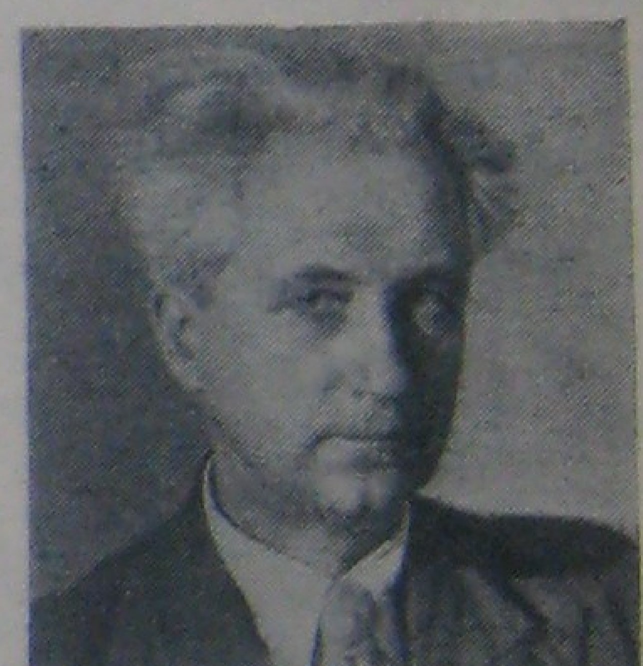
Продолжает публикацию своих ценных трудов наш известный геолог и географ, один из старейших советских ученых, Герой Социалистического Труда В. А. Обручев. В 1947 году вышло его исследование «Восточная Монголия».

Важные исследования проделаны в 1947 году нашими биологами. Интенсивно продолжалась дальнейшая разработка наследия великого И. П. Павлова. Академик Л. А. Орбели и его школа вели работы по адаптационно-трофическому влиянию нервной системы — учению, являющемуся целиком детищем советской науки. Интересные результаты получены академиком Н. Н. Аничковым и его сотрудниками, изучающими некоторые болезни путем создания их экспериментальных моделей у животных. В институте биохимии имени А. Н. Баха продолжались актуальные исследования над действием ферментов в живой клетке.

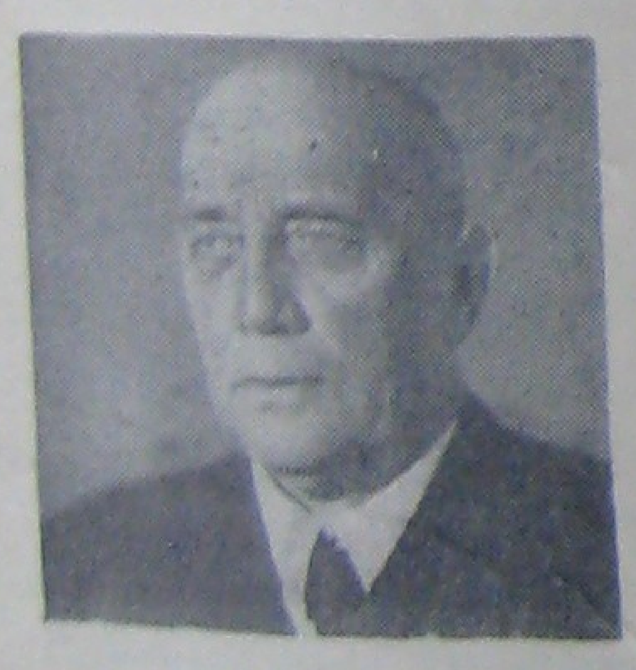
Успешно протекала деятельность ученых, работающих в области гуманитарных наук. Историки выпустили ценный комментарий к «Русской Правде» — выдающемуся

Академик Н. Г. БРУЕВИЧ.

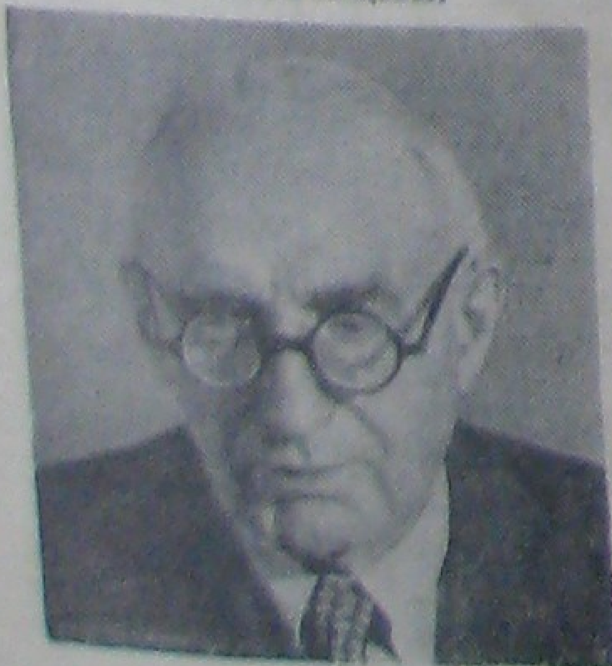
Академик Б. Д. ГРЕКОВ.

Академик Э. В. БРИЦКЕ.

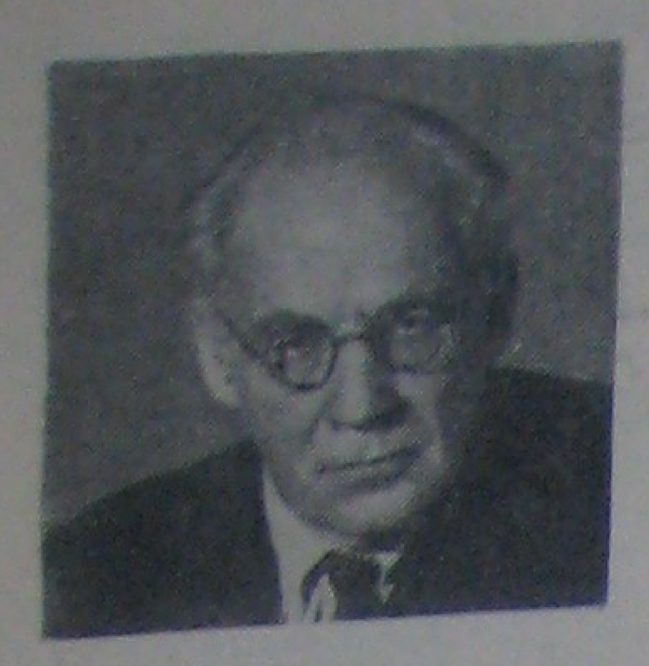
Академик И. В. ГРЕБЕНЩИКОВ.

Академик Е. С. ВАРГА.

Академик Н. С. ДЕРЖАВИН.

Академик
А. Н. ЗАВАРИЦКИЙ.

памятнику русской истории, тексты которого Академия издала перед войной. На передовое место вывели наши востоковеды науку о древнем Востоке. Я имею в виду работы академиков В. В. Струве и А. И. Тюменева, члена-корреспондента Н. М. Никольского и ряда других.

— Что нового дали экспедиции Академии наук?

— В 1947 году продолжали работать многочисленные экспедиции Совета по изучению производительных сил, а также других наших научных учреждений. Эти экспедиции побывали на западе и востоке, юге и севере нашей Родины и собрали много ценных материалов.

Помимо обычных, плановых экспедиций Академия наук СССР снаряжала экспедиции особого характера. В феврале прошлого года в Приморском крае наблюдалось необычное по силе падение метеорита. На место падения была направлена экспедиция Академии во главе с академиком В. Г. Фесенковым, которая сделала интереснейшие наблюдения. Обнаружено свыше ста кратеров, образованных осколками метеорита. Собрано несколько тонн метеоритного железа. Изучение найденных частей Сихотэ-Алиньского метеорита (названного так по месту падения), а также траектории его полета представляет выдающийся научный интерес.

Весной прошлого года мы послали экспедицию к берегам Бразилии, где предполагалось наблюдать (20 мая) солнечное затмение. Самого затмения не было видно из-за непогоды. Однако советские исследователи, находившиеся на борту теплохода «Грибоедов» (специально зафрахтованного для экспедиции), провели весьма успешное наблюдение над радиоизлучением солнца, во многом разъяснившее природу явления.

Поскольку речь зашла о работах наших астрономов, следует отметить, что в сентябре 1947 года снова частично вступила в строй служба широты Главной астрономической обсерватории в Пулкове, которая во время войны была полностью разрушена немецкими фашистами. Возобновление работы зенитного телескопа Пулковской обсерватории обеспечит советскую астрономию и геодезию нужными данными.

Академик
А. Ф. ИОФФЕ.

— Как осуществлялась связь с другими научными центрами страны?

— Для выполнения поставленных перед учеными задач большое значение имеет все растущая связь между Академией наук СССР и научными центрами союзных республик. Эта связь началась в те годы, когда Академия наук СССР приступила к организации многочисленных экспедиций, изучавших природные богатства нашей страны. Эти экспедиции дали много для науки и сослужили большую службу делу подъема культуры в Казахстане, Узбекистане, Грузии и других республиках Средней Азии и Кавказа. Сама жизнь подсказала тогда мысль о создании в союзных республиках и крупных промышленных центрах научных ячеек, которые явились бы научными центрами и оказывали постоянную помощь Академии наук в выполнении ее планов. Так родилась идея о создании филиалов и научно-исследовательских баз на местах. Эту идею не раз высказывал первый президент советской Академии наук А. П. Карпинский; в последующие годы эта идея была воплощена в жизнь при особом внимании со стороны покойного президента В. Л. Комарова. Первые наши филиалы были организованы в 1932 году во Владивостоке, Свердловске, Сталинабаде и Алма-Ате.

Академик
И. В. КУРЧАТОВ.

Как известно, наши филиалы вскоре стали преобразовываться в самостоятельные академии. В 1941 году превратился в Академию Грузинский филиал, в 1943 году — Армянский и Узбекский, в 1945 — Азербайджанский и в 1946 — Казахский.

Развитие научных учреждений на местах продолжается и сейчас. В 1948 год Академия наук СССР вступила с шестью филиалами, восемью базами, и одним стационаром, в которых работает свыше 1200 научных сотрудников различных квалификаций.

— Расскажите, пожалуйста, о подготовке научных кадров в 1947 году и перспективах этого дела.

— Академия наук всегда придавала большое значение этому вопросу. Сейчас в нашей стране имеется огромное количество квалифицированных ученых — более тридцати тысяч докторов и кандидатов наук.

Академик
Т. Д. ЛЫСЕНКО.

За последние годы в Академии значительно увеличился состав докторской и кандидатской аспирантуры. В настоящее время имеется полторы тысячи аспирантов, причем почти треть из них докторанты.

В 1947 году аспирантура Академии выпустила сто пятьдесят пять новых молодых ученых, из них двадцать пять защитили докторские диссертации. Часть выпускников выехала на работу в Академии наук союзных республик, в филиалы и базы Академии наук СССР, а также в высшие учебные заведения нашей страны.

1948 год явится новым этапом в подготовке кадров в Академии наук СССР. Совет Министров СССР принял специальное постановление о подготовке научных кадров высшей квалификации путем прикомандирования научных работников в докторантуру Академии наук СССР.

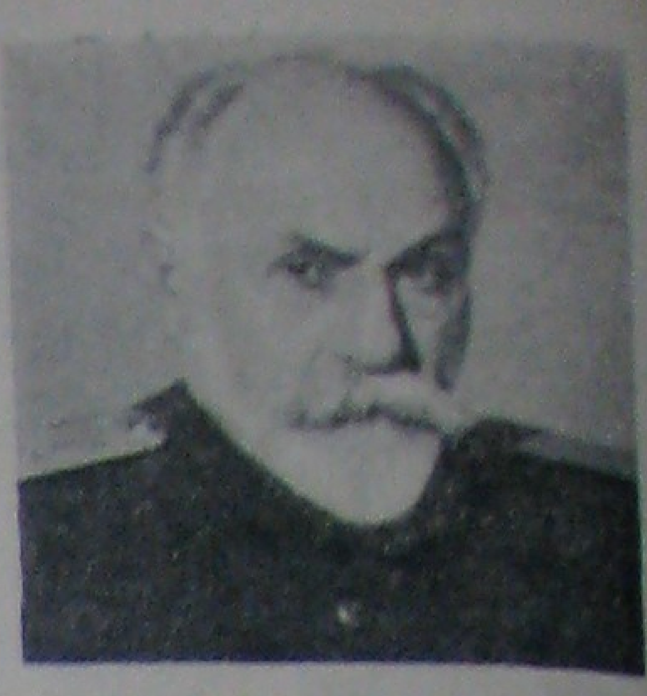
— Прошу охарактеризовать план Академии на 1948 год.

— Задачи, стоящие перед нами в 1948 году, во многом развивают дальше итоги и достижения прошедшего года, но наряду с такими установившимися линиями работы по всем нашим отделениям намечены и многие новые направления, отвечающие новому этапу развития наук.

Наш план весьма разнообразен. Не сходя с главных путей роста новой науки, план во многих пунктах вплотную приближается к практическим заданиям сталинской пятилетки.

Академик
И. И. МЕЩАНИНОВ.

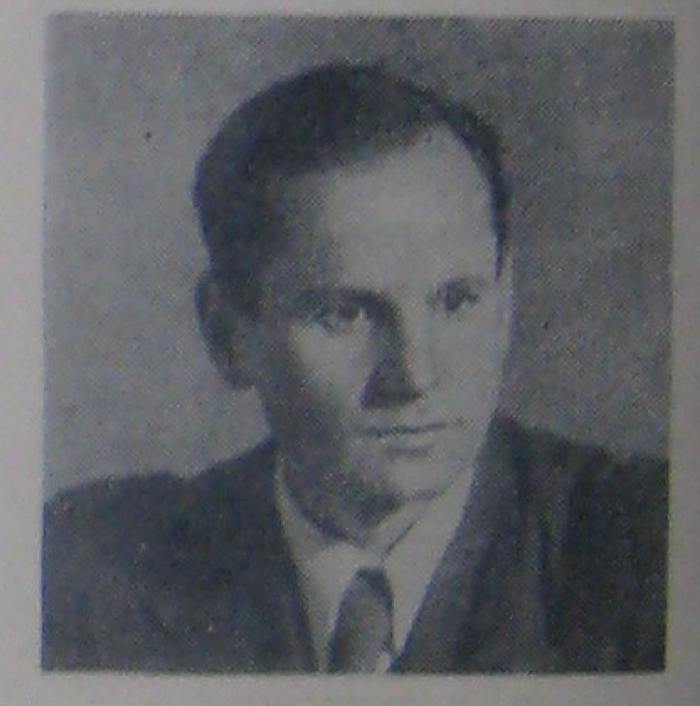
Академик
Л. А. ОРБЕЛИ.

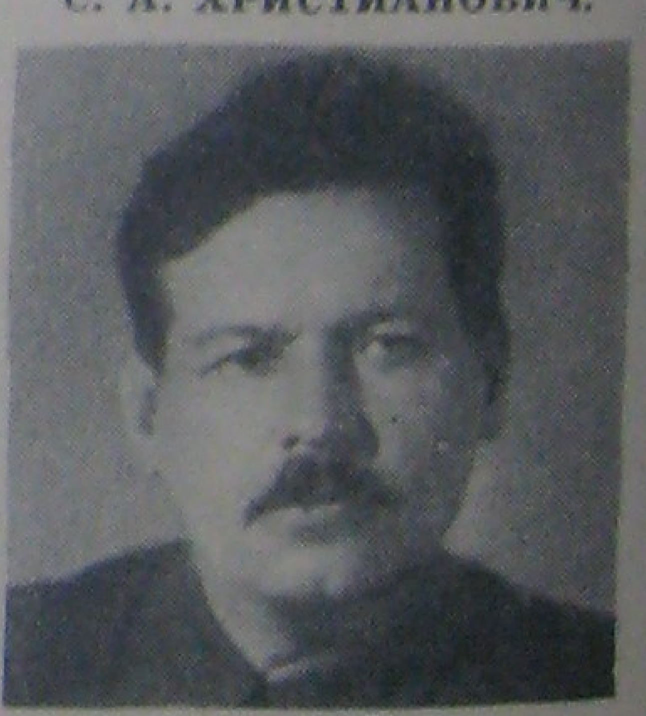
Академик
А. В. ПАЛЛАДИН.

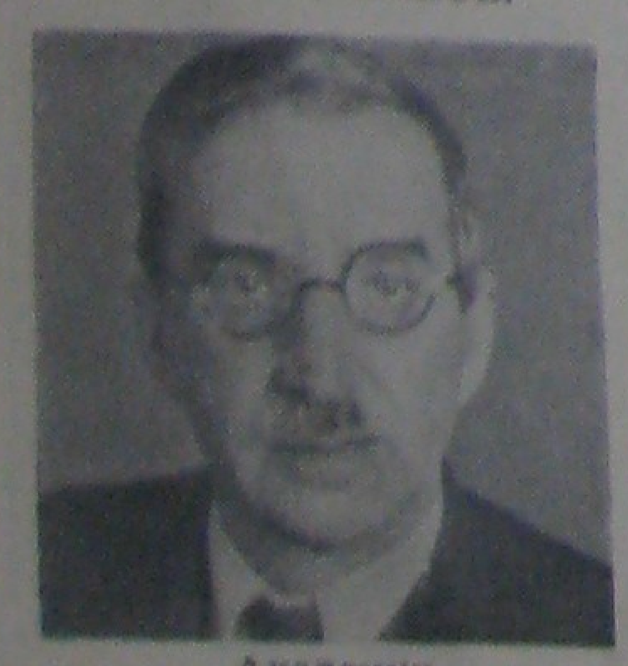
Академик
И. П. ТРАЙНИН.

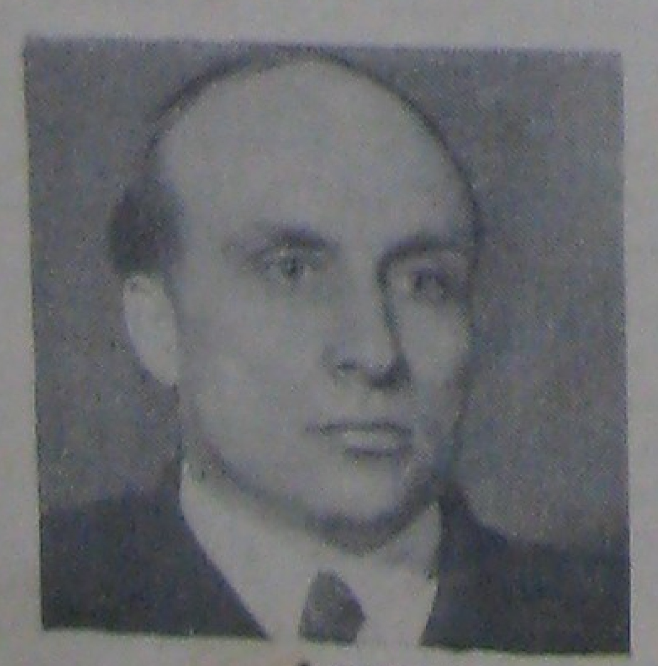
Академик
С. А. ХРИСТИАНОВИЧ.

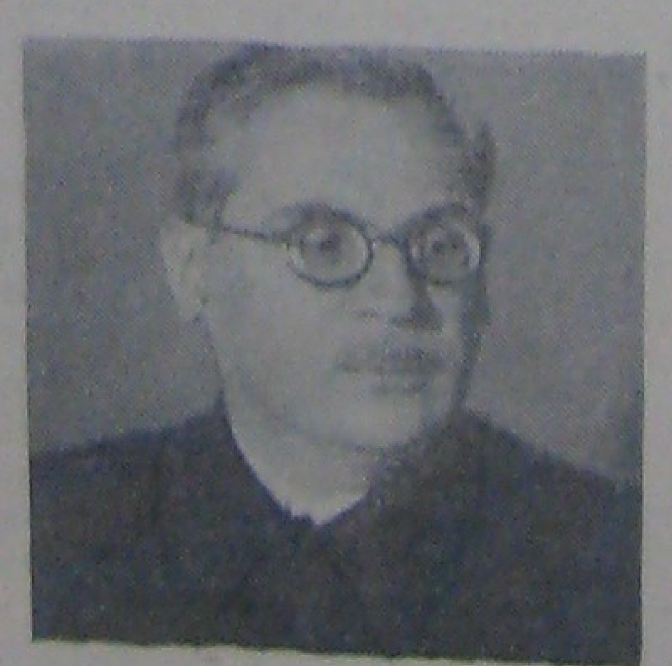
Академик
Н. В. ЦИЦИН.

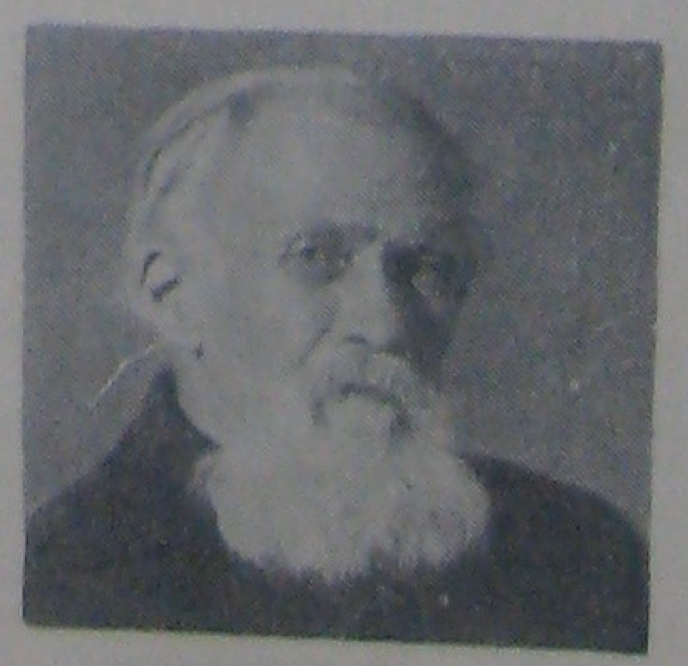
Академик
Н. И. МУСХЕЛИШВИЛИ.

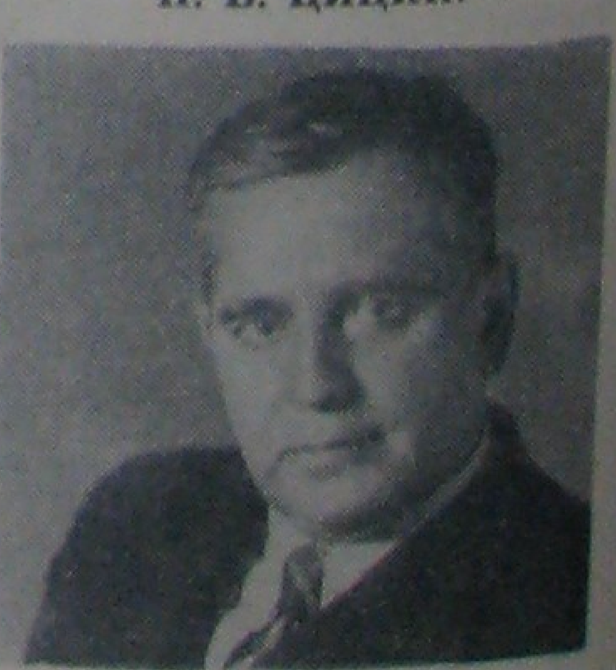
Академик
А. Н. НЕСМЕЯНОВ.

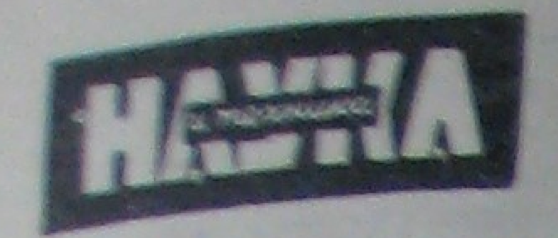
Академик
В. П. НИКИТИН.

Академик
В. А. ОБРУЧЕВ.

Академик
Е. А. ЧУДАКОВ.

ТАЙНА МИКРОЩЕЛЕЙ

Е. БОРИСОВ

Академик П. А. Ребиндер.

— Как вы думаете, где легче разорвать стальную проволоку: в чистой или в соленой воде?

Многим читателям этот вопрос, вероятно, покажется странным. Разве прочность стальной проволоки изменится, если ее погрузить в воду, а затем воду посолить? Подобная мысль противоречит нашим привычным представлениям о прочности металлов и других твердых материалов как о неизменном их свойстве, не зависящем от того, что их окружает: воздух или масло, пресная или соленая вода.

Проблема влияния окружающей среды на механические свойства твердого тела возникла совсем недавно. Однако, несмотря на это, она уже стала важной главой во многих отраслях знаний.

В настоящее время наука уверенно говорит, что окружающая среда может иногда активно участвовать в деформации твердых тел, понижая их прочность. Все дело лишь в химическом составе среды. Заслуга этого открытия принадлежит лауреату Сталинской премии академику Петру Александровичу Ребиндеру и его сотрудникам. Они придали новый смысл понятию о твердости, разработали новые способы облегчения важнейших производственных процессов.

Еще студентом физико-математического факультета Московского университета Петр Ребиндер в 1922 году начал изучать явления, которые происходят на поверхности твердого тела при деформации.

В то время уже было известно, что некоторые вещества, будучи растворены в воде или в какой-нибудь другой жидкости, всегда стремятся сгуститься возле твердой поверхности. Например, если кусок железа погрузить в мыльную воду, то мыло тотчас охватит его тончайшей пленкой. При этом частицы мыла — его молекулы — как бы прилипнут к металлу. Вещества, обладающие способностью оседать на погруженных предметах, получили название поверхностно-активных. Однако их действию не придавали должного значения. Ничтожно тонкая активная пленка, утверждали физики, не может повлиять на прочность всего твердого тела.

В первых же своих опытах Ребиндер убедился в том, что такое суждение ошибочно. Он подвергал растяжению образцы из разных металлов в чистом минеральном масле, а затем добавлял к нему каплю поверхностно-активного вещества — олеиновой кислоты, получаемой из жиров или цетилового спирта, который добывается из воска. При этом скорость вытягивания сразу значительно возрастала, например для тонкой свинцовой проволоки или фольги в десять раз!

Несомненно, что капля активного вещества не могла повлиять на состав и строение испытуемого материала. И все же она резко изменила его механические свойства. Металл гораздо легче стал поддаваться растяжению. Его «ослабление» делалось тем заметнее, чем больше была вытягивающая сила.

Молодой ученый задумался: как объяснить это непонятное явление? И не происходит ли то же самое в повседневной жизни на практике?

При обработке металлов на токарных, строгальных и других станках издавна применяются охлаждающие жидкости, состав которых подобран опытным путем. Между тем известно, что лучший охладитель — это чистая вода. «Зачем же,— спрашивал себя Ребиндер,— использовать сложные смеси, а не воду? Очевидно, дело не только в охлаждении, но также и в чем-то другом».

Например сверление почти всегда производится в мыльном растворе. Каждый мастер знает, что сверлить надо в мыле. Но почему? Раньше над этим не задумывались. А, может быть, мыльная пленка облегчает сверление в железе и стали так же, как олеиновая кислота — растяжение свинцовой проволоки?

Для того чтобы проверить эту мысль, Ребиндер провел следующий опыт. Сверление железа начали в чистой воде. Почти без нажима касался металла конец сверла. Отверстие углублялось очень медленно. Тогда к воде добавили несколько капель жидкого мыла, однако изменений почти не было.

Опыт был повторен. Снова в чистой воде сверло вгрызалось в железную пластину, но на этот раз с сильным нажимом. И снова Ребиндер добавил к воде мыло. В ту же минуту скорость углубления сверла возросла в десять раз! Этот поразительный эффект превзошел самые смелые предположения ученого. При малом давлении на сверло мыло почти не действовало, а при большом — увеличило скорость обработки в несколько раз.

Теперь не оставалось никаких сомнений в том, что активная среда может значительно облегчать деформацию металла. Это особенно заметно, когда на него действует большая внешняя сила.

В 1928 году П. А. Ребиндер делал доклад о своих работах в Ленинградском физико-техническом институте. На заседании присутствовал знаменитый французский физик, ныне покойный Поль Ланжевен. По окончании доклада Ланжевен сказал:

— Все это очень интересно, но, к сожалению, совершенно невозможно. Я не могу поверить в вашу правоту, пока вы не объясните мне, каким образом активное вещество, находясь на поверхности образца, понижает его прочность в целом; каким образом наружный слой металла сигнализирует внутренним молекулам, что им следует ослабить взаимную связь и легче отрываться друг от друга. Я думаю, что в основе ваших опытов лежит какое-то досадное недоразумение.

Такой отзыв всемирно признанного авторитета звучал как приговор. Однако молодой советский ученый не упал духом. Он был твердо уверен в правильности своих опытов. Он не считал достигнутые знания вершиной, пределом возможного и чувствовал в себе силу произвести переворот в научных представлениях, доказать зависимость прочности твердых тел от химического состава окружающей среды.

В Институте физической химии Академии наук СССР и в ряде других научных учреждений П. А. Ребиндер и его сотрудники продолжали изучать таинственное явление. Испытывалось действие всевозможных поверхностно-активных веществ: солей, спиртов, мыла, сахара — на твердость, упругость, вязкость, пластичность металлов и других кристаллических материалов. Накапливались многочисленные экспериментальные данные, доказывающие влияние среды на механические свойства твердых тел. В поисках объяснения этого факта ученые предположили, что активное вещество проникает в глубь твердого материала.

Такое предположение особенно ярко подтверждалось опытами докторанта В. И. Лихтмана. Он растягивал отдельные крупные кристаллы олова и цинка, имеющие вид небольших палочек, и наблюдал их под микроскопом. Всякое твердое тело имеет и внутри и на поверхности мельчайшие дефекты структуры: раковинки и трещинки. При растяжении наиболее крупные из них увеличиваются, а одна становится местом разрыва.

Совсем другая картина в активной среде: число быстро растущих микрощелей становится в несколько раз большим, металл раньше начинает «течь» — то есть деформироваться — и разрывается вдвое легче. Эти результаты были запечатлены на единственном в своем роде кинофильме, заснятом под микроскопом и показанном летом 1946 года на общем собрании Академии наук СССР.

Таким образом, у исследователей возникала уверенность, что поверхностно-активное вещество проникает в глубь расширяющихся при растяжении образца микрощелей и, наподобие клина при колке дров, способствует их дальнейшему увеличению. Твердый материал «набухает», пропитывается активным веществом, которое действует на большую глубину и понижает прочность твердого тела в целом.

Окончательным доказательством правильности этой гипотезы явилось испытание электросопротивления уже упомянутых кристаллов олова и цинка. Электрический ток течет по проводнику подобно тому, как вода по трубе. Рост сопротивления соответствует как бы сужению этой трубы, или, как говорят инженеры, уменьшению поперечного сечения. При растяжении любой проволоки ее сопротивление току немного возрастает, так как за счет увеличения длины сокращается ее толщина. Однако в активной среде этот скачок значительно больше, потому что активная пленка проникает в микротрещины, преграждая тем самым путь току в крайних слоях проволоки и, следовательно, дополнительно уменьшая ее сечение.

Было также показано, что эта пленка с большой силой притягивается к металлу и в самом узком месте микротрещины — в тупике — развивает огромное давление — до тысячи атмосфер. Именно поэтому ее присутствие уменьшает количество энергии, которое надо затратить на разрушение материала.

Теперь объяснилась столь непонятная прежде роль внешней силы: она лишь создает условия для деятельности активного вещества, расширяя микрощели на поверхности твердого тела. Наружным молекулам нет надобности «сигнализировать» внутренним: облегчение деформации создается проникновением активной пленки в микротрещины.

Созданная П. А. Ребиндером и его сотрудниками теория по-новому объяснила весь механизм деформации твердых тел. Она доказала, что окружающая среда может активно участвовать в этом процессе, и дала способы управления им.

Так была разрешена проблема, которая стала краеугольным камнем многих отраслей знаний. В ней сочетаются вопросы физики, химии и механики. Она открыла широкое поле для дальнейших исследований в области молодой науки — физической химии «поверхностных явлений». В современное металловедение была вписана новая важная страница.

Труды академика Ребиндера получили широкое признание не только в СССР, но и в других странах. Крупнейшие зарубежные деятели науки, многие из которых до последнего времени отрицали значение активных добавок, были вынуждены признать правильность теории советского ученого.

Возможности практического использования открытия П. А. Ребиндера весьма разнообразны.

В лаборатории ученого был разработан метод бурения твердых горных пород с «понизителями твердости». При бурении большей частью применяется так называемая промывочная вода, которая накачивается в скважину и выносит на поверхность земли выбуренную породу. Если же к воде добавить полпроцента поверхностно-активного вещества, например соды или поваренной соли, то скорость бурения возрастает в полтора — два раза. Одновременно увеличиваются стойкость бурового инструмента и срок его службы.

Эти результаты были неоднократно проверены на практике доктором физико-математических наук Л. А. Штейнером и другими сотрудниками П. А. Ребиндера. Метод быстро завоевал доверие, и уже в 1941 году инструкцией Комитета по делам геологии запрещалось бурение в твердых горных породах без «понизителей твердости». В настоящее время ряд исследователей, уже независимо от создателей метода, работает над его совершенствованием и внедрением.

Теория академика П. А. Ребиндера создала научную основу для рационального выбора необходимых при обработке металлов смазочно-охлаждающих жидкостей, которые раньше во всем мире подбирались наугад. Проводимое сейчас подробное изучение действия активных смазок в зависимости от характера деформации и природы материала позволит определить наилучшие условия для всех видов обработки.

Многочисленными опытами было показано, что введением активных добавок можно облегчить все производственные процессы, связанные с измельчением твердых материалов, например дробление руд перед их плавкой или шлифование металлов и твердых облицовочных материалов. Выяснилось также, что активная среда, обычно облегчающая разрушение, иногда — при периодических поверхностных деформациях, например при многократной обкатке роликами, — способствует упрочнению поверхности металла. Это может сыграть огромную роль в решении важнейшей задачи современной техники — повышения прочности деталей машин.

Большой коллектив ученых во главе с академиком П. А. Ребиндером продолжает свои исследования. Постановка и разрешение проблемы влияния окружающей среды на прочность твердых тел — выдающийся успех отечественной науки. Уже достигнутые знания и перспективы их дальнейшего использования в советской промышленности свидетельствуют о том, что это молодое направление в науке имеет большое будущее.

Рисунок И. Гринштейна

История одного дерева

Рассказ

Вл. ЛИДИН

Пильщики пришли рано утром, и больничный парк, в котором они должны были распилить огромную, сваленную накануне ель, был в золотистом поту, освещенный только с одной стороны еще не поднявшимся солнцем. Высокое вялое небо, уже утратившее теплые краски лета, было застлано дымкой, предвещающей осень.

Пильщиков было двое — отец и сын Левочкины, свалившие уже не одно засохшее дерево в парке, чтобы распилить затем на доски и тес. С рассвета по-человечески равномерно начинала вздыхать их пила, и тогда как бы становилось слышнее дыхание близкой осени. Пришел посмотреть, как будут распиливать дерево, живший тут же во флигеле старый — некогда земский — теперь районный врач Звягинцев. Ель была уже распилена на части, и на срезе огромного ее, в два обхвата, комля лимонно желтели наращенные с годами круги.

— Отжила, — сказал Звягинцев, с уважением глядя на могучее — даже в поверженности своей — дерево. — Вот, Тимофеич, так-то и нас с тобой спилят скоро под корень.

Он стоял, засунув руки в карманы осеннего пальто, без шляпы, упрямо кудлатый, только густо уже побежала проседь, с седыми кустиками бровей и совсем забелившимися толстыми усами, еще неутомимый и вездесущий. Отец-Левочкин забил клин в прорезь, чтобы не заедало пилу, и присел рядом с доктором на комель.

— Нет, я еще погожу,— сказал он, снимая горстью опилки, набившиеся в свернутую на сторону бородку.— Мне, Иван Петрович, еще пожить интересно... да и тебе советую не торопиться с этим. Вот дерево,— добавил он и похлопал ладонью по стволу,— сколько годов оно стояло?

Доктор отстегнул пришпиленное к борту пиджака английской булавкой пенсне, защемил им складку на переносице и стал считать круги. Пока он считал, спустился с козел сын-Левочкин, Сергей, и тоже присел рядом с ними. Круги, в сердцевине широкие, становились все тоньше по мере того, как росло десятилетие за десятилетием дерево, и доктор, чтобы не сбиться, отсчитывал их острием карандашика.

— Шестьдесят девять лет,— сказал он, наконец, вздохнув,— только на один год старше нас с тобой, Тимофеич... мы ведь однолетки.

— А ты на него снизу, когда оно стояло, смотрел?—спросил Левочкин.—На какую высоту его выкинуло! Вот и тебя, Иван Петровича, на большую высоту выкинуло... тебе обижаться нельзя.— Он достал кисет, оторвал лоскуток газеты и аккуратно всыпал зеленоватую крупную крошку махорки.—Я про себя скажу: лесу я в жизни своей напилил — до самой Москвы тесу да досок уложить можно. И вот, думалось, допилю до последней тесины... а последнюю мне на гроб. Я тебе серьезно говорю: прежде у меня всегда такая думка была. А ты, Иван Петрович, вспомни сам: сколько лет ты здесь доктор? Я себя молодым помню, а ты уж доктор здесь был... ты с народом тоже всего похлебал, ту-то жизнь прежнюю, наверное, не хуже меня помнишь. Тут если про то, что дерево это повидало, рассказать,— он снова похлопал рукой по стволу,— тут горя, да слез, да обид в прежней жизни и не сосчитаешь. Вот и думалось: допиливай до последней тесины да ложись посмирнее и аккуратнее. А теперь я дерево пилю — веришь, весело мне... знаю: каждая тесинка для народа пойдет, на школу там, или на больницу, или пострадавшим от войны для новых домов раздадут. Может, демобилизованный, вот как мой Сережка, в доме этом жить станет.

— Мы тут рентгеновский кабинет пристраивать будем,— сказал Звягинцев,— людей просвечивать, болезнь внутри узнавать.

— Вот на что пойдет тес!—сказал Левочкин с уважением.— Так-то и пилим с Сережкой мы дерево, а оно поет. Поет, Сережка?— спросил он сына, такого же, как и он, кряжистого, из славной породы костромских лесорезов, и словно отлитого по его — отцовскому — образцу.

— Поет,— улыбнулся Сергей.

— Вот видишь, и Сергей тоже слышит — поет. А Сергей чего ни пережил, какую войну прошел: и ранен два раза был и верст от самого Сталинграда отмахал — дай бог. Все поет, милый мой человек, вся жизнь поет вокруг... значит, выбрались все-таки мы из темного нашего леса на божий свет.

Доктор Звягинцев сидел, обняв колени руками. Утро разгоралось холодно и чисто. Была та нежная смягченная пора, когда лето уже кончилось, но осень еще не наступила. После знойного сухого дня с томительно припекающим солнцем выпадала обильная крупная роса, почти до полудня сияющая на подросшей после первого покоса траве. В дымке, одновременно голубой и розовой, как если бы растерли в тончайшую пыль морскую раковину, уходили блистающие тусклым золотом жнивья. На опушках березовых рощиц, ставших оливковыми перед тем, как пожелтеть, уже выстраивались, словно выточенные кегельки, подберезовики, и среди прошлогодней опавшей листвы показывали липкие булавочные головки маслята. Птицы давно уже вывелись, и теперь по кустам шныряли бойкие стайки певчих дроздов и синиц, шумно вспархивая из зарослей уже опустевшего малинника. Но нет-нет — в перезрелой своей мягкости запунцовеет запоздавшая ягода, и среди подсохших и отпадающих бусинок черной смородины вызреет вдруг до пряности душистый шарик, почти истаивающий от первого прикосновения к нему губ.

— Удивительно,— сказал Звягинцев, словно возвращенный к далеким истокам жизни этим ощущением осени,— удивительно... Только недавно ассигновали нам деньги на рентгеновский кабинет, об ассигновании этом просил наш депутат на сессии Совета, и вот ты уже пилишь для кабинета этого тес, Тимофеич... а когда я, земский врач, который боролся со страшными ежегодными эпидемиями — с корью, скарлатиной, даже холерой,— при пьянице-фельдшере, почти без медикаментов, когда я мог мечтать, что будет в бывшем нашем уезде районная больница имени великого Пирогова и что я стану заслуженным деятелем медицины, брат ты мой, лесорез ты мой? История этого дерева не в том, что оно засохло и его спилили, а в том, что оно росло и тянулось вверх. Жил на свете когда-то замечательный человек по фамилии Чехов,— добавил он задумчиво.— Он был тоже земским врачом и был писателем при этом... Он написал много рассказов про земских врачей, как они боролись с эпидемиями, с народной темнотой, с предрассудками и какая бедность была вокруг, и все-таки он верил, что взойдет когда-нибудь солнце над этими сумерками. И вот я, современник Чехова, такой же бывший земский врач, дожил до этого дня, Тимофеич... и я тоже слышу, как поет твоя пила, я ее тоже слышу.

— Ну, а тогда и не спилить нас с тобой под корень,— сказал Левочкин,— и думать об этом не к чему.

Он докурил и, обдернув на себе едко пропахшую трудовым пóтом холстяную рубаху, пошел снова к козлам. Он стал внизу, а Сергей поднялся на козлы и взялся за рукоятку пилы. Старик выбил забитый в разрезе клин, и снова по-человечески глубоко стала вздыхать их пила. Доктор Звягинцев поднялся со ствола и пошел по дорожке. В парке, принадлежавшем некогда графам Олсуфьевым, гуляли в больничных халатах больные — колхозники из сел Софьевки и Лебяжьего, бывших в свое время крепостными селами Олсуфьевых. Теперь можно было уже почувствовать близкую осень. Елочки стояли в паутине, усыпанной семенами берез, и за рекой из молочного тумана выплывал день такой ослепительной яркости, такого солнечного блеска и золота, что хотелось верить — бабье лето пронесет на своих крыльях продленное тепло уже до первых заморозков.

Доктор Звягинцев шел по аллейке, как хозяин этого большого хозяйства, которому надлежало теперь только расти и расти. Он шел и улыбался и напевал себе под нос, и столкнувшаяся с ним молоденькая медицинская сестра Верочка Надеждина тоже улыбнулась и спросила:

— Вы не именинник ли сегодня, Иван Петрович?

— Вот именно,— ответил он,—вот именно. Может быть, я даже сегодня только родился, кто знает.

Он помахал ей рукой с сожженными иодом кончиками пальцев и пошел дальше. Тонкая стеклянная паутина летела в воздухе. А там, позади, в глубине парка, в густой осенней его тишине, все пела и пела пила Левочкиных, распиливая на тес могучую ель, и Звягинцеву казалось, что она не спилена под корень, а только высажена и будет тянуться вверх для будущего.

Казань. Дом-музей В. И. Ленина. Комната, в которой жил и работал Владимир Ильич в 1888—1889 годах.

Фото А. Узлина

азань. В этом доме в ночь 4 на 5 декабря 1887 го-
а был арестован студент азанского университета . И. Ульянов за участие в еволюционном движении студенчества.

Деревня Кокушкино (в 40 километрах от Казани) — место первой ссылки В. И. Ленина (1887—1888 годы). Дом, где жил Владимир Ильич во время ссылки.

Казань. Дом-музей В. И. Ленина. Здесь в 1888—1889 годах жил Владимир Ильич с семьей.

Деревня Кокушкино. Комната, в которой во время ссылки жил и работал В. И. Ленин.

Казань. Дом-музей В. И. Ленина. Экскурсия школьников.
Фото Н. Устина

На уровне времени...

Я. ГРИНВАЛЬД

Три года существует при Центральном доме работников искусств филиал Университета марксизма - ленинизма, созданный Московским городским комитетом партии для работников искусств столицы.

В течение трех лет по понедельникам — в выходной день работников искусств — артисты, режиссеры, художники, скульпторы и музыканты Москвы слушают в этом Университете лекции по диалектическому и историческому материализму, истории ВКП(б), истории народов Советского Союза, истории международных отношений, логике, марксистской эстетике.

Недавно состоялся второй выпуск Университета. Выпускные экзамены сдали 172 человека, прослушавшие двухгодичный курс, из них 123 с отличными оценками.

Среди окончивших Университет отличников — народная артистка Бирман, народный артист Полежаев, заслуженный деятель искусств артист Фенин, лауреат Сталинской премии, режиссер Центрального детского театра, Колесаев и другие.

Сейчас на двух курсах Университета учится около 300 человек. В списке его слушателей представлены артисты всех жанров: драматические, оперные, балетные, опереточные и цирковые. Среди этих слушателей много широко известных в нашей стране деятелей искусств.

Лекции Университета посещают режиссеры Баратов, Берсенев, Зубов, Охлопков, балетмейстер Захаров, художник Соколов-Скаля, артисты Анненков, Бабочкин, Ганшин, Владиславский, Державин, Долматов, Жаров, Крючков, Лемешев, Поляков, Царев, артистки Алемасова, Гиацинтова, Гоголева, Милютина, Слонова, балерина Большого театра Лепешинская, артистка театра оперетты Регина Лазарева, опереточные актеры Аникеев, Качалов, Рубан, популярнейший советский клоун Каран д'Аш и многие, многие другие.

Опереточная героиня, изучающая историю. Балерина, тщательно конспектирующая лекции о дипломатических отношениях. Клоун, интересующийся философией!

Нет! Это не уложилось бы в сознании какого-нибудь старого провинциального актера типа Шмаги (из пьесы Островского «Без вины виноватые»), который говорил: «Актер горд! Его место— в буфете!» Впрочем, это не укладывается в сознании даже многих «просвещенных» иностранцев.

Как-то в Центральный дом работников искусств заехал только что назначенный в Москву новый посол одной из европейских держав. Осматривая достопримечательности советской столицы, он пожелал познакомиться и с актерским клубом. Дипломату любезно показали клуб и подробно рассказали о той работе, которую он ведет. Когда дипломат узнал, что при клубе существует Университет марксизма-ленинизма и что учатся в нем актеры, и в том числе балетные, опереточные и цирковые, он с ехидной улыбкой спросил:

— А какими же мерами принуждения заставляют этих «психей» и «амуров» учиться?

И был несказанно удивлен, когда директор дома Б. М. Филиппов, он же директор Университета, объяснил ему:

— В наш Университет поступают добровольно.

— Добровольно? Но зачем же актерам может понадобиться философия, для чего им нужно изучать историю дипломатических отношений и другие подобные дисциплины? Не понимаю.

— Очень просто. Наши советские актеры хотят быть на уровне своего времени, своей эпохи, — ответил дипломату директор клуба...

* * *

Стремление быть на уровне своей эпохи, стать достойными своей великой Родины, своего театра, своего зрителя привело работников искусств в Университет марксизма-ленинизма, к книгам по истории и философии, к углубленному изучению марксистско-ленинской теории, которая, как говорит товарищ Сталин в «Кратком курсе истории ВКП(б)», есть «наука о развитии общества, наука о рабочем движении, наука о пролетарской революции, наука о строительстве коммунистического общества». Наука, которая дает «возможность ориентироваться в обстановке, понять внутреннюю связь окружающих событий, предвидеть ход событий и распознать не только то, как и куда развиваются события в настоящем, но и то, как и куда они должны развиваться в будущем».

Наши работники искусств прекрасно отдают себе отчет в том, что возложенные на них огромные задачи по коммунистическому воспитанию миллионов советских зрителей они сумеют выполнить только тогда, когда сами проникнутся великими идеями коммунизма, когда овладеют теорией марксизма-ленинизма и научатся применять ее в своей практической работе.

Исторические постановления ЦК ВКП(б) по вопросам идеологической работы и доклады тов. Жданова на активе Ленинградской партийной организации и собрании ленинградских писателей выдвинули перед советской художественной интеллигенцией задачу дальнейшего усиления борьбы за идейность в искусстве, за создание новых произведений, в которых глубокое идейное содержание сочеталось бы с высокохудожественной формой. Стремление выполнить эту великую задачу, естественно, подсказало мысль: «Надо учиться!»

И учиться потянулись все, кто дорожит своим званием советского артиста, работника советского искусства. Одни пошли в кружки, другие — в лектории, третьи сами дома засели за книги. Наиболее подготовленные стали слушателями университетов марксизма-ленинизма, университетов, которые открыты и действуют не только в Москве, но и во всех крупнейших городах Советского Союза.

Еженедельно, в понедельник в 10 часов утра, приходят в эти университеты режиссеры и артисты, певцы и балерины, художники и музыканты и до 2 часов дня внимательно слушают лекции, конспектируют их, записывают рекомендуемую профессорами литературу. Два раза в месяц слушатели Университета, разбившись по группам, собираются на семинарские занятия. Они приходят на эти занятия, обогащенные знаниями, почерпнутыми из прочитанных дома первоисточников, выступают с рефератами и докладами, оживленно обсуждают возникающие теоретические проблемы и вопросы.

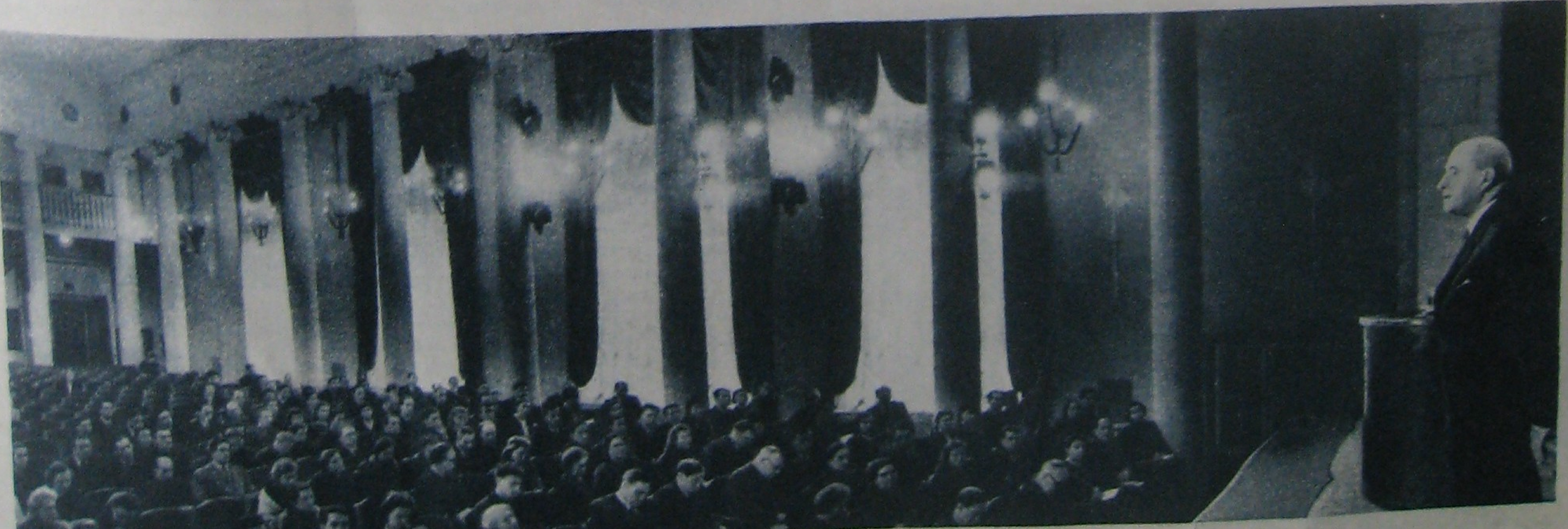
И делают все это с настоящим, большим увлечением.

Народная артистка С. Г. Бирман говорила на вечере, посвященном второму выпуску Университета марксизма-ленинизма при Центральном доме работников искусств:

— Мы приходили в Университет за знаниями, за мировоззрением, за широтой горизонта. Мы приходили сюда не часто — раз в неделю, в наши выходные дни, но Университет много нам дал, может быть, потому, что мы так жадно хотели получить нужные нам знания.

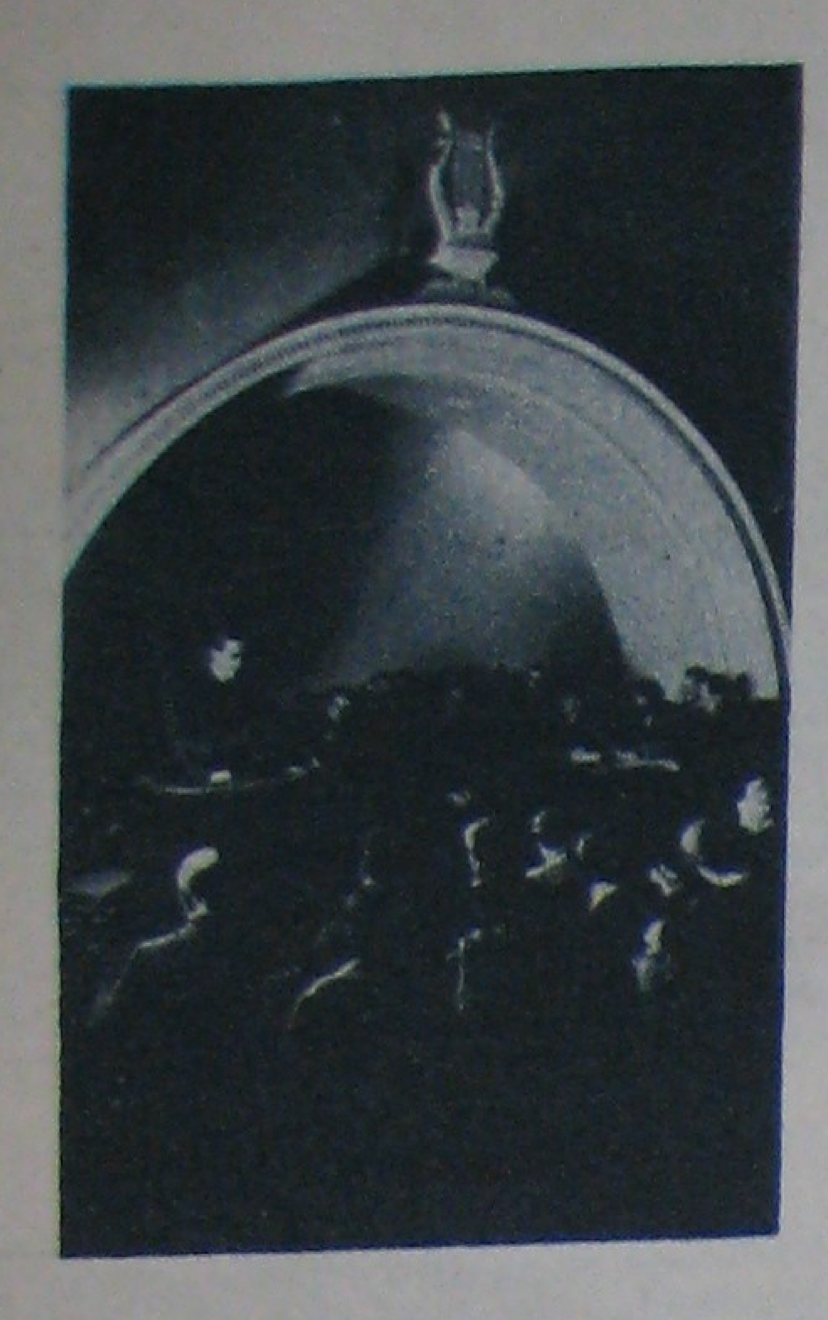
Было бы хвастовством, если бы мы утверждали, что вполне овладели великой марксистско-ленинской наукой. Но наши профессора разбудили нашу мысль и помогли нам оформить вновь родившиеся у нас на лекциях чувства. В те часы, когда мы слушали историю партии, перед нами оживала борьба за счастье трудящихся, и мы еще и еще раз ощущали величие руководителей партии, побеждающую силу их теории. Через историю партии нам еще ближе, еще роднее стало наше настоящее, и мы еще увереннее стали смотреть в наше будущее.

Советское искусство, — закончила Бирман, — должно обрести широкие и сильные крылья, чтобы достичь той высоты, к которой зовут нас, актеров, великая партия Ленина—Сталина, наш народ, наша страна — манящий маяк для всего прогрессивного человечества.

Профессор К. В. Базилевич читает лекцию по истории СССР для слушателей первого курса Университета марксизма-ленинизма при Центральном доме работников искусств.

Фото Я. Халипа

Профессор А. Н. Леонтьев читает лекцию по психологии в Университете марксизма-ленинизма при Центральном доме работников искусств.

Об огромной пользе занятий в Университете говорят все его слушатели.

Народный артист Полежаев, прощаясь с профессором М. П. Баскиным, читавшим курс диалектического и исторического материализма, сказал ему:

— Я научился воспринимать наше сегодня в свете дальнейшего развития нашей жизни. Мои глаза стали чище и мысли — ясней.

И не фразой звучат слова артистки Гиацинтовой, которая говорит:

— Когда я закончу Университет, я не остановлюсь на этом. Я буду продолжать учиться. Актер обязан быть передовым человеком своего времени, а для этого он должен учиться всю свою жизнь...

* * *

Учиться всю свою жизнь!

Да, это долг советского актера. И долг, к слову сказать, не только перед нашей эпохой.

Лучшие представители русских актеров были передовыми людьми своего времени, составляли цвет и гордость прогрессивной русской интеллигенции.

На заре истории нашего театрального искусства таковым был Дмитревский, образованнейший человек своей эпохи, соратник Сумарокова (автора первых русских классических трагедий и комедий), актер, превосходивший в своем мастерстве прославленного английского трагика Гаррика. Это Плавильщиков — актер-драматург, утверждавший, что «отечественность в театральном сочинении должна быть первым предметом», и звавший задолго до Островского показать на сцене «купцов, приказчиков, мастеровых и все наше среднее состояние».

Мочалов, поднятый, как знамя, революционным демократом Белинским, Щепкин — друг Пушкина и Гоголя, Герцена и Грановского, Пров Садовский — первый и лучший воплотитель образов гениальной драматургии Островского — вот кто олицетворяет старое русское актерство.

Духовные интересы, уровень культуры, чаяния и устремления этого актерства выражали Ермолова, Южин, Ленский, Давыдов, Комиссаржевская, Юрьев, Станиславский.

И в провинции лицо русского актерства определяли Иванов-Козельский и Андреев-Бурлак, Писарев и Стрепетова, Орленев и Степан Кузнецов, режиссеры Синельников и Собольщиков-Самарин.

Даже в цирке актерская масса сумела выдвинуть таких блестящих клоунов, политически острых сатириков, как Анатолий и Владимир Дуровы.
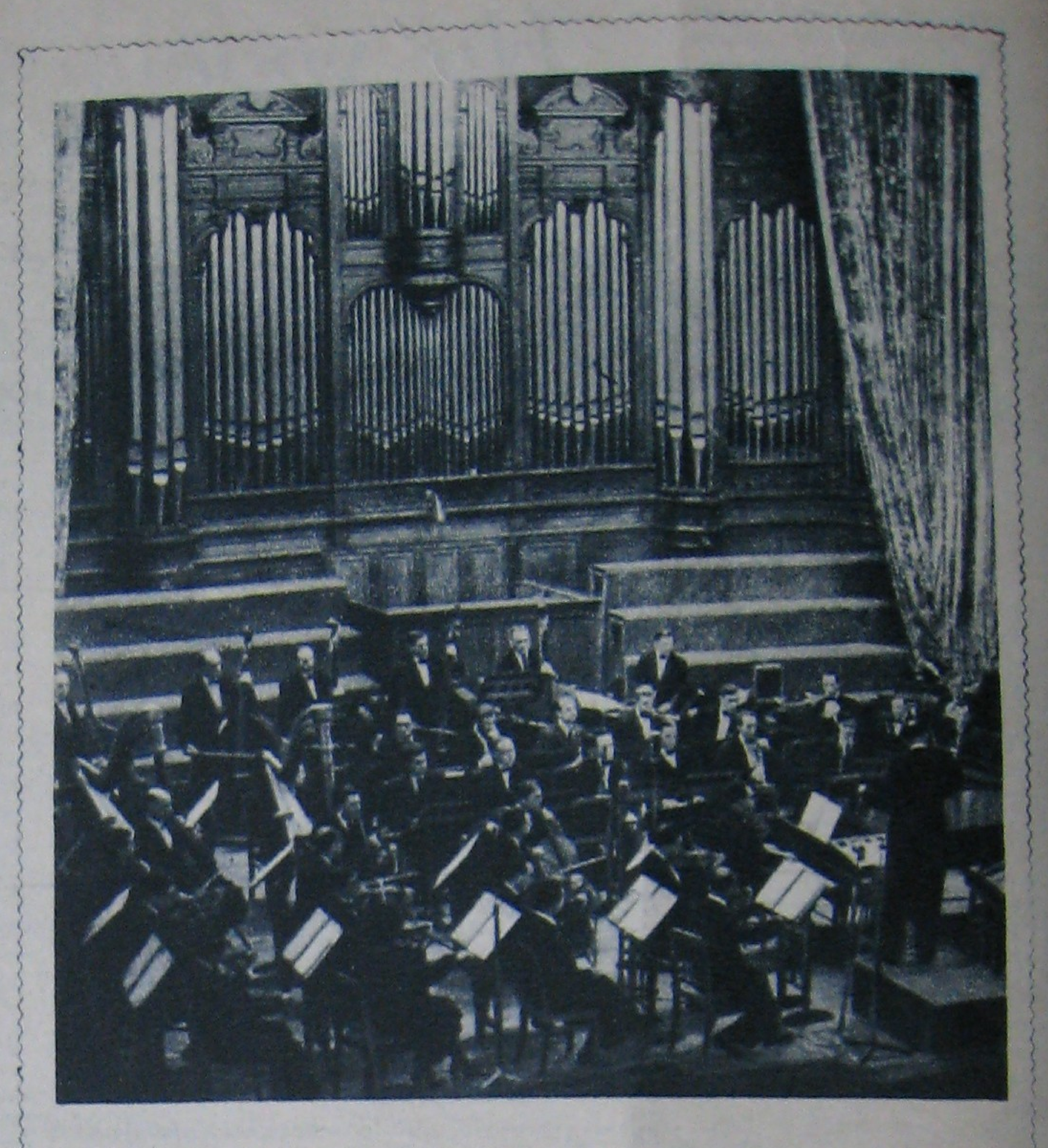
Стать вровень с лучшими людьми своего времени, служить народу правдой искусства всегда было стремлением русских актеров.

Советский актер не знает всех тех язв, которые разъедали старый русский театр. Не знает ни императорской монополии, ни покровительства меценатствующих «поклонников», ни эксплоатации антрепренеров, ни унижений, ни слез. Советские актеры свободно творят в театрах, открытых для народа, строящего новую и счастливую жизнь.

Группа учащихся Университета марксизма-ленинизма при Центральном доме работников искусств. Справа налево: артисты С. Балашов, С. Гиацинтова, С. Бирман, Е. Гоголева и директор театра имени Ермоловой Л. Зингер.

Фото О. Кнорринга

Большой зал Консерватории. Государственный симфонический оркестр исполняет поэму «Лидице» чехословацкого композитора Богуслава Мартину.

Фото О. Кнорринга

Симфоническая поэма «Лидице»

Трагическая судьба Лидице — чехословацкого села возле Кладно, все жители которого, включая детей, женщин и стариков, были зверски истреблены, а само село стерто с лица земли немецкими фашистами — потрясла все свободолюбивое человечество. Лидице стало окровавленным знаменем чехословаков еще в те годы, когда гитлеровцы терзали захваченную ими славянскую страну; с именем Лидице шли в бой партизанские отряды; его скорбный образ вдохновлял художников и поэтов на создание волнующих произведений искусства.

Крупнейший современный чехословацкий композитор Богуслав Мартину еще в годы войны написал симфоническую поэму «Лидице». Недавно в Большом зале Московской консерватории Государственный симфонический оркестр Союза ССР исполнял это выдающееся произведение. Оно захватило слушателей своей искренней взволнованной эмоциональностью. Целостный музыкальный образ симфонической поэмы представляется как внешне сдержанная, но глубокая душевная скорбь. Мужественные трагические звучания созданы композитором на основе музыки славянских народов — чехов, словаков, моравов.

Это монументальное элегическое произведение воспринимается как реквием, как всечеловеческая гражданская панихида по героической трагедии Лидице. Можно пожалеть о том, что в нем нет интонаций призыва к борьбе, гнева и ненависти к фашистским извергам. Но все же в целом симфоническая поэма «Лидице» вызывает чувство просветления, веры в конечную победу. Это величественный музыкальный памятник жертвам Лидице.

Имя Богуслава Мартину пока еще мало известно в широких кругах советских слушателей. Его талант и мастерство заслуживают популярности. Б. Мартину является автором двух симфоний, ряда оркестровых и сольных произведений, восьми опер, девяти балетов, многих камерных и вокальных сочинений, среди которых особенно известен его цикл песен на слова народных чешских поэтов.

Творчество композитора тесно связано с красотами чехословацкой народной музыки, а тематика многих его произведений отражает жизнь, чувства и мысли братской славянской страны. Одним из лучших произведений Б. Мартину является принесший ему мировую известность двойной концерт для двух струнных оркестров, рояля и литавр, в котором даны музыкальные образы трагического захвата Чехословакии гитлеровцами в 1938 году.

Успех «Лидице» у советских слушателей, которому способствовало прекрасное исполнение ее Государственным симфоническим оркестром СССР, является залогом дальнейшего культурного сближения СССР и Чехословакии.

Б. ХАЛИП

Приглашение к танцу

В. ГОРОДИНСКИЙ

Античная группа, изваянная из мрамора, донесла из седой эллинской древности до нашего времени рассказ, полный ликующей радости. Девушка сидит на камне, развязывая сандалии. Лицо ее лучится беззаботным весельем, и она с улыбкой смотрит на юношу, стоящего перед нею. Прищелкивая пальцами в такт музыке, он приглашает свою подругу к танцу, и кажется, мы слышим музыку невидимого флейтиста, нежную и пламенную, может быть, ту самую, которой Арион заставил плясать морских чудищ, музыку, заставляющую учащенно биться даже самые холодные сердца, зажигающую огонь в крови... Ведь недаром же народы всех стран приписывают танцевальному ритму волшебную силу, недаром под наигрыш новгородского гусляра Садко расплясался сам царь морской со своей царицей Водяницей, недаром с громом пляшут горы в такт песне осетинского богатыря Ацамаза и в плавном танце под стук нагретой на костре «дойры» — бубна — стихает знойный «афганец» — палящий ветер среднеазиатских степей!

Не только в песне, но и в танце живет душа народа. И чем большими поэтическими богатствами владеет народ, тем ярче, выразительнее и разнообразнее его танец.

Можно было бы составить прелюбопытный свод танцевальных эпизодов из мировой художественной литературы. В мерной пляске выступает индийская богиня любви Лакшми, танцует, ударяя в тимпан, героиня библейской трагедии, дочь Иеффая, пляшут девушки и юноши в обеих поэмах Гомера, танцуют шекспировские герои, плясать горазды богатыри в русском былинном эпосе... Впрочем, без боязни преувеличений можно утверждать, что в русской поэзии и в русской прозаической литературе танцевальная пластика представлена такими жемчужинами, каких нельзя отыскать во всем безбрежном океане мировой поэзии.

Не говоря уже о гениальном пушкинском панегирике «русской Терпсихоре», о гоголевском пляске запорожцев в «Тарасе Бульбе»,— одна только сцена танца Наташи в домике ее дяди, в «Войне и мире» Толстого, по своей пленительной красоте вообще исключает возможность каких-либо сравнений. В сущности, ведь это и не удивительно. Русская, несмотря на свое французское аристократическое воспитание, девушка Наташа танцует русский народный танец, а ведь об этом танце еще в XVIII веке немецкий академик Якоб Штелин писал, что «во всем танцевальном искусстве Европы не сыскать такого танца, который бы мог превзойти русскую деревенскую пляску... и никакой другой национальный танец в мире не сравнится по привлекательности с этой пляской».

Женщина словно плывет в танце, бросая на партнера лукавый взгляд из-под опущенных ресниц.

Фото Е. Игнатович

* * *

Хотя темой нашей статьи является танец бытовой, массовый, так сказать, танцевальное искусство «малых форм» — отнюдь не танец балетный, мы все же воспользуемся случаем, чтобы заметить грубую ошибочность встречающихся очень часто в специальной литературе суждений об искусственном, чужестранном происхождении русской хореографии.

Совсем недавно лондонское «Би-би-си» еще раз подтвердило свою репутацию одного из наиболее невежественных радиоучреждений в мире, громогласно (чего уж громогласнее!) объявив, что русский балет ведет свое происхождение от франко-итальянского хореографического искусства. Таким образом, русский балет, не имеющий соперников в странах обоих полушарий, является своего рода экзотическим растением, пересаженным на чужую почву и здесь достигнувшим пышного расцвета. Странно только, что это прекрасное растение совсем не прижилось на англо-саксонской почве — ни в Британии, ни в Америке,— хотя здесь оно культивировалось со всяческим усердием и орошалось золотым дождем, по временам прямо-таки золотыми ливнями.

Ведь и до сих пор обе англосаксонские страны принуждены довольствоваться главным образом «отходами» русского балетного искусства, бывшими русскими балетными труппами, вроде хореографического театра отставной козы барабанщика, белоэмигрантского «полковника» Базиля, театра, ставящего одноактные монтажи «Лебединого озера» и «Спящей красавицы» — затея воистину уголовная...

Журнал «Америка» однажды с триумфом сообщил советским читателям, что в США в настоящее время «существуют два больших балетных коллектива, которые после длительного сезона в Нью-Йорке отправляются на несколько месяцев в турне, причем нередко в течение одной недели им приходится выступать в семи городах, давая по два спектакля в день».

Не знаем, как называется по-английски «халтура», но мы могли бы пояснить журналу «Америка», что балетная труппа, в течение недели дающая четырнадцать спектаклей в семи городах, занимается самой несомненной и самой низкопробной халтурой... Мы также могли бы добавить, что два балетных коллектива на всю страну, с нашей, советской точки зрения, составляют столь нищенский хореографический «паек», что он в художественном балансе этой страны не может иметь никакого значения. У нас, как-никак, только в одной Москве, и без всяких гомерических турне «по семи городам», имеется два балетных коллектива. Правда, только один из них может считаться большим, потому что другой — огромный! В Ленинграде тоже два балетных коллектива, и в тех же пропорциях, т. е. один — большой, а другой — огромный. А сколько всего больших и малых балетных коллективов в нашей стране, мы не считали. Много!

Но если удивительно, что «французский» балет расцвел на русской почве, то еще удивительнее, что он совсем увял на своей «родной» французской почве. Генрих Гейне еще сто лет назад заметил, что парижская Grand-Opéra — «настоящий рай для глухих». С тех пор этот театр значительно усовершенствовался и стал также раем для слепых. Балетные постановки Сергея Лифаря, белоэмигранта, проповедующего балетное искусство без музыки, но еще более преуспевшего по части балетных спектаклей без танца, немного прибавили к лаврам инвалидной буржуазной Терпсихоры.

Что же все это значит? Почему «французский» балет процвел именно в России и нигде более?

Почему он увял во Франции и никогда не процветал ни в Англии, ни в Америке, мы здесь говорить не будем, хотя причины этого феномена нам известны как нельзя лучше. Нам также известно, что в России расцвел и ныне процветает не «французский», а русский национальный балет, который некоторые буржуазные искусствоведы с упорством, достойным лучшего применения, пытаются выдать за балет французский.

В действительности же русский балет является коренным русским искусством ничуть не меньше, нежели русская музыка или русский театр.

Блистательные победы русского балетного театра, одержанные им в поразительно короткий срок, именно и объясняются тем, что он развивался на богатейшей в мире и плодороднейшей почве русского народного танца, одновременно вбирая в себя многие элементы

национальной пластики других братских народов СССР. Не вдаваясь в подробности, нам остается заметить, что ведь родиной симфонического балета также неоспоримо является наша страна, и своей вершины (если не считать одиноко возвышающегося, но никогда не имевшего сценического значения бетховенского «Прометея») симфоническая балетная музыка достигла в творчестве Глинки, Чайковского, Глазунова, а в наши дни — Прокофьева.

* * *

Мы начали статью рассказом об античной группе «Приглашение к танцу». В самом деле, с тех пор как возник парный танец, постепенно развивался и особый, в высшей степени поэтический церемониал приглашения к танцу. Ведь совсем не случайно музыке танца почти всегда предшествует вступление, нередко очень торжественное, для большей контрастности выдержанное в другом размере. Вступление прелюдирует музыке и служит звуковой основой для прелестной церемонии приглашения к танцу.

Любопытно, что в национальном обиходе каждого народа образовались свои типические формы приглашения. Грузинский юноша в бешеном плясе, припадая на одно колено, прижимая руку к сердцу, словно умоляет даму выйти в круг, и дама снисходит к рыцарственной просьбе. Она величественна и неприступна. В то время как в страстном увлечении, в опьяняющем восторге танца партнер то взлетает высоко на воздух, то мчится на полупальцах по кругу, обвивая даму живой гирляндой стремительно быстрых движений, женщина словно плывет в танце, лишь изредка делая округленно быстрый поворот, наклоняя голову и бросая на партнера лукавый взгляд из-под опущенных ресниц.

Человек с живым художественным воображением, с горячей кровью и пламенным сердцем не может быть равнодушным зрителем такого танца. Вот почему все новые и новые пары присоединяются к танцующим, и через несколько минут уже бушует настоящая плясовая буря, как вихрь, втягивающая всех, кто стоит близко. Это — свойство и русского национального танца, и украинского, и белорусского,— словом, свойство танца всех крепко стоящих на земле, здоровых, полных энергической силы народов.

Заметим, что это также — и свойство тех, так называемых бальных танцев, которые не утратили своих связей с народной танцовальной стихией, из которой они вышли. Вальс, мазурка, полька, бальный чардаш — все это танцы, утверждающие радость жизни, и в этом причина их поразительной долговечности.

Попутно следует сказать, что если национальное происхождение мазурки, польки (вопреки названию являющейся чешским танцем), венгерского чардаша вполне ясно, то этого никак нельзя утверждать относительно вальса. Знаменательно, что в собственно германской музыке вальсовая форма представлена только одним, действительно бессмертным шедевром — «Aufforderung zum Tanz» («Приглашение к танцу») Вебера, а своего максимального развития эта музыкально-танцовальная форма достигла в австрийской музыке. Как известно, ортодоксальная немецкая критика постоянно укоряла австрийскую школу в измене «тевтонизму», и, например, в 1910 году Альфред Вольф в берлинском журнале «Музыка» упрекал австрийских «королей» вальса и оперетты (Штрауса, Зуппе, даже Легара) в том, что они культивируют «славянскую оригинальность», все более удаляясь от немецкой культуры.

Надо признать, что черносотенный критик имел все же немалые основания для своих утверждений, но по справедливости должен был бы их распространить на австрийскую музыку целиком, не исключая ни Моцарта, ни Гайдна. В музыкальном творчестве разноплеменной Австро-Венгрии славянский элемент имел первенствующее значение. Если же говорить о вальсе, то вряд ли подлежит сомнению штирийско - каринтийское происхождение этого танца, зародившегося на исконных славянских землях и уже через Тироль проникшего в Баварию и в остальные германские страны.

Однако всего важнее подчеркнуть то несомненное и совершенно неоспоримое обстоятельство, что вальс приобрел значение классической танцовальной формы, прочно вошедшей в симфонический обиход, только в творчестве славянских композиторов. Гениальный «Вальс - фантазия» Глинки — эта жемчужина из жемчужин музыкальной поэзии — в своем первом варианте появился на свет еще в 1839 году, положив начало русскому вальсу, доведенному до степени наивысшего совершенства Чайковским.

Ничто не может сравниться с симфоническими и балетными вальсами Чайковского и Глазунова, и вряд ли в настоящее время это решится оспаривать хоть один музыкант на свете. И совершенно так же никто не станет оспаривать, что только в творчестве великого польского композитора Фредерика Шопена вальс приобрел значение одной из самых совершенных и высокопоэтических форм камерной фортепианной музыки. Мы попрежнему восхищаемся блеском веберовского «Приглашения к танцу», но ведь нельзя не признать, что «польские вальсы» (а они именно польские) Шопена затмевают славу прекрасного произведения немецкого классика...

Сейчас трудно поверить тому, что в свое время вальс подвергался самым настоящим гонениям как танец непристойный, что вальсирование запрещалось императорскими приказами в России при Павле I, что в Англии против вальса ополчились поэты и публицисты. Впрочем, это не очень удивительно. После жеманных танцев «галантного» XVIII века крутящийся, словно вихрь, вальс мог и вправду напугать людей того времени, как напугало своим громовым звуком фортепиано даже таких людей, как Вольтер, который не желал слушать ничего, кроме нежного шопота клавикордов, и сердито обозвал новоизобретенный молоточковый рояль «гнусным порождением кастрюльщика».

Кто помнит теперь о клавикордах и клавесинах и кто танцует менуэты, гавоты и паспье?!

* * *

В 1928 году венский карикатурист С. Коббе, пораженный тупой механичностью фокстротно-джазовых танцев, выпустил серию рисунков, изображающих архисовременный бал «Модерн» с участием усовершенствованных автоматических танцоров-роботов. На одном из рисунков бала изображена сцена в модернизированном дансинге. За столиками сидят дамы, которые по своим внешним данным, без сомнения, явились бы лучшим украшением шабаша ведьм на Лысой горе, если только это избранное общество не разбежалось бы в панике при появлении столь устрашающих персонажей.

Одна из красавиц, увешанная ожерельями, браслетами, кольцами, с папиросой, торчащей из размалеванного рта, нажимает кнопку настольного телефона, и проворный лакей в ливрее подкатывает к столу автоматического партнера для танцев. Возле столиков видны танцующие пары, и на спинах автоматических кавалеров, поверх модного смокинга, красуется распределительная доска с рычагами и переводными стрелками и надписями: «фокс, танго, румба» и т. д.

Подпись к рисункам Коббе гласила: «Никакой черемухи! Механические танцоры с электроустановкой для всех танцев. Вызов по настольному телефону».

Невесело изволил шутить художник из бывшей «веселой Вены»! Но... в шутках простая мораль. Желая того или не желая, художник Коббе в своих рисунках вскрыл подлинную тенденцию эстетического декаданса современного буржуазного общества. Это та же тенденция, что вдохновила композитора Макса Бранда написать гнусную оперу «Машинист Гопкинс», где машины очеловечены, а человек превращен в подлейшую из машин,— это тенденция к замене жаркого чувства любви холодной похотью, к полному разрушению и исчезновению поэзии из жизни человека.

Вместо поэтического «приглашения к танцу» вызов по телефону, вместо огневого и плавного танца механическое топтание на месте под звуки флексатона — этого музыкального орудия пытки, голос которого напоминает вопли кота, придавленного дверью, — скрежета и визга цугфлейты, ноющей, как больной зуб, гавайской гитары... Если это и танец, то лишь танец мертвецов, если же это музыка, то ей дал гениально точное обозначение великий Горький,— это **музыка толстых**, бесчеловечная музыка того сорта господ, которых мы, как выразился бы Белинский, не пустили бы даже в конюшню, опасаясь за нравственность наших лошадей.

О современном танце современного буржуазного общества, о танце и о танцовальной музыке и, следовательно, о джазе, с которым неразрывно связан «западный танец», мы расскажем в следующей статье.

На спинах автоматических кавалеров красуется распределительная доска с рычагами и переводными стрелками и надписями: «фокс, танго, румба» и т. д.

Каррикатура С. Коббе

СПОРТ

Спортивный УРАЛ

Е. ВАСИЛЬЕВ

Фото Д. Вяжлинского

В зимний воскресный день тысячи свердловчан устремляются за город. На троллейбусах и машинах, на автобусах и пешком спешат они в окрестности села Уктус, к традиционному месту лыжных вылазок, тренировок и состязаний.

Уктусские горы — длинная гряда местами отлогих, местами крутого профиля возвышенностей, перебитых оврагами и поросших сосновым лесом, — как бы самой природой предназначены для лыжного спорта.

Великолепный естественный плацдарм оснащен еще и мощным сооружением спортивной техники. На Уктусских горах находится один из крупнейших в Советском Союзе лыжных трамплинов. Стремительно скользнув с его крутой эстакады, придав телу огромную силу инерции, лыжник взлетает в воздух, уподобляясь на несколько секунд птице.

До позднего вечера эхо Уктусских гор подхватывает и повторяет оживленные голоса спортсменов.

Не одно поколение свердловских лыжников приобретало и совершенствовало в окрестностях Уктусских гор свою спортивную технику. Не только для свердловчан, но и для лыжников всей страны Уктусские горы стали местом строгих спортивных экзаменов, суровой проверки сил. Кроме городских и областных лыжных соревнований тут проводится розыгрыш первенства СССР по лыжам.

Какие страсти кипят вокруг этих состязаний сильнейших! Сколько тут напряженной борьбы, драматических моментов, эффектных неожиданностей, вспышек благородного спортивного азарта!

Одним из интереснейших событий во всей истории советского лыжного спорта была борьба, разыгравшаяся на Уктусских горах в прошлогоднем первенстве страны между Зоей Болотовой и Анастасией Плотниковой.

Обе эти лыжницы — свердловчанки. Заслуженный мастер спорта Зоя Болотова неоднократно выигрывала первенство страны, и хоть называли ее «хозяйкой Уктусских гор», но жила она последнее время не в Свердловске, а в Москве. На всесоюзных соревнованиях 1947 года чемпион СССР должна была встретиться с одной из сильнейших лыжниц Урала — Анастасией Плотниковой.

И вот наконец наступил день этой встречи. Помериться силами двум лыжницам пришлось прежде всего в лыжной эстафете. Зоя Болотова выступала в составе команды Москвы, Анастасия Плотникова вошла в команду РСФСР. Обеим пришлось нести эстафету на последнем, пятикилометровом этапе.

Плотникова приняла эстафету на 11 секунд позже Болотовой. Образовавшийся просвет не смутил Плотникову. Она рванулась вперед и уже через 1½ километра догнала свою противницу. Отыграв 11 секунд, свердловчанка обошла чемпиона и пришла к финишу на 19 секунд раньше.

11 плюс 19 секунд на отрезке в 5 километров... Преимущество внушительное! Однако что покажет завтрашняя борьба за индивидуальное первенство...

Трасса пятикилометровой гонки для женщин проходила по сплошному коридору, образовавшемуся из взволнованных зрителей. Имена Болотовой и Плотниковой у всех на устах. Которая из них выиграет?

Лыжный трамплин на Уктусских горах.

Первой взяла старт Зоя Болотова. Половину дистанции она прошла в отличное время — за 12 минут 55 секунд.

Дали старт Плотниковой. Движения ее очень свободны, легки, но вместе с тем очень экономны. Первые 2½ километра Плотникова проходит на 7 секунд быстрее Болотовой.

Болельщики-уральцы приветствуют Плотникову восторженными криками, подбадривают ее, сообщают ей время. Плотникова убыстряет бег и к концу трех километров выигрывает у Болотовой еще 10 секунд. Впереди еще два километра, но у Плотниковой огромный запас сил. Финиширует она, выиграв у Болотовой 29 секунд, пройдя всю дистанцию в 22 минуты 16 секунд.

Теперь Болотовой оставалось одно — взять реванш в беге на 8 километров. И на этот раз Болотовой выпал жребий стартовать первой, давая этим некоторое преимущество сопернице. Но вряд ли это преимущество сыграло решающую роль. Плотникова снова блеснула прекрасной техникой и прошла 8 километров в 37 минут 26 секунд, выиграв у Болотовой 12 секунд.

Дважды победила сильнейшая! Анастасия Плотникова сделала «дубль» и стала чемпионом СССР по лыжам 1947 года. Кроме почетной формы чемпиона ей с шутливой торжественностью вручили и огромный ржавый ключ — «ключ от Уктусских гор».

Новой «хозяйке Уктусских гор» 25 лет. Она воспитанница спортивного коллектива Уралмашзавода. На лыжах бегает с детства, много занимается и легкой атлетикой.

С нетерпением ждали лыжники Свердловска выступления своего сильнейшего лыжебежца — чемпиона СССР 1946 года мастера спорта Анатолия Борина. К сожалению болезнь не позволила Борину участвовать в розыгрыше всесоюзного первенства, и он был вынужден без борьбы уступить свой титул.

Но, кроме блистательного выступления Плотниковой, в активе уральских лыжников было в прошлом сезоне немало замечательных побед. Особенно радостно, что победы эти одерживала главным образом молодежь.

Молодой лыжнице Екатерине Вогулкиной принадлежит первенство Российской Федерации по слалому и первенство СССР по горнолыжному двоеборию. Лучшему на Урале прыгуну с трамплина Авениру Тагильцеву всего 18 лет. Мастер спорта двадцатилетняя Анна Ромашева завоевала первенство РСФСР в лыжной гонке на 3 километра.

А какие прекрасные лыжники растут в уральской деревне! На областных лыжных соревнованиях сельской молодежи бригадир полеводческой бригады одного из колхозов Туринского района Александра Пряденна прошла 5 километров за 28 минут 45 секунд и 8 километров — за 44 минуты 47 секунд. Машинист Нижнесергинской МТС Михаил Шарин прошел 10 километров за 50 минут 22 секунды, а 18 километров — за 1 час 23 минуты 52 секунды.

Лыжи на Урале — самый массовый вид спорта. В лыжных кроссах участвуют десятки тысяч колхозных спортсменов. Во многих районах гористого, заваленного сугробами Урала лыжи издавна вошли в быт.

Но даже самый выдающийся талант нуждается в кропотливой шлифовке под руководством опытного тренера. Огромную работу с молодежью ведут мастера более старшего поколения, передавая ей свой богатый опыт.

Сильнейший советский лыжник, один из наиболее «техничных» гонщиков, Анатолий Борин тренирует команду Свердловского Дома офицера и уральцев, входящих в сборную команду СССР. Заслуженный мастер спорта, отличная лыжница и легкоатлетка, неоднократная участница кроссов «Юманите», Людмила Горностаева является тренером Анастасии Плотниковой и Анны Ромашевой. Мастер

Два чемпиона СССР: А. Плотникова (справа) и Е. Вогулкина — лыжницы Свердловска.

Сильнейший лыжебежец страны А. Борин.

спорта лыжник Василий Нагибин отдает много сил воспитанию спортивной молодежи, обучающейся в Свердловском техникуме физкультуры.

Тренеры — это скромные учителя и наставники тех, кто побеждает на Уктусских горах.

Новый лыжный сезон на Урале в самом разгаре. Птицей взлетает над снежными сугробами прыгун с трамплина. Вздымая на виражах белые вихри, несутся с горных скатов слаломисты. Растянулись вдали цепочки гонщиков.

Тысячи свердловчан проводят свой день отдыха на Уктусских горах, по всему Уралу, в Тавде и Нижнем Тагиле, Ирбите, Красноуфимске, Златоусте, Челябинске тренируются и выступают лыжники.

Любят уральцы и коньки, любят и мастерски ими владеют. Вся страна гордится свердловчанкой заслуженным мастером спорта Татьяной Карелиной — мировой рекордсменкой по конькам. В 1947 году впервые выступила на всесоюзных конькобежных соревнованиях студентка Свердловской консерватории Римма Жукова. Выступление Жуковой на дистанции 5 тысяч метров оказалось сенсационным. Дебютантка всесоюзных соревнований пришла к финишу третьей, на 5,5 секунды позже абсолютной чемпионки СССР Марии Исаковой и на 3 секунды позже Карелиной, опередив таких опытных и сильных скороходок, как Холщевникова, Кудрявина, Гомуло.

Спортивные успехи уральцев значительны не только в лыжном и конькобежном, но и в других видах спорта.

В Свердловске и Свердловской области 100 тысяч физкультурников. Это люди самых различных профессий.

Штангист Михаил Фоминых — старший инженер Уралэнерго.

Одна из лучших советских легкоатлеток, Клавдия Емельянова, — работник пожарного надзора.

Прекрасный боксер Евгений Наумов — мастер-инструментальщик.

Лыжница Екатерина Вогулкина — по профессии повар.

Один из лучших легкоатлетов Свердловска, Александр Номот, — инженер-проектировщик.

Талантливые мотогонщики А. Лукоянов и Н. Сачков — рабочие Мотоциклетного завода.

Мастер спорта по велосипеду Альбертина Мелешко — преподавательница географии.

Боксер 1-го разряда Виктор Дубров — ученик 40-й школы Свердловска.

Альбертина Ивановна Мелешко преподает в том классе, где учится Дубров. Два отличных спортсмена встречаются у школьной географической карты: один — в роли ученика, другая — в роли учительницы, — и заметим в скобках, что у велосипедистки Мелешко не дрогнет рука, когда это нужно, поставить боксеру Дуброву по географии тройку.

В одном только Свердловске 170 низовых физкультурных коллективов. За минувший год в них влилось больше 10 тысяч новых спортсменов.

Отлично работает спортивный коллектив Уралмашзавода (общество «Авангард»), вырастивший таких мастеров, как Татьяна Карелина и Анастасия Плотникова. В спортивных секциях этого коллектива занимается около тысячи человек.

Физкультурники Индустриального института (спортивное общество «Наука») известны в Свердловске успехами на легкоатлетических соревнованиях. Коллектив Верхисетского металлургического завода (общество «Металлург Востока») славится своей секцией плаванья.

Из 600 низовых физкультурных коллективов, имеющихся в Свердловской области, 200 создано в минувшем году.

Занимаются спортом горняки, металлурги и вагоностроители Нижнего Тагила — этого крупнейшего индустриального центра. Здесь живет и работает легкоатлетка мастер спорта Людмила Саломенина. Спортивную честь Тагила защищают отличный спринтер Носкова, мастер лыжного спорта Сазонова, легкоатлетка-перворазрядница Волженина.

Другой индустриальный центр — город Каменск-Уральский — славится в Свердловской области своими футболистами. Областное первенство по футболу в 1947 году завоевала каменская команда общества «Цветные металлы».

Угольщики Егоршина и металлурги Ревды увлекаются футболом, любят лыжи и бокс, занимаются легкой атлетикой.

Гордостью физкультурников Ирбита является находящийся здесь областной мотоклуб. Члены этого клуба выезжают в села и обучают колхозную молодежь. Недавно бригада мотоклуба работала при Сажинской МТС. 28 трактористов и полеводов научились водить мотоцикл.

Свои симпатии к отдельным видам спорта уральцы распределяют отнюдь не равномерно: в иных местах особенно любят мотоцикл, в других — гимнастику, футбол и легкую атлетику. Но нет такого места на Урале, где не любили бы лыжи и коньки.

Многолюдно и шумно на Уктусских горах. Скрипят лыжи и звенят коньки по всему Уралу! И всех уральцев волнуют сейчас одни и те же «сугубо зимние» вопросы:

Удержит ли за собой Анастасия Плотникова звание чемпиона Советского Союза?

Какими прыжками порадует земляков Авенир Тагильцев?

Как пройдет нынче свои излюбленные 18 километров Анатолий Борин?

На сколько еще приблизится к Татьяне Карелиной и Марии Исаковой Римма Жукова, которую наиболее завзятые болельщики называют уже «Карелиной № 2»?

Какими достижениями блеснут, какие победы одержат сотни других молодых лыжников и конькобежцев?

И мы не ошибемся, если скажем, что эти вопросы волнуют не одних только уральцев.

Гонщик и его пассажир

А. Лукоянов и Н. Сачков на дистанции.
Фото В. Руйковича

Мотоциклетные гонки называют спортом смелых, и в том нет ни капли преувеличения. Авария на скорости 120—150 километров грозит большими неприятностями. Нужно обладать величайшей уверенностью в своих силах, чтобы на максимальной скорости пройти всю дистанцию.

На асфальтовом кольце близ Риги были разыграны гонки мотоциклов с колясками на первенство СССР. Эти гонки относятся к числу самых сложных и требуют от участников большого мастерства. Если вы на полном ходу повернете мотоцикл в сторону коляски, она оторвется от земли и перевернет вашу машину. Поэтому повороты требуют от гонщика большой осмотрительности и проводятся с помощью его пассажира, сидящего в коляске.

Посмотрите на снимок. Держась руками за специальные ручки, пассажир почти касается плечом земли, перемещая этим самым центр тяжести. Но даже и при этом коляска часто поднимается в воздух, и мотоцикл движется вперед только на двух колесах. Искусство водителя состоит в том, что он чувствует, до каких пределов можно допускать такой воздушный пируэт. Когда гонщик поворачивает в сторону от коляски, центробежные силы действуют в противоположном направлении, и пассажир, чтобы обеспечить поворот, бросается за спину гонщика.

На двухсоткилометровой дистанции пассажир делает около 600 подобных бросков из стороны в сторону. Не правда ли, как мало подходит название «пассажир» к этому смелому спортсмену, от искусства, силы, смелости и выносливости которого зависит результат гонки?

Героями первенства были два молодых уральских гонщика—А. Лукоянов и Н. Сачков. Они работают на Ирбитском мотоциклетном заводе и шли на машине своего завода «М-75».

Между ними и двумя опытными эстонскими гонщиками, К. Ринальдо и Р. Лауром, от начала до конца шла борьба, захватившая многочисленных зрителей.

Молодые уральцы заняли первое место, завоевав для себя звание чемпионов страны, а для своего завода — победу над мотоциклами всех других марок.

Удивительно точное чувство машины проявил А. Лукоянов в кроссе, дистанция которого была проложена по песку, болотам и лесу. Пассажиру часто приходится исполнять роль дополнительной тяговой силы. Он подталкивает мотоцикл на крутом подъеме, а выбравшись на хорошую дорогу, вскакивает в коляску на ходу, чтобы не задержаться ни на секунду.

В кроссе уральцам пришлось уступить первенство московской паре Черемискин — Гурский. Слишком трудным оказался маршрут. Когда у одного из кроссменов спросили, как он оценивает дистанцию кросса, он ответил: «Часть дистанции я ехал на мотоцикле, другую часть — мотоцикл ехал на мне».

Не менее тяжелая задача пришлась и на долю кроссменов, выступавших на мотоциклах без колясок. Здесь абсолютно лучшее время показал динамовец В. Корнеев. В классе машин до 350 куб. см. победителем вышел один из лучших кроссменов СССР, Е. Грингаут.

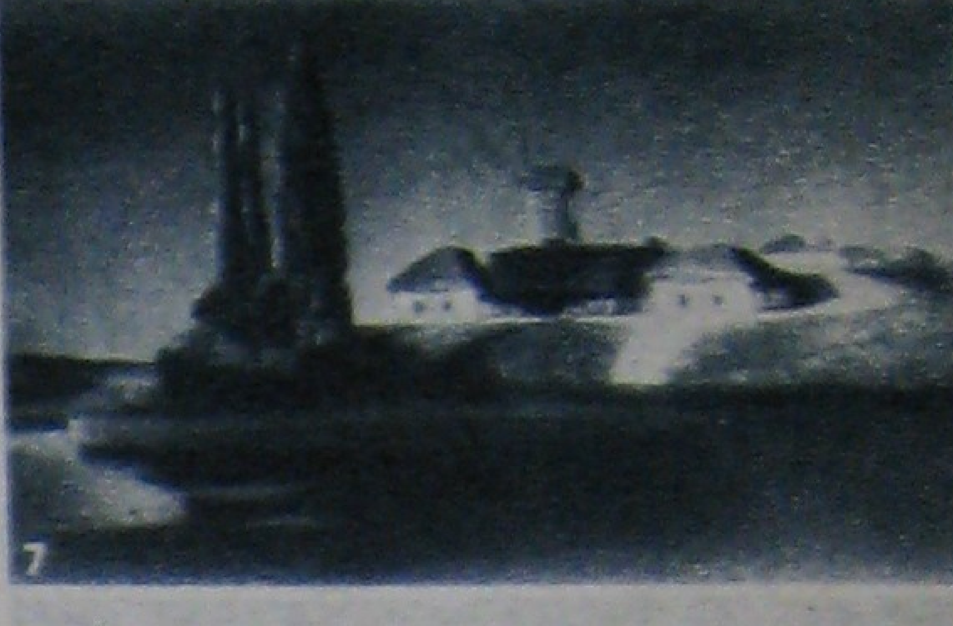
А. ВИТ

Времена года

1. Здравствуй, русская молодка,
Раскрасавица-душа,
Белоснежная лебедка,
Здравствуй, матушка-зима!..

2. Окно,—
с него
идут
снега,
мягка
снегов,
тиха
нога.

3. Опять незримые усилья,
Опять невидимые крылья
Приносят северу тепло...

4. Еще в полях белеет снег,
А воды уж весной шумят,
Бегут и будят сонный брег,
Бегут, и блещут, и гласят...

5. Гонимы вешними лучами,
С окрестных гор уже снега
Сбежали мутными ручьями
На потопленные луга.

6. Снова птицы летят издалека
К берегам, расторгающим лед;
Солнце теплое ходит высоко
И душистого ландыша ждет.

7. ...Своей дремоты превозмочь
Не хочет воздух. Чуть трепещут
Сребристых тополей листы.

8. Опять она, родная сторона
С ее зеленым, благодатным летом,
И вновь душа поэзией полна...

9. Все рожь кругом, как степь живая,
Ни замков, ни морей, ни гор...
Спасибо, сторона родная,
За твой врачующий простор.

10. Осыпал лес свои вершины,
Сад обнажил свое чело,
Дохнул сентябрь, и георгины
Дыханьем ночи обожгло.

11. Унылая пора, очей очарованье,
Приятна мне твоя прощальная краса!
Люблю я пышное природы увяданье,
В багрец и в золото одетые леса...

12. В последних числах сентября
(Презренной прозой говоря)
В деревне скучно, грязь, ненастье,
Осенний ветер, мелкий снег,
Да вой волков.

ВСПОМНИТЕ АВТОРОВ ЭТИХ КАРТИН И СТИХОВ, ЯРКО ОТОБРАЗИВШИХ В СВОИХ ПРОИЗВЕДЕНИЯХ РОДНУЮ ПРИРОДУ.

Почему мы так говорим

КАЛАЧ

Встарь писали не «калач», а «колач». Но в московской «акающей» речи неударяемое «о» произносили, как «а». Поэтому слово и превратилось в «калач».

Калач имел круглую форму, давшую ему название. Основа «коло» значит круг; около — вокруг, окольный — кружной, а затем ряд производных слов: околесица, колесо, коловорот, колея, кольцо, колобок...

Выпекаемый из пшеничной муки калач считался лакомством (недаром говорят: «Калачом не заманишь») и стоил дороже простого хлеба.

Но как объяснить поговорку «Нужда заставит калачи есть»?

Дореволюционная деревня питалась ржаным хлебом: пшеничный был редок. Из-за голода крестьяне уходили на заработки из родных деревень. Они шли в урожайные места и в города, где калач был обычной едой. Отсюда и смысл поговорки.

Французское слово «калеш» и немецкое «калеше» — «коляска» — заимствованы из славянских языков. В основе их ясно чувствуется русская основа «коло» — круг.

КРАСНЫЙ ПЕТУХ

«Красный петух» в народной речи — пожар. Название это связано с древнейшими обычаями славян.

Главным из богов, которым поклонялись предки — древние славяне,— был Перун, бог грома и молнии. Петух почитался птицей, посвященной Перуну. Много обычаев связывалось с петухом, которого, например, носили в свадебных процессиях как олицетворение счастья, домашнего очага и огня. Отсюда и название пожара — «красный петух».

И. УРАЗОВ

ОТВЕТЫ НА ЗАГАДКУ «КАК ЗВАЛИ...»

(№ 2)

1. Евгений, Параша. 2. Пьер Безухов. 3. Манилов. 4. Дмитрий. 5. Иван Александрович. 6. Иван Кузьмич, Степан. 7. Герасим. 8. Симеон Вырин, Дуня, Минский. 9. Ноздрев. 10. Авдотья Николаевна Бобковская. 11. Наталья Павловна. 12. Аммос Федорович Ляпкин-Тяпкин.

ШАХМАТЫ

ЧИГОРИНСКИЙ ТУРНИР

(Беседа с гросмейстером М. Ботвинником)

В связи с 40-летием со дня смерти великого русского шахматиста М. И. Чигорина Комитет по делам физкультуры и спорта при Совете министров РСФСР провел в Москве турнир шахматистов славянских стран.

В турнире приняли участие: семь советских гросмейстеров—чемпион СССР П. Керес (Таллин), И. Болеславский (Свердловск), И. Бондаревский (Ленинград), М. Ботвинник, А. Котов, В. Рагозин и В. Смыслов (Москва); чемпион РСФСР мастер Новотельнов (Грозный), чемпион Украины мастер А. Сокольский (Львов), белорусский мастер Р. Холмов (Гродно) и представители братских славянских стран—мастер К. Плятер (Польша), мастер А. Цветков (Болгария), мастера П. Трифунович и С. Глигорич (Югославия), мастера Л. Пахман и Ч. Коттнауэр (Чехословакия).

25 ноября в концертном зале Центрального Дома Красной Армии турнир был открыт в торжественной обстановке, и на следующий день игра началась...

На старте разгорелась ожесточенная борьба. Хотя неоконченные партии затрудняли оценку шансов участников, однако было ясно, что И. Болеславский и А. Котов стартовали удачнее всех. Близок к ним был П. Керес, потерпевший в 6-м туре поражение от В. Рагозина. Мои шансы оценивались весьма низко: предполагалось, что из 5(!) неоконченных партий я не смогу набрать более 50% возможных очков.

Сам я был настроен более оптимистично, главным образом из-за одного эпизода в партии с С. Глигоричем из 3-го тура. После 31-го хода белых (белые — Глигорич: Крg1, Фf3, Лс1, d1, Сb4, Кf4, п. a2, f2, g2 и h3, черные — Ботвинник: Крg8, Фd7, Лe5, e8, Кc5, f6, п. b6, d4, f5, f7 и h6) получилась позиция, изображенная на снимке. У черных лишняя пешка, кроме того они преобладают в центре. Правда, у черных испорчена пешечная позиция на королевском фланге, но им достаточно было сделать еще один ход — 31... Крh7!, чтобы консолидировать положение своего короля.

Вместо этого очевидного хода черные, находясь в цейтноте, сделали ход, умопомрачительный по своей бессмысленности:

31. . . . Лe8—c8

Как только ход был сделан, я с ужасом заметил, что ладья e5 осталась без защиты, и стал смотреть, не могут ли белые этим воспользоваться. Конечно, могут! Ведь от варианта 32. Фg3 + Крh7 33. Кh5! К : h5 (от угрозы Фg7 × или К : f6 + нет другой защиты) 34. Ф : e5 нет никакого спасения...

Нельзя сказать, чтобы я в этот момент был в очень «веселом» настроении, но чувство юмора, видимо, меня не покинуло. «Вот, — подумал я, — найдутся, вероятно, специалисты-критики, которые расхвалят игру молодого Глигорича, будут восхищаться тем, как он запутал своего бедного партнера. Некоторые еще будут утверждать, что Глигорич предвидел этот вариант, делая свой первый ход 1. d2—d4...»

Таким горьким размышлениям я предавался не более 30 секунд. Шахматист-практик взял верх над «шахматистом-философом», и я все же решил проверить: а нет ли после 34. Ф : e5 какого-нибудь «чуда». Да какое тут может быть спасение, когда все пешки черных слабы, пешка d4 и конь c5 под ударом, конь h5 выключен из игры!

Однако Глигорич все еще думал; я решил последний раз проверить варианты и... чудо нашлось! В этот момент белые сделали, наконец, ход, и следующая серия ходов была сыграна в молниеносном темпе (читатель, вероятно, не забыл, что черные находились в цейтноте):

32.	Фf3—g3+	Крg8—h7
33.	Кf4—h5	Кf6 : h5
34.	Фg3 : e5	Кc5—d3

Это и есть чудо! Глигорич изменился в лице: он, возможно, удивлялся, что я не сдаю партии, — но выбора у белых нет.

35.	Лd1 : d3	Лc8 : c1 +
36.	Крg1—h2	Лc1—c4

и партия вскоре закончилась вничью! Зрители восприняли эту серию ходов, как простую разменную комбинацию... Но я знал, что комбинация была не совсем обыкновенной, и решил про себя, что если оказался возможным такой «чудесный» зевок, то, вероятно, турнир для меня далеко не потерян!

Так или иначе, но из 5 моих неоконченных партий получилось 4 очка, и я присоединился к лидерам турнира — И. Болеславскому и А. Котову. В дальнейшей борьбе мне «помог» гросмейстер Керес: он выиграл и у Болеславского и у Котова... Здесь, однако, меня стал «поджимать» гросмейстер Рагозин; в 11-м туре мне удалось у него выиграть, и турнирное положение лидера, казалось бы, было вполне прочным.

Однако в 13-м туре я не заметил хитрого ответа своего партнера — чемпиона Чехословакии Л. Пахмана, — остался без фигуры (слона) и в конце концов признал себя побежденным.

Это вновь обострило турнирное положение: П. Керес отставал от меня лишь на ½ очка, И. Болеславский, А. Котов, В. Рагозин и В. Смыслов — на очко.

В 14-м туре, после двухдневной борьбы, мне посчастливилось одолеть своего грозного противника П. Кереса, что и решило вопрос о победителе турнира.

Вот результаты турнира: Ботвинник — 11, Рагозин — 10½, Болеславский и Смыслов — 10, Котов — 9½, Керес и Новотельнов — 9, Пахман — 8½, Трифунович — 8, Глигорич — 7½, Бондаревский — 6½, Холмов — 5½, Коттнауэр — 5, Плятер и Сокольский — 4, Цветков — 2.

Как легко усмотреть из итогов турнира, в первую очередь надо отметить незаурядное достижение гросмейстера В. Рагозина. Его талант давно пользуется общим признанием, но Рагозину часто (может быть, слишком часто!) недоставало необходимых спортивных качеств. В этом же турнире он был на высоте и как художник и как спортсмен. Это, пожалуй, наивысший успех Рагозина за всю его шахматную деятельность и первый успех в качестве гросмейстера!

И. Болеславский и В. Смыслов разными путями пришли к благополучному концу. Болеславский блестяще стартовал, а выдохся в конце турнира; Смыслов же потерпел неудачу на старте, но блестяще финишировал. Как остроумно заметил гросмейстер Котов, им был бы обеспечен первый приз, если бы старт Болеславского можно было бы сложить с финишем Смыслова... Однако, на наш взгляд, им нет оснований огорчаться своими результатами. В таком же положении находится, примерно, и А. Котов: он сильно и ровно провел весь турнир, и лишь 2 ничьи в последних двух турах несколько снизили его результаты.

Чемпион РСФСР мастер Новотельнов, впервые выступавший в столь серьезном состязании, заслуживает высокой похвалы. Это очень изобретательный шахматист. Следует не забывать, однако, что его плохо знали, и это было в его пользу. Можно надеяться, что и в дальнейшем Новотельнов будет выступать успешно.

Гросмейстеру Бондаревскому в середине турнира явно изменили нервы: он проиграл под ряд 5(!) партий; ни один другой участник не сумел повторить этот своеобразный рекорд... Неудивительно, что И. Бондаревский значительно отстал от других советских гросмейстеров.

Молодой Ратмир Холмов в общем сыграл удовлетворительно. Сначала Холмов попросту растерялся, но на финише сыграл отлично. Холмов не лишен таланта, и если он серьезно будет работать над собой (это сделать не так трудно, ибо недостатки его игры пока очевидны!), то он двинется вперед.

Чемпион Украины мастер А. Сокольский — один из лучших наших теоретиков,— к сожалению, не обладает крепким здоровьем, и это отразилось на его результатах.

С лучшей стороны зарекомендовали себя наши гости— представители братских славянских стран. С. Глигорич обладает ясным и приятным стилем игры; однако он недостаточно искушен в сложной борьбе. П. Трифунович и опытнее и осторожнее его. Это очень сильный мастер. Л. Пахман заметно вырос за последний год; остается пожелать этому остроумному мастеру дальнейших успехов. Ч. Коттнауэр был просто в «неудачной форме», а К. Плятеру и А. Цветкову для такого турнира нехватало опыта и подготовки.

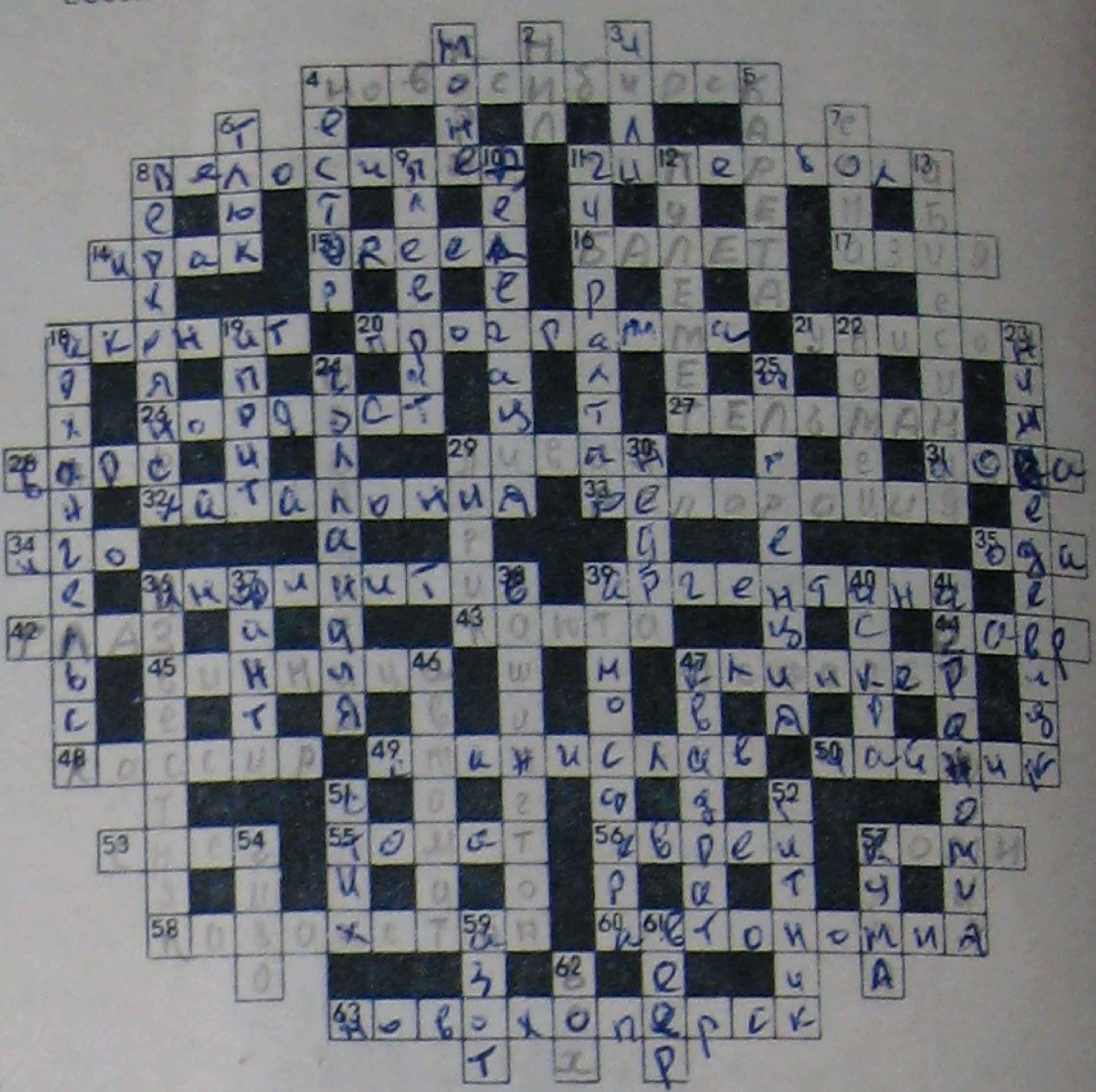
Особо следует остановиться на результате Пауля Кереса, который, как это признано во всем шахматном мире, является одним из наиболее вероятных претендентов на шахматный «престол». Его спортивная форма оставляла желать лучшего, но я полагаю, что у советских шахматистов нет особых оснований беспокоиться за будущие результаты своего чемпиона: П. Керес обладает достаточным опытом; он сам побеспокоится о том, чтобы в дальнейшем выступать с успехом, соответствующим его подлинной силе.

Турнир дал много интересного в творческом отношении как в области дебюта, так и в области миттельшпиля и эндшпиля. Можно не сомневаться, что творческие итоги этого соревнования будут изучаться любителями шахмат во всем мире.

Одним из главных итогов Чигоринского турнира является тот дружественный контакт, который теперь существует между ведущими мастерами славянских стран. Можно надеяться, что эта дружба будет крепнуть и служить дальнейшему процветанию шахмат в славянских странах.

КРОССВОРД

Составил читатель «Огонька» А. БАЛАНОВ (Краснодар)

По горизонтали:

4. Город в СССР. 8. Средство передвижения. 11. Геометрическая кривая. 14. Государство в Азии. 15. Сияние. 16. Хореографическое искусство. 17. Часть света. 18. Растение. 20. Намеченный образ действия. 21. Созвучие. 26. Название ветра. 27. Вождь компартии Германии. 28. Хищный зверь. 29. Государство в Африке. 31. Мужское имя. 32. Провинция в Испании. 33. Возмещение убытков, нанесенных войной. 34. Бремя. 35. Поэтическое произведение. 36. Неопределенное наклонение. 39. Государство в Южной Америке. 42. Орган зрения. 43. Помещение на корабле. 44. Город во Франции. 45. Город в УССР. 47. Материал для мостовых. 48. Хранитель денег. 49. Мужское имя. 50. Предмет домашнего обихода. 53. Атмосферные осадки. 55. Огородное растение. 56. Народность. 57. Автономная ССР. 58. Союзная республика. 60. Самоуправление. 63. Город в Воронежской области.

По вертикали:

1. Французский художник. 2. Река в Африке. 3. Государство в Южной Америке. 4. Летописец на Руси. 5. Закрытая коляска. 6. Немецкий композитор. 7. Река во Франции. 8. Город в СССР. 9. Болезнь. 10. Депутация. 11. Крепость на Пиринейском полуострове. 12. Огнестрельное оружие. 13. Эфиопия. 18. Город в СССР. 19. Отравляющее вещество. 22. Германец. 23. Город в РСФСР. 24. Государство в Европе. 25. Город в Италии. 29. Лирический поэт. 30. Внутренность земли. 36. Горная порода. 37. Народность в Западной Африке. 38. Город в США. 39. Газообразная оболочка Земли. 40. Частица горящего вещества. 41. Наука о сельском хозяйстве. 46. Огнестрельное оружие. 47. Геометрическая фигура. 51. Отдельная строка стихотворения. 52. Сорт хлеба. 54. Французский политический деятель. 57. Река на Кавказе. 59. Химический элемент. 61. Опахало. 62. Немецкий ученый.

ОТВЕТЫ НА КРОССВОРД, ПОМЕЩЕННЫЙ В № 2

По горизонтали:

1. Гелиотроп. 4. София. 7. Лафет. 10. Тонна. 11. Либретто. 12. Нагасаки. 14. Кровь. 15. Сарафан. 17. Армюр. 20. Нуга. 21. Очки. 23. Плотва. 25. Бас. 26. Патока. 30. Жигули. 31. Болото. 33. Лобзик. 36. Узы. 38. Карьер. 40. Арго. 41. Гера. 42. Киоск. 44. Толокно. 47. Фрукт. 49. Гольдони. 50. Камертон. 51. Цимол. 52. Искра. 53. Абрис. 54. Перитонит.

По вертикали:

2. Латона. 3. Руанда. 4. Силок. 5. Фибролит. 6. Ясень. 7. Луара. 8. Фрагмент. 9. Триер. 13. Сайгак. 15. Сага. 16. Ночь. 18. Капитолий. 19. Платформа. 20. Наливка. 22. Ипотека. 24. Озноб. 27. Огонь. 28. Ель. 29. Гол. 32. Озеров. 34. Закоулок. 35. Агат. 37. Вето. 39. Редуктор. 42. Кегли. 43. Кадка. 45. Офицер. 46. Наклон. 47. Фреза. 48. Тонус.

Главный редактор — А. СУРКОВ. Адрес редакции: Москва, ул. «Правды», 24. Тел. Д 3-38-61. Оформление И. УРАЗОВА.
А — 01055 Подписано к печати 13/I—48 г. 5½ печ. л. Изд. № 69. Тираж 154 000. Заказ 3770. Рукописи не возвращаются.
Типография газеты «Правда» имени Сталина. Москва, ул. «Правды», 24.

СБЕРЕГАТЕЛЬНЫЕ КАССЫ

ПРОДАЮТ и ПОКУПАЮТ

ОБЛИГАЦИИ

ГОСУДАРСТВЕННОГО

3% ВНУТРЕННЕГО ВЫИГРЫШНОГО ЗАЙМА

•

ЕЖЕГОДНО ПО ЗАЙМУ ПРОИЗВОДЯТСЯ
шесть основных и один дополнительный тираж выигрышей

•

В 1948 году основные тиражи состоятся: 30 января, 30 марта, 30 мая, 30 июля, 30 сентября и 30 ноября; дополнительный тираж назначен на 30 сентября 1948 года

В ОСНОВНЫХ ТИРАЖАХ УЧАСТВУЮТ ВСЕ ОБЛИГАЦИИ, НЕЗАВИСИМО ОТ СРОКА ИХ ПРИОБРЕТЕНИЯ. В ДОПОЛНИТЕЛЬНЫХ ТИРАЖАХ УЧАСТВУЮТ ОБЛИГАЦИИ, ПРИОБРЕТЕННЫЕ НЕ МЕНЕЕ ЧЕМ ЗА 9 МЕСЯЦЕВ ДО СРОКА ТИРАЖА.

В КАЖДОМ ТИРАЖЕ на один разряд займа в один миллиард рублей разыгрывается следующее количество выигрышей:

Размер выигрыша	В основном тираже	В дополнительном тираже
100.000 рублей	—	1
50.000 рублей	2	5
25.000 рублей	5	25
10.000 рублей	25	80
5.000 рублей	80	800
1.000 рублей	700	2.300
400 рублей	7.688	8.289
Всего	8.500	11.500

В первом дополнительном тираже участвуют облигации, приобретенные до 30 января 1948 года

ПРИОБРЕТАЙТЕ ОБЛИГАЦИИ ГОСУДАРСТВЕННОГО 3% ВНУТРЕННЕГО ВЫИГРЫШНОГО ЗАЙМА!

19

Главное Управление гострудсберкасс и госкредита.

…Азау-Су на высоте 2300 метров (Кавказ). Покрытые инеем цветы.

Фото А. Сидоренко

Фото Н. Колли